

ГОРГИАСЪ.

ГОРГІАСЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Заглавіе этого разговора указываетъ на знаменитаго, современнаго Платону софиста, Горгіаса леонтинскаго. Бывъ съмолоду ученикомъ элейскаго философа Эмпедокла, Горгіасъ, вѣроятно, пользовался въ своемъ отечествѣ именемъ челоѣка образованнаго, и на второмъ году 88 олимпіады отправленъ былъ въ Аѣины въ качествѣ посланника. Въ Аѣинахъ—тогдашнемъ средоточіи греческихъ наукъ и искусствъ, онъ вполне оправдалъ довѣріе отечественнаго своего города и притомъ прослылъ отличнымъ говоруномъ. Рѣчь его была нѣсколько высокопарна, характеризовалась поэтической обработкою выраженій, изобиловала эпитетами и метафорами, особенно же антитезами и необыкновенными оборотами; такъ-что у Грековъ вошло въ пословицу: *γοργιάζειν, γοργεία ρήματα καὶ σχήματα*. Замѣтивъ, что Аѣиняне восхищаются его краснорѣчіемъ, онъ счелъ полезнымъ объявить себя учителемъ юношества, и этимъ занятіемъ собралъ великое богатство ¹. Главнымъ положеніемъ его ученія было то, что истины нѣтъ нигдѣ, что все зависитъ отъ убѣжденія въ извѣстномъ мнѣніи, и что слѣдовательно искусство убѣждать—то самое искусство, которое онъ преподавалъ,—долж-

¹ *Philostrat. vitt. Sophist. p. 501.*

но быть поставляемо выше всего. Противъ этого-то положенія Платонъ написалъ предлагаемый здѣсь разговоръ.

Коренная мысль, около которой вращается изслѣдованіе Платона въ его Горгіасѣ, можетъ быть выражена такъ: чтобы убѣждать народъ, ораторъ долженъ быть воодушевленъ знаніемъ истиннаго, добраго и справедливаго, или долженъ въ самомъ дѣлѣ философствовать, а не казаться философомъ. Какимъ образомъ Платонъ доказываетъ эту мысль и въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ его доказательства, — мы увидимъ ясно, подвергнувъ его разговоръ строгому и отчетливому анализу.

Бесѣда начинается на афинской площади. Сократъ и преданный ему ученикъ Херефонъ встрѣчаются съ Калликломъ, усерднымъ почитателемъ таланта Горгіасова и хозяиномъ того дома, въ которомъ Горгіасъ квартируетъ. Калликлъ очень жалѣетъ, что встрѣтившіеся съ нимъ друзья не пришли къ нему пораньше; — тогда они имѣли бы удовольствіе слышать декламацію Горгіаса, — и такъ-какъ Херефонъ выразилъ при этомъ свою увѣренность, что софистъ не откажется показать себя и имъ, то Калликлъ приглашаетъ ихъ къ себѣ (р. 447). Это—историческое вступленіе, или поводъ къ бесѣдѣ объ искусствѣ Горгіаса.

На пути къ Горгіасу Сократъ какбы составляетъ планъ собесѣдованія съ нимъ и поручаетъ Херефону открыть разговоръ вопросомъ: кто онъ таковъ, или именемъ какой науки называется? Когда же они пришли, — на этотъ вопросъ Сократова ученика весьма самонадѣянно взялся отвѣчать ученикъ Горгіаса, Полосъ; но говоря съ важностію, сказалъ только то, что Горгіасова наука превосходна. По этому Сократъ, замѣтивъ неудовлетворительность Полосова отвѣта, проситъ софиста, чтобы онъ самъ потрудился рѣшить задачу Херефона, — и Горгіасъ говоритъ, что онъ учитъ риторику и называется риторомъ (448 — 449 С). Это можно назвать философскимъ вступленіемъ въ разговоръ, въ которомъ не только указывается на главный предметъ его, но и съ

драматическою ловкостію обрисовываются характеры дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь Херефонъ является намъ скромнымъ и умнымъ молодымъ человѣкомъ, который въ предложеніи вопросовъ совершенно усвоилъ себѣ методу учителя и превосходно владѣетъ любимую имъ индукціею: напротивъ въ Полосѣ мы видимъ юношу заносчиваго и вмѣстѣ весьма поверхностнаго, который, не умѣя отвѣчать дѣльно, хочетъ прикрыть свое невѣжество софистическою изысканностію выражений и наборомъ пустыхъ словъ. Что же касается до самого Горгіаса, то въ немъ тотчасъ узнаешь безстыднаго хвастуна, который не столько говоритъ о превосходствѣ своей науки, сколько о превосходствѣ себя самого въ наукѣ.

Когда Горгіасъ приписалъ себѣ имя ритора и преподавателя риторики,—Сократъ своими вопросами начинаетъ незамѣтно направлять его къ ограниченію той области, въ которой дѣйствуетъ риторика, чтобы въ этомъ именномъ или формальномъ понятіи науки уловить ея содержаніе. Онъ спрашиваетъ Горгіаса, чему учить риторика, и выслушавъ его отвѣтъ, что она есть наука о рѣчахъ, искусно заставляетъ его ограничить самое понятіе рѣчи. Если риторика есть наука о рѣчахъ, говоритъ онъ, то и всякую другую науку можно назвать риторикою; потому что всякая изъ нихъ учить составлять рѣчи о томъ, чему учить. Для отраженія этого возраженія, софистъ долженъ былъ отличить риторикѣ прежде всего отъ ремеслъ — именно тѣмъ, что послѣднія учатъ говорить рѣчи для произведенія того или другаго дѣла, а первая поставляетъ свое дѣло только въ рѣчахъ. Такимъ ограниченіемъ риторики, казалось бы, можно было довольствоваться Сократу, какъ впоследствии довольствовались имъ не только Греки и Римляне, но и образованные народы временъ схоластическихъ: однакожъ Сократъ не остановился на этомъ. Онъ всѣ науки дѣлитъ на два класса: однѣ, говоритъ, дѣйствуютъ молча и почти не требуютъ рѣчей; а другія выражаются рѣчами и почти не обнаруживаютъ никакого дѣла. Послѣднихъ, равно какъ и первыхъ, не мало: на-

прим., ариѣметика, геометрія, астрономія и проч. О какихъ же рѣчахъ учить риторика? — Этотъ вопросъ побуждаетъ Горгіаса еще тѣснѣе ограничить предметъ риторики, и онъ отвѣчаетъ, что риторика имѣетъ въ виду рѣчи, касающіяся великихъ и важнѣйшихъ дѣлъ человѣческихъ. — Великія и важнѣйшія дѣла! Но вѣдь и это понятіе весьма неопредѣленно, замѣчаетъ Сократъ. Всякому человѣку собственное его занятіе кажется важнѣе всѣхъ и, по его мнѣнію, составляетъ величайшее благо человѣчества. О которыхъ же важнѣйшихъ и величайшихъ дѣлахъ учить говорить рѣчи риторики, и которыя изъ нихъ почитаетъ величайшимъ благомъ? На этотъ вопросъ отвѣчая прямымъ ограниченіемъ, софистъ желалъ бы сказать, что дѣло риторики — говорить рѣчи о такихъ вещахъ, которыя важны и велики, по собственному мнѣнію оратора, такъ какъ бы собственное его мнѣніе было величайшимъ добромъ; но онъ ту же самую мысль высказалъ нѣсколько мягче и прикровеннѣе: моя наука, говоритъ, посредствомъ рѣчей, умѣетъ убѣждать судей и народъ въ томъ, что мнѣ нравится, и такимъ образомъ господствуетъ надъ общественнымъ мнѣніемъ. Явно, что послѣднимъ своимъ отвѣтомъ Горгіасъ открылъ уже нравственно-слабую сторону софистической риторики, и Сократу теперь нетрудно было бы показать, сколь губительно должно быть ея вліяніе на общество; однакожъ онъ не хочетъ предупреждать слѣдствій и незамѣтно заставляетъ софиста уклониться подъ защиту такой мысли, которая въ своемъ развитіи должна противорѣчить эгоистической его цѣли. Если риторика, говоритъ онъ, направляется къ убѣженію судей и народа въ мнѣніи оратора, то она не отличается ни отъ какой другой науки; потому-что всякая изъ нихъ убѣждаетъ судей и народъ именно въ томъ, чему учить. Послѣ сего какую еще чертою оставалось Горгіасу охарактеризовать риторику? Онъ поставляется въ необходимость отступить къ послѣдней опорѣ всѣхъ политическихъ рѣчей — справедливости и несправедливости, и полагаетъ, что его наука убѣждаетъ относительно дѣлъ

справедливыхъ и несправедливыхъ (449 В — 454 С). Итакъ теперь Сократъ вынудилъ у своего противника два окончательныхъ положенія касательно риторики: первое, что риторика учитъ составлять рѣчи для убѣжденія народа въ мнѣнїи оратора; второе, что риторика учитъ убѣждать рѣчами въ справедливости или несправедливости чего-либо. За эти два положенія хватается онъ, какъ за посылки, и чрезъ развитіе ихъ приходитъ къ заключенію, обличающему софиста въ явномъ противорѣчїи собственнымъ его мнѣніямъ. Послѣдуемъ за нимъ.

Сократъ прежде всего различаетъ знаніе и вѣрованіе — на томъ основанїи, что первое всегда истинно, а послѣднее можетъ быть и истиннымъ и ложнымъ. Соответственно же различію между знаніемъ и вѣрованіемъ, онъ полагаетъ и два рода убѣжденія: одно — дающее вѣру безъ знанія, а другое — то, которымъ сообщается знаніе, и потомъ спрашиваетъ Горгіаса: которую убѣдительность приписываетъ онъ рѣчамъ ораторскимъ? Горгіасъ, не рѣшаясь приписать имъ знаніе, отвѣчаетъ, что риторика убѣждаетъ вѣрить, и такимъ образомъ, самъ не замѣчал, начинаетъ удаляться отъ основанія справедливости и несправедливости, состоящаго только въ знанїи. Чтобы заставить его еще далѣе пройти по этому пути и высказать яснѣе отступленіе его отъ собственнаго его положенія, Сократъ указываетъ ему для примѣра на нѣсколько случаевъ, въ которыхъ правительство города призываетъ на совѣщаніе не ораторовъ, умѣющихъ убѣждать къ вѣрѣ, а мастеровъ, владѣющихъ знаніемъ того, о чемъ идетъ дѣло; но какбы нарочно избираетъ такіе случаи, которые подавали поводъ софисту — исторически подтвердить то мнѣніе, что риторика, убѣждая своими рѣчами къ вѣрѣ безъ знанія, торжествуетъ надъ самымъ знаніемъ. Ты самъ, Сократъ, прекрасно привелъ меня къ этому, говоритъ Горгіасъ: вѣдь конечно знаешь, что ваши гавани, ваши стѣны и пристани сооружены по совѣту Перикла иThemistocles, а не мастеровыхъ; и думая, что уже гобѣдилъ Сократа, начи-

наеть хвастливо рассказывать о томъ, какъ онъ ораторскими убѣжденіями заставлялъ больныхъ принимать лекарства, къ чему не могли убѣдить ихъ сами врачи, и изъ этого заключаетъ, что искусный въ риторикѣ въ состояніи предъ толпою народа говорить убѣдительное всякаго художника. Впрочемъ, продолжаетъ онъ, какбы вовсе забывъ свое положеніе, что риторика учить убѣждать въ справедливомъ и несправедливомъ, — учитель риторики не отвѣчаетъ, если его ученики, получивъ способность убѣждать народъ во всемъ, въ чемъ захотятъ, будутъ пользоваться ею несправедливо и наносить другимъ обиды. Явно, что это положеніе софиста стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ вышеупомянутымъ его положеніемъ. Посему Сократъ, какбы не желая выводить наружу и безъ того очевидную несообразность допущенныхъ имъ понятій о риторикѣ, предлагаетъ оставить, если угодно, дальнѣйшія слѣдствія; а Горгіасъ, все еще не понимая, какимъ образомъ возможно обличеніе его положеній, и вмѣстѣ какбы опасаясь Сократовой діалектики, самъ стыдится сойти съ арены и объявляетъ свою готовность замолчать только по снисхожденію къ слушателямъ, какъ бы, то-есть, не утомить и не задержать ихъ слишкомъ длинною бесѣдою. Но когда ученики изъявили пламенное желаніе внимать своимъ корифеямъ, Горгіасъ уже не могъ отказаться отъ собесѣдованія, и Сократъ эротематически заставляеть софиста повторить первое изъ его положеній, что риторикѣ нѣтъ надобности знать самое дѣло, — ей нужно только найти нѣкоторый способъ убѣжденія, чтобы незнающіе явились болѣе знающими, чѣмъ знающіе; а потомъ новымъ вопросомъ переводить его и ко второму, что кто не знаетъ, въ чемъ состоитъ истинное, доброе и справедливое, тотъ и этому можетъ научиться изъ риторики. Но послѣднее положеніе очевидно приводило къ слѣдствію, что ораторъ необходимо справедливъ и дѣлаеть другихъ справедливыми; тогда какъ, развивая первое, Горгіасъ утверждалъ, что ораторъ не отвѣчаетъ, если, посредствомъ его искусства, эти другіе, то-есть

его ученики, будутъ дѣлать несправедливости. Показавъ на видъ такія противорѣчущія слѣдствія изъ софистическаго понятія объ одной и той же наукѣ, Сократъ заключаетъ: для надлежащаго разсмотрѣнія всего, что тутъ есть, клянусь собакою, Горгіасъ, нужна не краткая бесѣда! (454 Д—461 А). И эту Сократовую эпифонемою Платонъ оканчиваетъ первый отдѣлъ своего діалога.

Видя, что Горгіасъ запутался въ противорѣчія, и замѣтивъ, что онѣ проистекли отъ присвоенія оратору знанія истины, добра и красоты, Полосъ рѣшается защитить своего учителя, и подстрекаемый прекрасно ироніею Сократа, самъ начинаетъ предлагать ему вопросы. Рѣчь опять открывается тѣмъ же: что такое риторика?—и Сократъ, не удостоивая ея имени искусства, называетъ ее навыкомъ представлять нравящееся и возбуждать удовольствіе. При этомъ онъ съ удивительною тонкостію обнаруживаетъ непослѣдовательность и неопытность вопрошателя, такъ что ведетъ его какбы на помочахъ. Ухватившись за слова: *представляютъ нравящееся, возбуждаютъ удовольствіе*, Полосъ съ юношескою опрометчивостію тотчасъ называетъ риторику наукою прекраснаго; но Сократъ, слегка замѣтивъ, что нравящееся не всегда прекрасно, говоритъ, что риторика главнымъ своимъ дѣломъ почитаетъ ласкательство, и въ этомъ общемъ объемѣ занятій ласкательствующихъ имѣетъ видовое значеніе. Мысль свою онъ раскрываетъ слѣдующею классификаціею искусствъ. Соотвѣтственно двумъ сторонамъ человѣческой природы—душѣ и тѣлу, есть, говоритъ, и два искусства: политическое и врачебное. Послѣднее является въ двухъ видахъ—медицинѣ и гимнастикѣ; и первое равнымъ образомъ имѣетъ два вида—законодательство и правовѣдніе. Подъ эти четыре дѣйствительно полезныя искусства поддѣлалось ласкательство и раздѣлилось также на четыре части: съ медициною вступила въ состязаніе кухня, съ гимнастикою—косметика, съ законодательствомъ софистика, а съ правовѣдніемъ—риторика. И всѣ эти поддѣль-

ныя искусства, какъ виды одного и того же ласкательства, отличаются отъ подлинныхъ своею безотчетностію, или незнаніемъ причины своихъ дѣйствій, а потому и не заслуживаютъ имени искусствъ, равно какъ и тѣмъ, что доставляютъ людямъ удовольствіе, тогда какъ подлинныя заботятся объ ихъ улучшеніи (461 В—466). На этихъ страницахъ разговора устанавливается положительное понятіе Сократа о софистической риторикѣ, или тема, которую въ дальнѣйшемъ ходѣ бесѣды онъ долженъ защитить отъ возраженій и чрезъ то раскрыть основную свою мысль во всѣхъ ея подробностяхъ.

Слыша, что Сократъ подвелъ риторикѣ подъ категорію занятій ласкательствующихъ, Полосъ намѣревается опровергнуть его положеніе и спрашиваетъ: неужели риторы считаются въ городѣ людьми презрѣнными и неимѣющими никакой силы, тогда какъ они и умерщвляютъ, кого хотятъ, и изгоняютъ изъ города, кого покажется? На этотъ вопросъ Сократъ отвѣчаетъ, что въ городѣ въ самомъ дѣлѣ они не имѣютъ никакой силы, если имѣтъ силу есть нѣчто доброе для сильнаго. Полосъ, не вникнувъ въ значеніе и важность прибавленнаго условія, тотчасъ соглашается на него и этимъ подаетъ Сократу основаніе для доказанія той истины, что софисты въ городѣ дѣйствительно ничтожны; ибо, замѣтивъ въ вопросѣ Полоса два неоднозначущихъ выраженія: умерщвляютъ, кого *хотятъ*, и изгоняютъ, кого *покажется*, которыя онъ произнесъ, какъ однозначущія, Сократъ говоритъ, что риторы ничего почти не дѣлаютъ, чтò имъ кажется, какъ наилучшее, и умозаключаетъ такъ: дѣлающій что-нибудь для чего-нибудь хочетъ не того, чтò дѣлаетъ, а того, для чего дѣлаетъ. То, для чего онъ дѣлаетъ, есть добро; а то, чтò дѣлаетъ для чего-нибудь, не есть ни добро, ни зло. Но убиваніе, или высыланіе изъ города есть только то, чтò дѣлается, а не то, для чего дѣлается. Слѣдовательно убиваніе, или высыланіе изъ города не есть ни добро, ни зло. Стало быть, риторы дѣлаютъ не то, чего хотятъ, а то, чтò имъ кажется: они могутъ совершать зло вмѣсто добра и добро вмѣ-

сто зла; а такимъ людямъ конечно нельзя приписать великой силы въ городѣ. — Видя свое положеніе о могуществѣ риторовъ опровергнутымъ, Полосъ однакожъ упорствуетъ и, не замѣчая свойства Сократовыхъ основаній, старается защищаемую имъ мысль оправдать примѣрами опыта. Что же? спрашиваетъ онъ Сократа, — видно ты не согласился бы принять власть въ городѣ, и не позавидовалъ бы тому, кто можетъ умертвить, кого вздумается, лишить имущества, или заключить въ оковы? — Не согласился бы, отвѣчаетъ Сократъ, если при этомъ надобно дѣйствовать несправедливо; потому что дѣйствующій несправедливо жалокъ и несчастенъ — несчастнѣе того, кому онъ наноситъ обиды. — Стало бытъ, нынѣшній правитель Македоніи, Архелай, надѣлавшій столько зла, умертвившій столько родственниковъ, думаешь, жалокъ и несчастенъ? — Отвѣчая на это возраженіе Полоса, Сократъ полагаетъ, что человѣкъ несправедливый во всякомъ случаѣ несчастенъ; но онъ еще несчастнѣе, если, нанося обиды, не подвергается суду и наказанію, и, — какъ Полосъ не согласился съ такимъ положеніемъ, доказываетъ сперва ту мысль, что наносить обиды — больше зла, чѣмъ принимать ихъ, потомъ — вторую, что не быть наказываемымъ за нанесеніе обидъ — больше зла, чѣмъ получать за то наказаніе. Доказывая первое положеніе, онъ опровергаетъ Полоса, утверждавшаго, что больше зла принимать обиду и больше стыда наносить ее, и свое опроверженіе основываетъ на нераздѣльности прекраснаго и добраго, равно какъ постыднаго и злаго. Но съ особенною ловкостію раскрыто имъ доказательство послѣдняго положенія. Пользуясь индукціею, онъ приходитъ къ общему заключенію, что какъ дѣйствующее дѣйствуетъ, такъ страдающее страдаетъ, и что слѣдовательно, какъ одинъ, въ смыслѣ чело-вѣка дѣйствующаго, наказываетъ, такъ другой, въ смыслѣ лица страдающаго, получаетъ наказанія: если, то-есть, наказывающій наказываетъ справедливо, то принимающій наказанія принимаетъ справедливое. Но справедливое есть пре-

красное и доброе; слѣдовательно, принимающій наказанія принимаетъ добро; а принимающій добро тѣмъ самымъ избавляется отъ величайшаго зла—отъ худости души. Поэтому самый несчастный человѣкъ—тотъ, кто несправедливъ и не избавляется отъ этого зла, или, что то же,—кто, будучи несправедливымъ, не подвергается за то наказанію.—Этими доказательствами опровергнувъ возраженія Полоса, Сократъ въ заключеніе обращается къ риторикѣ и говорить, что послѣ допущенныхъ имъ положеній, риторика не можетъ быть полезна въ обществѣ; потому что теперь всякій долженъ оберегать самъ себя и, если нанесъ кому обиду, долженъ тотчасъ идти къ судѣ и просить себѣ наказанія. Она развѣ тогда только могла бы быть отчасти полезна, когда ея рѣчи служили бы намъ къ убѣжденію судей въ томъ, что мы дѣйствительно виноваты и заслужили наказаніе, или въ томъ, что человѣкъ, нанесшій намъ обиду, не долженъ быть подвергаемъ наказанію, но долженъ умереть ненаказаннымъ (461 А—481 В). Итакъ положеніе Сократа, что риторы въ городѣ не имѣютъ никакой силы, если имѣть силу есть добро для сильнаго, окончательно доказано, и недоумѣніе Полоса въ этомъ отношеніи разрѣшено.

Но сколь ни вѣрны мысли Сократа, сколь ни строго логически выведены онѣ изъ несомнѣнныхъ основаній,—обыденная жизнь тогдашняго Аѳинянина никакъ не могла примириться съ ними. Проникнутая духомъ высокой нравственности, Сократова философія въ тѣ времена всеобщаго стремленія избалованныхъ Грековъ къ удовольствіямъ и личному интересу казалась пугалищемъ толпы, которое съ одной стороны изумляло ее своею истиною, а съ другой ужасало своими требованіями. Противъ этой строгой, или, какъ тогда казалось, дикой философіи не было оружія, кромѣ того, которымъ развращали и наконецъ совершенно погубили Эдлиновъ новые ихъ философы, софисты. Поблажая ихъ страстямъ, но не зная, чѣмъ извинить развратную ихъ жизнь предъ судомъ гражданскихъ законовъ, они отличали требо-

ванія природы отъ постановленій политическихъ, и въ природѣ учили видѣть покровительницу всѣхъ самыхъ низкихъ пороковъ, преслѣдуемыхъ общественнымъ законодательствомъ. За это-то именно оружіе хватается теперь въ Платоновомъ Горгіасѣ восторженный любитель софистической мудрости, Калликлъ. Бывъ свидѣтелемъ діалектическаго пораженія, которому подвергся сперва Горгіасъ, потомъ Полосъ, и удивляясь необычайности Сократовыхъ положеній, походившихъ на парадоксы, онъ рѣшается поддержать дѣло Полоса, какъ Полосъ прежде хотѣлъ поддержать Горгіаса, и спрашиваетъ Сократа: какъ намъ понимать твои слова,—въ смыслѣ ли рѣчи серьезной, или шуточной?—Моя любезная философія говоритъ не шутя и всегда твердитъ одно и то же, отвѣчаетъ Сократъ; поэтому ты, или опровергни ее, или, не опровергнувъ, всегда будешь въ противорѣчій съ самимъ собою. Это Сократово напоминаніе о противорѣчій самому себѣ наводитъ Калликла на мысль—указать самый источникъ противорѣчій. Люди противорѣчатъ самимъ себѣ оттого, замѣчаетъ онъ, что колеблются между взаимно-противными внушеніями природы и закона, какъ, по словамъ Полоса, колебался Горгіасъ, сказавъ только отъ стыда, что человекъ, незнающаго, въ чемъ состоитъ справедливость, онъ научить и справедливости, или, какъ теперь пошатнулся самъ Полосъ, допустивъ—тоже отъ стыда,—что наносить обиды постыднѣе, чѣмъ принимать ихъ. По природѣ это вовсе не постыдно, а постыдно только по закону. Между-тѣмъ, я думаю, продолжаетъ онъ, что налагатели законовъ—такіе же слабые люди, какъ и чернь; поэтому, постановляя законы, то-есть, одно хваля, а другое порицая, они имѣютъ въ виду себя и свою пользу. Это ты узнаешь, Сократъ, если, оставивъ философію, перейдешь къ чему-либо важнѣйшему. Хорошо, конечно, заняться и философіею, сколько это нужно для образованія; и мальчику пофилософствовать не мѣшаетъ: но кто уже состарѣлся, а все еще философствуетъ, тотъ дѣлаетъ себя предметомъ, достойнымъ

смѣха. Я говорю это тебѣ, Сократъ, отъ добраго расположенія и искренно; не сердись же на меня, но оставь свою философію и занимайся дѣлами благоприличными. На такое увѣщаніе Калликла, въ которомъ Платонъ превосходно обрисовалъ смѣлую и откровенную, но въ то же время сильно обезображенную софистическими лжеумудрствованіями, душу юнаго ученика Горгіасова, Сократъ отвѣчаетъ удивительно ловкою и съ неподражаемымъ искусствомъ раскрытою ироніею. Я нашелъ въ тебѣ, Калликль, самый лучший оселокъ для испытанія достоинства моихъ убѣжденій; ты имѣешь всѣ необходимыя къ этому принадлежности, именно, — знаніе, благорасположеніе и откровенность. Итакъ, на чтò въ продолженіе разговора ты дашь мнѣ свое согласіе, то будетъ уже достаточно испытаннымъ мною и тобою, и того уже не понадобится пробовать на иномъ оселкѣ. Вотъ ты говорилъ, что, по природѣ, высшій располагаетъ дѣлами низшихъ, лучший начальствуетъ надъ худшими, сильнѣйшій преобладаетъ въ сравненіи съ слабѣйшимъ: но высшій, лучший и сильнѣйшій—одно ли и то же, или все это различно?—Когда Калликль сказалъ, что—одно и то же, Сократъ беретъ бѣльшее число въ сравненіи съ единицею, и снова спрашиваетъ: бѣльшее число не выше ли одного? если же выше, то и законоположеніе бѣльшаго числа не есть ли законоположеніе высшихъ? а когда высшихъ, то и не лучшихъ ли? и потому не есть ли законоположеніе, по природѣ, прекрасное? Между-тѣмъ бѣльшее-то число думаетъ, что постыднѣе наносить обиду, чѣмъ принимать ее; слѣдовательно это внушается не закономъ только, но и природою, и ты видно обманываешь меня, говоря, что законъ и природа взаимно противны. Явно, что развитымъ теперь рядомъ слѣдствій показано, вопреки мнѣнію Калликла, что лучшими и высшими природа велитъ почитать не сильнѣйшихъ; значить, вопросъ настоятъ о томъ, кто же высшіе и лучшіе, если не сильнѣйшіе? Чтобы рѣшить его, Сократъ искуснымъ оборотомъ наводитъ своего собесѣдника на мысль, не разумнѣй-

шихъ ли надобно признавать такими людьми, и Калликлъ, смѣло схвативъ ее, полагаетъ, что дѣйствительно справедливо, по природѣ, лучшему и разумнѣйшему начальствовать и преобладать надъ худшими. Но въ чемъ разумнѣйшему? и въ какомъ отношеніи преобладать?—въ медицинѣ ли, чтобы откладывать себѣ наибольшее количество пищи и тѣмъ повредить своему здоровью? — въ приготовленіи ли одежды или обуви, чтобы надѣвать на себя одеждъ и сапоговъ больше, чѣмъ другіе?—Нѣтъ, Сократъ, отвѣчаетъ Калликлъ, я называю лучшими людей умныхъ въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ, и не только умныхъ, но и мужественныхъ, способныхъ осуществлять свои помыслы о томъ, какъ бы получше жить; имъ-то свойственно по справедливости начальствовать надъ городами.—А надъ собою, Калликлъ, надъ своими пожеланіями и страстями должны они начальствовать, или нѣтъ? возражаетъ Сократъ.—Надъ своими пожеланіями и страстями? отвѣчаетъ софистъ. Пожеланій обуздывать они не должны, а должны оставлять ихъ во всей силѣ и готовить имъ удовлетвореніе, откуда бы то ни было. Въ этомъ именно, по смыслу природы, состоитъ добродѣтель (481 С—492 Д). Этими словами Калликлъ, слѣдуя за вопросами Сократа, совершенно закончилъ очеркъ наилучшаго человѣка, какимъ вызывались сдѣлать его въ школѣ своей риторикѣ софисты, или какимъ, говорили они, человѣкъ долженъ быть по природѣ. Къ этому чертежу болѣе прибавить было нечего, и Сократу теперь оставалось только обнаружить безобразіе нарисованной Калликломъ картины и показать, до какой степени неосновательны и непослѣдовательны умствованія софистовъ о предметъ настоящей бесѣды.

Изъ послѣдняго нелѣпаго положенія Калликлова Сократъ, чтобы показать нелѣпость его, выводитъ ложную мысль: если, то-есть, по словамъ Калликла, пожеланій обуздывать не должно; то людей, ничего не требующихъ, надобно почитать несчастными. Но ученикъ Горгіаса не затрудняется

признать ее вѣрною, и тѣмъ подаетъ поводъ Сократу чело-
вѣка воздержнаго уподобить бочкѣ крѣпкой, изъ которой на-
литое въ нее не вытекаетъ, а невоздержнаго—бочкѣ дыря-
вой, въ которую сколько ни лей, никогда не наполнишь ея.
Этимъ подобіемъ Сократъ старался внушить своему собе-
сѣднику ту истину, что необузданность пожеланій есть не-
прерывное мученіе людей, преданныхъ страстямъ. Но Кал-
ликлъ не вѣритъ такимъ началамъ нравственности и про-
должаетъ утверждать, что жизнь безъ притоковъ походила
бы на жизнь мертвеца или камня, и что жить счастливо—
значитъ позволять себѣ всё вообще пожеланія и, удовле-
творяя имъ, радоваться. Поэтому Сократъ оставляетъ те-
перь иносказанія и, взявшись снова за методу эротемати-
ческую, излагаетъ цѣлый рядъ доказательствъ на то, что
удовольствіе отлично отъ добра, или, что люди, удовлетво-
ряющіе своимъ пожеланіямъ, не суть люди наилучшіе. Во-
первыхъ, онъ говоритъ, что если наилучшая жизнь состоитъ
въ томъ, чтобы алкая ѣсть или жаждая пить; то и людей
въ чесоткѣ, поколику они имѣютъ побужденіе чесаться, на-
дбно почитать людьми счастливыми и наилучшими, чего
конечно допустить нельзя; а слѣдовательно нельзя допустить
и того, что удовольствіе есть добро. Во-вторыхъ, продол-
жаетъ Сократъ, знаніе и удовольствіе отличны одно отъ
другаго, и мужество также отлично отъ удовольствія: но
знаніе и мужество суть добро; слѣдовательно удовольствіе
отлично отъ добра. Въ-третьихъ, бываютъ, говоритъ онъ,
явленія, по своей противоположности, въ одномъ и томъ же
человѣкѣ несомвѣстимыя. Къ числу такихъ явленій отно-
сятся благополучіе и неблагополучіе, здоровье и болѣзнь,
сила и слабость и т. п. Сюда же, безъ сомнѣнія, надбно
отнестъ добро и зло; ибо, по явленіи въ человѣкѣ зла, до-
бро отъ него убѣгаетъ, и наоборотъ. Но если такъ, то все,
что можетъ находиться въ немъ совокупно, что вмѣстѣ при-
ходитъ и уходитъ,—не есть ни добро, ни зло. А при удов-
летвореніи пожеланій именно это и бываетъ, то-есть, бы-

вають явленія противныя, которыя однакожь не убѣгаютъ одно отъ другаго, но вмѣстѣ и рождаются и исчезаютъ. Напримѣръ, чувствовать голодь тягостно, а чувствовать голодь и ѣсть пріятно; однакожь, вмѣстѣ въ утоленіемъ голода, какъ чего-то тягостнаго, исчезаетъ и пріятность. Слѣдовательно удовольствіе или удовлетвореніе пожеланій не есть ни добро, ни зло. Въ-четвертыхъ, часто случается, что человѣкъ злой болѣе радуется, либо скорбитъ, чѣмъ добрый. Такъ, напримѣръ, трусь, при наступленіи непріятеля, обнаруживаетъ болѣе безпокойства, а при отступленіи его,—болѣе радости, чѣмъ мужественный. Поэтому, еслибы удовольствіе и добро были—одно и то же, то слѣдовало бы, что человѣкъ злой, радуясь больше добраго, былъ бы и добрѣе его. — Доведенный этими доказательствами до невозможности долѣе защищать свое положеніе, Калликлъ какбы хватается за соломенку и говоритъ, что одни изъ удовольствій почитаетъ онъ хорошими, а другія худыми. И это мнѣніе Сократъ одобряетъ, но тотчасъ же искусно направленными вопросами переходитъ къ мысли, что цѣль человѣческихъ дѣйствій есть не удовольствіе, а добро: ибо если удовольствія надобно дѣлить на добрыя и худыя, а добрыя потому добры, что полезны, худыя же потому худы, что вредны; то первыхъ только надобно желать, а отъ послѣднихъ—отвращаться. Слѣдовательно не только ничего не должно дѣлать для удовольствія, но и самыя удовольствія надлежитъ позволять себѣ для добра (492 E—500 A). Итакъ теперь доказано, что люди наилучшіе—не тѣ, которые удовлетворяютъ всѣмъ своимъ желаніямъ и предаются удовольствіямъ; теперь и Калликлъ столь же рѣшительно опровергнуть, какъ прежде опровергнуть былъ Полось, и добродѣтель, освобожденная отъ постыдныхъ софистическихъ ограниченій, получила истинное свое значеніе и поставлена цѣлью всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Послѣ сего Сократу оставалось обратиться къ риторикѣ и сдѣланныя доселѣ изслѣдованія приложить къ подтвержденію того, что прежде было касательно

ея постановлено, и такимъ образомъ раскрыть истинное понятіе о ней.

Вспомнимъ же теперь слова мои, сказанныя Горгіасу и Полосу, говоритъ Сократъ, что есть упражненія, изъ которыхъ инья доходятъ до удовольствія и стремятся къ одному этому, лучшаго же и худшаго не знаютъ, а другія понимаютъ, что добро и что зло. И такъ какъ настоящая наша беседа имѣетъ въ виду предметъ самый важный, то-есть, какъ надобно жить,—заниматься ли риторикою или философіею; то не шути надо мною, но изслѣдуй, какое различіе между этими родами жизни, и которому изъ нихъ надобно слѣдовать. Помнишь ли, мы говорили, что есть занятія, поддѣлывающіяся подъ истинныя искусства, — такія занятія, которыя, не изслѣдывая природы вещей, основываются только на навыкѣ и заботятся объ однихъ удовольствіяхъ, а о пользѣ и добродѣтели вовсе не думаютъ. Одни изъ такихъ занятій, какъ на примѣръ, кухонное, относятся къ пробужденію удовольствій тѣлесныхъ, а другія имѣютъ въ виду — душевныя. Къ этому роду поддѣльныхъ или льстящихъ душѣ искусствъ должно причислить, на примѣръ, игру на флейтѣ и на цитрѣ, хористику, поэзію диэирамвическую и даже трагическую. А если отъ произведеній поэтическихъ мы отнимемъ метръ и римъ, то сюда же отойдутъ и рѣчи; потому что поэзія есть также своего рода ораторство. Но что такое — самая, столько уважаемая Аѳинянами, риторика? Къ тому ли направляются рѣчи риторовъ, чтобы сколько можно лучшими сдѣлать гражданъ, или къ тому, чтобы, не заботясь объ общемъ благѣ, доставить сколько можно болѣе удовольствій самимъ себѣ? Отвѣчая на этотъ вопросъ Сократа, Калликлъ говоритъ, что между риториками есть и такіе, и другіе: одни дѣйствительно имѣютъ въ виду общее благо, а другіе — собственную пользу. Сократъ одобряетъ дѣленіе Калликла, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что исторія еще не указываетъ ни на одного ритора, который поставлялъ бы свою цѣлю улучшить Аѳиняны; ибо, бывъ обязаны говорить въ пользу

добра и въ то же время желая, чтобы ихъ рѣчь отличалась изящною либо ученою формою, риторы вводятъ много словъ пустыхъ и мало думаютъ о мысли. Вотъ врачи и учителя гимнастики имѣютъ въ виду упорядочивать и укрѣплять тѣло. Такъ-то и риторы, считающіе своею обязанностію заботиться о душѣ, должны бы вселять нѣ нее порядокъ и красоту, то-есть, внушать ей справедливость и разсудительность. А между тѣмъ они не только не питаютъ ее этими добродѣтелями, но еще, поблжая ея страстямъ, увлекаютъ ее къ невоздержанію и несправедливости, то-есть, говорятъ что не надобно обуздывать пожеланій наказаніями, и не вѣрятъ, что исправленіе посредствомъ наказанія для души лучше ненаказанности. Не такъ ли и ты утверждалъ, Калликль? — Обличенный столь явно Сократовою діалектикою, ученикъ Горгіаса наконецъ отказывается отвѣчать на предлагаемые ему вопросы и, только изъ послушанія учителю, соглашается принимать участіе въ Сократовомъ изслѣдованіи (500 В — 506 В).

Показавъ такимъ образомъ истинное значеніе и направленіе софистической риторики, Сократъ теперь обращается къ раскрытію общей темы діалога и доказываетъ, что гражданскимъ занятіямъ раторовъ надобно предпочитать жизнь философскую, или, что ораторы, если они хотятъ быть дѣйствительно полезными для общества, должны основываться на твердыхъ началахъ философіи. Такъ какъ добро отлично отъ удовольствія, и мы все обязаны дѣлать для добра, говоритъ онъ, то главная задача нашей жизни есть—сдѣлаться добрыми. Но доброе бываетъ добромъ по добродѣтели; добродѣтель же обнаруживаетъ себя порядкомъ, правильностію и искусствомъ. Поэтому душа добродѣтельная есть душа прекрасная (*καλός*); поэтому также ей свойственна и разсудительность; а будучи разсудительною, она въ отношеніи къ богамъ и людямъ дѣлаетъ, что нужно, слѣдовательно бываетъ благочестива и справедлива. Въ этомъ-то случаѣ — не чужда она и мужества, потому что не поддается удоволь-

етвію и скорби, и знаетъ, чего бояться и чего нѣтъ. Итакъ душа добродѣтельная есть душа добрая, а когда добрая, то и счастливая. Приобрѣтеніе такого счастья, по моему мнѣнію, должно быть цѣлью каждаго человѣка. И я, какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ занятіяхъ, считаю своимъ долгомъ, обуздывая силу страстей, стремиться къ справедливости и разсудительности, и чрезъ то, подражая богамъ, входить съ людьми въ искреннее содружество. Если же несомнѣнно, что люди дѣлаются счастливыми чрезъ справедливость и разсудительность, а несчастными—отъ неправды и необузданности пожеланій; то несомнѣнны и прежнія мои положенія, что гораздо хуже наносить обиды, чѣмъ принимать ихъ, и что ораторъ долженъ знать, какое дѣйствіе справедливо и какое несправедливо. А что ты, Калликлъ, укорялъ меня въ безсиліи помочь себѣ и другимъ противъ наносимыхъ обидъ; то мнѣ кажется, не тотъ бѣденъ, кого обижаютъ, а тотъ, кто, обижая, не несетъ за то наказаній, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше приближается къ гибели. Но если больше зла наносить обиды, чѣмъ принимать ихъ; то избѣжаніе золь зависитъ отъ насъ, а отраженіе ихъ требуетъ нѣкоторой власти и искусства: надобно, то-есть, либо самому управлять обществомъ, либо умѣть понравиться правителямъ и чрезъ нихъ получить силу въ обществѣ. Представь же, что правитель жестокъ и необразованъ: чтобы жить безопасно, необходимо принаравливаться къ его образу мыслей и дѣйствій; а дѣлая это для избѣжанія зла, надобно совершить еще больше золь, — надобно позволить себѣ множество несправедливостей и поступковъ безразсудныхъ. Явно, что человѣкъ мудрый на это никакъ не рѣшится; потому что, получая обиды отъ жестокаго правителя, онъ не такъ жалокъ, какъ самъ, несправедливо обижающій его, правитель. Посему и пользоваться тѣми искусствами, при помощи которыхъ можно избавиться отъ опасностей, чтобы жить какъ можно долѣе (развѣ то будетъ искусство кораблеплавателя или врача), думаю, мудреца не достойно. Слѣдо-

зательно онъ не будетъ заниматься и риторикою съ цѣлію защищать себя; ибо старается не о томъ, какъ бы долѣе пожить, но, ввѣряя свою жизнь Богу, думаетъ, какъ бы время своей жизни употребить для улучшенія себя. (506 D — 513 C).

Сколь ни правдоподобнымъ казалось Калликлу это разсужденіе Сократа о необходимости добродѣтельной жизни для счастья и о неприложимости софистической риторики къ этой цѣли, — онъ все еще не рѣшается противорѣчить большинству человѣческихъ мнѣній и, вопреки имъ, вѣрить одному Сократу. Посему Сократъ, желая совершенно убѣдить Калликла въ своихъ положеніяхъ, кратко повторяетъ все, что прежде было допущено, и оттуда еще яснѣе выводитъ слѣдствія; такъ что на эту часть діалога можно смотрѣть, какъ на заключительное обзорѣніе всего, что въ немъ было разсмотрѣно. Помнишь, говоритъ Сократъ, мы назвали два способа попеченія какъ о тѣлѣ, такъ и о душѣ: одинъ происходитъ отъ ласкательства и направляется къ удовольствію, а другой имѣетъ въ виду наилучшее. Поэтому, если мы въ обществѣ домогаемся власти, то непременно должны стараться сдѣлать гражданъ наилучшими; ибо бесполезно благодѣтельствовать человѣку, неотличающемуся честностію и добротою. Но какъ другими искусствами никто не въ состояніи правильно пользоваться, не зная ихъ природы и не изучивъ способовъ ихъ употребленія: такъ и въ искусствѣ гражданскомъ никто не можетъ почитаться опытнымъ, не представляя какихъ-нибудь превосходныхъ образцовъ своей опытности. Итакъ, допустивъ, что люди государственные должны сдѣлать гражданъ наилучшими, надобно изслѣдовать, были ли между ними дѣйствительно такіе. Но разматривая политическіе подвиги даже тѣхъ, которые больше другихъ превозносятся у насъ похвалами, ты найдешь, что они не только не сдѣлали Аѳинянъ лучшими, но еще изнѣжили, развратили и пріучили ихъ къ удовольствіямъ. Потому-то Аѳиняне, какъ уже испорченные ими, на нихъ же и проявили

свое злонавіе, то-есть, однихъ оштрафовали, другихъ оскорбили, иныхъ изгнали, и риторика имъ въ этомъ случаѣ нисколько не помогла. Да и странно слышать, когда говорятъ, что риторы, или народные вожди то или другое несправедливо потерпѣли отъ народа. Съ чего бы взялъ народъ сдѣлать имъ зло, еслибы они въ самомъ дѣлѣ старались учить его добру? Вѣдь это то же, что жалобы софистовъ, которые, принявъ на себя званіе учителей добродѣтели и потомъ жалуясь, что ихъ ученики поступаютъ съ ними не добродѣтельно, этимъ самымъ доказываютъ, что наука ихъ бесплодна. Впрочемъ софисты и вообще сродны съ риторамъ и даже имѣютъ преимущество предъ послѣдними, какъ законодательство преимуществуетъ предъ законовѣденіемъ и гимнастика предъ медициною. Итакъ теперь скажи мнѣ, Калликлъ, продолжаетъ Сократъ, къ чему ты приглашаешь меня: къ службѣ ли, въ которой надобно бороться съ Аѳинянами, чтобы сдѣлать ихъ лучшими, или къ прислуживанію, которое состоитъ въ ласкательствѣ?—По моему убѣжденію, я долженъ служить. Служба, соединенная съ борьбою, конечно можетъ подвергнуть меня великимъ опасностямъ: но тотъ, кто будетъ обвинять меня предъ судомъ, окажется человѣкомъ злымъ; потому что добрый не захочетъ доносить на невиннаго. Нѣтъ также ничего удивительнаго, что мнѣ, по опредѣленію суда, придется и умереть; потому что въ судѣ я не въ состояніи буду указать на какія-нибудь доставленныя мною Аѳинянамъ удовольствія, которыя они привыкли почитать благодѣянiami и пользами. А между тѣмъ мнѣ скажутъ, что я порчу, какъ юношей—недоумѣніями, такъ и мужей—высказываніемъ горькаго слова; и я, сознавая справедливость этихъ словъ и не умѣя внушить моимъ согражданамъ, что все это было для ихъ пользы, долженъ буду молчать и терпѣть, что ни случится. Тогда я не укроюсь подъ покровительство льстивой риторики, чтобы она помогла мнѣ: за то моею помощію будетъ моя правда предъ людьми и богами, и съ нею я перенесу смерть равнодушно; ибо вѣрю, что по

смерти душа моя сойдетъ въ преисподнюю и, представъ предъ судей въ совершенной наготѣ, признана будетъ ими достойною жребія душъ благочестивыхъ. Итакъ, я не долженъ, по твоему совѣту, Калликлъ, съ помощію риторики, домогаться чести отъ народа, но считаю долгомъ соблюдать истину, чтобы и жить и умереть человѣкомъ наилучшимъ. Къ этому же приглашаю и другихъ, и тебя самого, боясь, что иначе ты не въ состояніи будешь помочь себѣ, когда предстанешь на судъ къ Эаку. Указанный мною образъ жизни, безъ сомнѣнія, долженъ быть лучше вашего; потому что вы, люди мудрѣйшіе, не могли доказать, что надобно вести жизнь другую, а не ту, которая приноситъ пользу и по смерти. Всѣ ваши положенія опровергнуты; уцѣлѣло только одно, — что надобно больше остерегаться дѣлать обиду, чѣмъ быть обижаемымъ, и не казаться, а дѣйствительно быть добрымъ. Послушайся же меня и иди этимъ путемъ. Потрудившись на такомъ поприщѣ, мы потомъ уже, если покажется нужнымъ, приступимъ и къ дѣламъ политическимъ, и будемъ подавать совѣты, какъ совѣтники лучшіе, чѣмъ каковы мы теперь (513 D—527 E).

Обозрѣвъ ходъ и послѣдовательное развитіе частей Платонова Горгіаса, мы теперь можемъ ясно опредѣлить цѣль этого діалога. Надобно припомнить, что послѣ персидскихъ войнъ нравственное и политическое состояніе Грековъ начало клониться къ упадку. Разбивъ и изгнавъ изъ своихъ предѣловъ огромныя персидскія арміи, Греки потомъ чрезъ долгое время наслаждались совершеннымъ миромъ и, гордясь воспоминаніями о блистательныхъ успѣхахъ своего оружія, о подвигахъ знаменитыхъ своихъ вождей, предались гражданской дремотѣ, оставили прежнюю простоту своей жизни и устремились ко всѣмъ родамъ удовольствій. Имѣя въ виду этотъ нравственный переворотъ своихъ соотечественниковъ, Платонъ причину его указываетъ въ тѣхъ самыхъ народныхъ вождяхъ, которые, своими побѣдами прославивъ греческое общество, во время мира не заботились держать его

въ предѣлахъ добродѣтели и умѣренности, но развили въ немъ роскошь и любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ, разумѣется, требовавшимъ много денегъ, а для денегъ, позволявшимъ всевозможныя несправедливости, — и оттого первые испытали на самихъ себѣ дѣйствіе общественнаго разврата и безумія. Такую слабость въ управленіи болѣе всѣхъ обнаруживалъ знаменитый Периклъ. Управляя Аѣнинами почти сорокъ лѣтъ, онъ развилъ въ юномъ поколѣніи столько легкомыслія, что послѣ его смерти всѣ, получившіе какое-нибудь образованіе, начали считать себя способными къ занятію высшихъ должностей въ республикѣ и, окрыляемые честолюбіемъ, наперерывъ стремились предвосхитить другъ у друга право администраціи. Эти администраторы не испытывали себя добросовѣстно, — имѣютъ ли они въ самомъ дѣлѣ потребныя качества и познанія для управленія народною толпою, но представляли только личныя выгоды отъ прохожденія той или другой государственной должности, и чтобы достигнуть ихъ, старались, вопреки совѣсти, сколько можно пріятнѣе льстить народу и поглажать его страстямъ. Такая лесть ихъ, по условіямъ республиканской формы правленія, расточаема была обыкновенно съ аѣинской трибуны и украшалась именемъ гражданскаго краснорѣчія. Отсюда произошла потребность учиться хорошо говорить политическія рѣчи, — и между тогдашними софистами не замедлили явиться профессеры риторики, вызывавшіеся всякому преподавать искусство — двигать, посредствомъ слова, души слушателей, направлять ихъ, куда и къ чему угодно. Эта наука ихъ дѣйствительно могла своимъ адептамъ приносить не маловажную пользу, ибо работывала языкъ и устанавливала правила декламаціи; но аѣинскому обществу она дѣлала много вреда, потому что истину обезображивала софизмами, для личныхъ интересовъ оратора потворствовала страстямъ народа, благосклонность его пріобрѣтала чрезъ пожертвованіе справедливостію, и такимъ образомъ становилась самымъ разрушительнымъ ору-

діемъ для истребленія добрыхъ началъ народной нравственности. Противъ этого-то гибельнаго направленія софистической риторики Платонъ возстаетъ въ своемъ Горгіасѣ и главною цѣлію поставляетъ — пустому, софистическому ораторству, льстящему страстямъ гражданъ, противоположить науку истинную, достойную философа и ревнующую о добродѣтели и честности, чтобы чрезъ это, по возможности, остановить губительный разливъ порчи въ нравственной жизни Грековъ. Онъ хочетъ внушить своимъ современникамъ, что вожди народа должны забыть о личной своей пользѣ и стараться болѣе объ улучшеніи согражданъ, чѣмъ объ увеличеніи своего богатства; потому что счастье для человѣка невозможно, если оно не соединено съ добродѣтелию и основывается не на добродѣтели. Гдѣ нѣтъ доброй нравственности, гдѣ дѣлами общества управляетъ не воздержаніе, несправедливость, криводушіе и развратъ; тамъ быстро зрѣетъ и общественное и частное зло, тамъ все идетъ къ разрушенію и гибели.

Но имѣя въ виду эту главную цѣль при развитіи своего Горгіаса, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ себѣ и цѣли второстепенныя. Говоря объ одномъ общемъ, онъ любилъ высказывать и раскрывать кстати ту или другую частную истину во многихъ своихъ разговорахъ, и по своему обычаю не упустилъ то же сдѣлать и здѣсь. Въ Горгіасѣ главнымъ его дѣломъ было, какъ мы сказали, обличить господствовавшую въ его время софистическую риторику и доказать, что ораторъ, не зная, въ чемъ состоитъ справедливое и несправедливое, не можетъ сдѣлать изъ нея никакого хорошаго и истинно полезнаго употребленія. Но изслѣдывая это, онъ, не безъ особеннаго намѣренія, вдается также въ длинныя разсужденія о различіи между справедливымъ и пріятнымъ, о цѣли человѣческихъ дѣйствій, о твердости добраго и честнаго человѣка въ перенесеніи обидъ, и о многомъ другомъ. Особенно же преднамѣренными и знаменательными кажутся тѣ мѣста въ его разговорѣ, гдѣ Со-

кратъ гадаеть о возможности попасть ему подъ судъ и, по опредѣленію суда, умереть. Читая этотъ отдѣлъ Горгіаса, невольно приходишь къ мысли, что, при изложеніи его, цѣлю Платона было между прочимъ оправдать Сократа въ памяти тѣхъ людей, которые не понимали важности простаго и иногда досадительнаго, но въ высшей степени полезнаго и благодѣтельнаго его философствованія. Очень правдоподобно, что смерть его многимъ тогдашнимъ софистамъ и ихъ ученикамъ представляла случай смѣяться надъ строгими правилами и высокими нравственными идеями сократической философіи, чтобы вовсе заглушить посѣянныя имъ въ умахъ современниковъ сѣмена здраваго мышленія объ истинныхъ пользахъ греческаго общества. Поэтому Платонъ хотѣлъ и долженъ былъ защитить своего учителя отъ нареканій, и могъ написать Горгіаса, какъ апологію, съ намѣреніемъ пробудить въ Аѳинянахъ, по крайней мѣрѣ, позднее раскаяніе въ неблагодарности къ Сократу. Читая этотъ разговоръ, Аѳиняне должны были увѣриться, что вліяніе софистовъ на дѣла политическія было весьма губельно, и что наилучшимъ политикомъ надлежало бы почитать имъ Сократа, который своею ироніею преслѣдовалъ этихъ развратителей юношества и предостерегалъ отъ нихъ юное поколѣніе.

Полагая, что такова именно была цѣль, для которой написанъ Горгіасъ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, опредѣлить и время изданія его въ свѣтъ. Платонъ написалъ своего Горгіаса, вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти Сократа, то есть послѣ 1, 95 олимп. Къ этому заключенію приводитъ насъ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ историческихъ соображеній, особенное сходство разсматриваемаго діалога съ Платоновымъ Менономъ, который, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ (соч. Плат. II, 155), написанъ незадолго до смерти Сократа. Сходство ихъ и по содержанію, и по намѣренію писателя, и по личности собесѣдниковъ, въ томъ и другомъ сочиненіи разговаривающихъ съ Сократомъ, таково, что эти

сочиненія, по всей вѣроятности, должны были излиться изъ души Платона не чрезъ долгое время одно послѣ другаго. Въ Менонѣ доказывается, что риторы и такъ называемые политики неспособны учить народъ гражданскимъ добродѣтелямъ, потому что не имѣютъ знанія объ истинѣ: почти то же самое говорится и въ Горгіасѣ,—что софистическая риторика, безъ честности и справедливости, есть орудіе, разрушающее гражданское общество. Въ Менонѣ шаткимъ и неопредѣленнымъ мнѣніямъ политиковъ противопоставляется знаніе философа: такимъ же образомъ и въ Горгіасѣ постыдному и гибельному искусству политическихъ говоруновъ представляется въ обличеніе справедливость, честность и воздержаніе человѣка истинно мудраго. Въ Менонѣ выставлены, какъ лица разговаривающія, — ученикъ Горгіаса Менонъ, и другъ его Анитъ, изъ которыхъ первый защищаетъ дѣло софистовъ, а послѣдній—подвиги политиковъ: подобное видимъ мы и въ Горгіасѣ, гдѣ сперва самъ софистъ, потомъ ученикъ его Полось ратуетъ за силу и достоинство риторики; когда же положенія ихъ были опровергнуты, вступаетъ въ состязаніе съ Сократомъ Калликлъ и, подобно Аниту, превозноситъ вліяніе Горгіасовой науки на дѣла гражданскія и на успѣхи людей, стремящихся къ занятію правительственныхъ должностей въ обществѣ. Все это невольно ведетъ къ заключенію, что написаніе Горгіаса должно было послѣдовать вскорѣ за изданіемъ Менона и, по всей вѣроятности, либо послѣ того, какъ Сократъ произнесъ уже въ судѣ свою апологію,—на что отчасти указываютъ слова его (522 А),—либо даже тотчасъ послѣ его смерти. Впрочемъ нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на свидѣтельствѣ самого Сократа (473 Е), что «въ прошломъ году онъ не зналъ, какъ приняться за дѣло» (собирать голоса), полагаютъ, что изданіе Горгіаса надобно относить 4, 93 олимп.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

КАЛЛИКЛЪ, СОКРАТЬ, ХЕРЕФОНЪ, ГОРГІАСЪ, ПОЛОСЪ.

Калл. Такъ-то можно бы придти, Сократъ, только на войну, да въ сраженіе ¹.

Сокр. Что? неужели, по пословицѣ, мы поспѣли на праздникъ къ шапочному разбору? ²

Калл. Да еще на праздникъ торжественный! Вѣдь вотъ сейчасъ только Горгіасъ показалъ намъ такъ много прекраснаго ³.

¹ Πολέμου καὶ μάχης χρῆσαι οὕτω μεταλαγχάνειν. — Поговорка, означающая, что не спѣшить, или приходиться поздно, можно бы только къ дѣламъ опаснымъ и неприятнымъ. Такъ объясняетъ это выраженіе и схоліа Олимпіодора (ms. Ciz): *φασὶ γὰρ ὅτι, εἰ ἦν πόλεμος, ἔδει σὲ ὑστερήσαι, ἵνα μὴ φανευθῆς*. Подобное значеніе имѣла у Аѳинянъ поговорка: *οὐ πόλεμόν γε ἀγγέλλεις* (Phaedr. p. 242. В. *Erasm. adag.* p. 527).

² Греч. *κατόπιν ἑορτῆς ἤκομεν καὶ ὑστεροῦμεν*, собственно значить: мы пришли позади, или послѣ праздника, и не застали его. Эта пословица, по Схолиасту и Олимпіодору, прилагалась *ἐπὶ τῶν ἐπὶ τινὶ καλῶ πράγματι ἀπολιμπανόμενων*. У насъ однозначительна съ нею: придти къ шапочному разбору.

³ Горгіасъ былъ софистъ, родомъ изъ Леонтины. Послѣ смерти Перикла, Леонтинцы отравили его посломъ въ Аѳины — съ тою цѣлію, чтобы онъ примирилъ съ ними Аѳинянъ. Это посольство относится ко 2 году 88 олимп. *Diodor.* XII. 52. Прибывъ въ мѣсто своего назначенія, Горгіасъ къ должности посла присоединилъ профессію софиста и своимъ краснорѣчіемъ до того увлекалъ аѳинское юношество, что тотъ день почитался праздничнымъ, въ который предлагалъ онъ свои декламации. Способъ собирать къ себѣ слушателей состоялъ у него въ объявленіи, что въ означенное время онъ будетъ отвѣчать на всѣ предлагаемые себѣ вопросы и разсуждать о всякомъ предметѣ, по желанію посѣтителей. На такой зовъ праздные люди стекались къ нему толпами и за находчивость его ума, за гибкость и изворотливость его

Сокр. Въ этомъ, Калликлъ¹, виноватъ именно Херэфонъ²: онъ заставилъ насъ провести нѣсколько времени на площади.

Херэф. Нѣтъ нужды, Сократъ; я же и поправлю дѣло. В. Вѣдь Горгіасъ мнѣ другъ; такъ онъ покажетъ себя, если угодно, хоть сегодня, а когда хочешь, — и въ другое время.

Калл. Чтò ты, Херэфонъ? неужели Сократъ захочетъ слушать Горгіаса?

Херэф. Да вѣдь мы для того и пришли.

Калл. А когда хотите, — не угодно ли пойти ко мнѣ домой³; вѣдь Горгіасъ квартируетъ у меня и покажетъ вамъ свое искусство.

Сокр. Ты хорошо сказалъ, Калликлъ. Но согласится ли С. онъ бесѣдовать съ нами? Вѣдь я хочу спросить у него, въ чемъ состоитъ сила его искусства? Чтò такое то, о чемъ онъ объявляетъ и чему учить? А иной опытъ рѣчи пусть онъ отложить, какъ ты говоришь, до другаго времени.

Калл. Нѣтъ ничего лучше, какъ спросить его объ этомъ, Сократъ; потому что одна похвальба его къ этому именно и относится; нынѣ же приказывалъ онъ всякому, кто тутъ былъ, спрашивать себя, о чемъ кому угодно, и вызывался отвѣчать на все.

слова платили большія деньги. Дѣлать подобные опыты разсужденій называлось у софистовъ *ἐπιδείκνυσθαι*, т. е. показывать себя, или свое искусство, дебютировать (*Gresollius Theatr. Rhetor. III, 5. sqq.*).

¹ *Калликлъ* — молодой Афинянинъ, воспитанный въ духъ тогдашней софистической школы, весьма занятый своею способностію говорить, ничего не зная основательно, водящійся эгоистическими расчетами, ищущій собственной пользы, богатства и политическаго значенія въ обществѣ, а справедливость, общее благо, знаніе дѣла почитающій идеями устарѣлыми и даже смѣшными. Подъ собственнымъ именемъ Калликла Платонъ могъ разумѣть все юное, испорченное и развратившееся поколѣніе тогдашней Греціи.

² О Херэфонѣ см. *Apol. Socr. 21 E. Charm. 353 B.* и введение въ *Симпосіонъ*.

³ *Οὐλοῦν ἄταν βούλησθε παρ' ἐμὲ ἔχειν οἴκηδε.* Здѣсь неокончательное *ἔχειν* напрасно принимаютъ нѣкоторые въ смыслъ повелительнаго. Ясно, что приведенное выраженіе сокращено: для полноты его, надлежало бы повторить сослагательное *βούλησθε*.

Сокр. Куда хорошо говоришь ты! Спроси его Херефонъ.

Хереф. О чемъ?

Сокр. Кто онъ таковъ.

Хереф. Какъ это?

Сокр. А вотъ какъ: еслибы онъ былъ мастеръ шить обувь, то вѣроятно отвѣчалъ бы тебѣ, что онъ башмачникъ. Или и теперь не понимаешь, что я говорю?

Хереф. Понимаю и спрошу. — Скажи мнѣ ¹, Горгіасъ! правду ли говоритъ этотъ Калликлъ, будто ты вызываешься отвѣчать на все, о чемъ бы ни спросили тебя?

448. *Горг.* Правду, Херефонъ; вѣдь я нынѣ же объявлялъ это и утверждаю, что въ продолженіе многихъ лѣтъ еще никто не спросилъ меня о чемъ-нибудь новомъ

Хереф. Такъ видно тебѣ легко отвѣчать, Горгіасъ.

Горг. Можешь узнать это на опытѣ, Херефонъ.

Пол. И клянусь Зевсомъ, лишь бы только ты хотѣлъ, — отъ меня, Херефонъ; потому что Горгіасъ, мнѣ кажется, въ волю наговорился, — онъ сейчасъ много рассуждалъ.

Хереф. Что ты, Полось ²? неужели думаешь, что будешь отвѣчать лучше Горгіаса?

Пол. Какая нужда, лишь бы для тебя-то было довольно.

Хереф. Никакой. Отвѣчай; если хочешь.

Пол. Спрашивай.

Хереф. А вотъ спрашиваю. Еслибы Горгіасъ былъ знатокъ того искусства, которое знаетъ братъ его Иродикъ ³; то

¹ Доселѣ собесѣдники разговаривали, повидимому, предъ домомъ Калликла, а теперь уже вошли въ домъ и увидѣлись съ Горгіасомъ.

² Полось Агригентскій риторъ, былъ слушателемъ Горгіаса и, какъ человѣкъ, по свидѣтельству Филострата, чрезвычайно богатый, платилъ ему за наставленія огромную сумму. V. *Philostr.* vitt. *Sophist.* L. 1. p. 500. О немъ Платонъ упоминаетъ также въ Теагѣ (р. 128 A) и Федрѣ (р. 267 C), гдѣ мѣтко осмѣивается изысканность софистическихъ его выраженій.

³ Объ Иродикѣ Schol: οὗτος οὐχ ὁ Σηλυμβριανός ἐστιν Ἠρόδικος, ἀλλ' ὁ Λεοντίνοσ, Γοργίου ἀδελφός. О Силимврійскомъ упоминается въ Протагорѣ (316 E) и Федрѣ (227 D). Оба они называются врачами, и потому неудивительно, что нѣкоторыми принимаемы были за одно лице. *Routhius* ad h. I. и *Wytttenbach.* ad *Plutarch.* de S. N. V. p. 50, см. *Prinsterer von Groen* *Prosopogr.* Plat. p. 393. *Heindorf.* ad *Phaedr.* § 2.

чѣмъ мы по справедливости назвали бы его? Не тѣмъ ли, чѣмъ и брата?

Пол. Конечно.

Херэф. Стало быть, мы хорошо сказали бы, когда бы назвали его врачомъ?

Пол. Да.

Херэф. Еслибы также онъ былъ опытенъ въ искусствѣ Аристофона ¹ сына Аглафонова, или брата его; то какое бы правильно дали ему имя?

Пол. Явно, что имя живописца.

С.

Херэф. Но теперь, такъ какъ Горгіасъ—знатокъ какого-то искусства; то какимъ именемъ можно бы правильно назвать его?

Пол. О Херэфонъ! У людей изъ опыта опытно изобрѣтено много искусствъ. Опытъ ведетъ нашъ вѣкъ путемъ искусства, а неопытность — путемъ случая ². И изъ всѣхъ искусствъ, иными владѣютъ иные иначе, превосходнѣйшими же—превосходнѣйшіе. Къ числу ихъ относится и этотъ Горгіасъ и владѣетъ искусствомъ прекраснѣйшимъ.

Сокр. Видно, Горгіасъ, что Полосъ дѣйствительно хорошо и приготовленъ вести рѣчь; однакожъ не дѣлаетъ того, что обѣщалъ Херэфону.

¹ О живописцѣ Аристофонѣ упоминаетъ Плиніи. Н. Н. XXXVII. Живописцевъ Аглафоновъ было два; см. *Interpr. ad Plin. N. N. XXXV. 9.* Упоминаемый здѣсь былъ отецъ и вмѣстѣ учитель Полигнота. *Suidas S. V. Πολύγνωτος.*

² Эти слова Платонъ, по всей вѣроятности, заимствовалъ изъ книги Полоса; потому что онъ, какъ Полосовы, приводятся и у Аристотеля (*Metaph. I, 1*): *ἢ μὲν γὰρ ἐμπειρία τέχνην ἐποιεῖται, ὡς γησι Πόλος, ὁρθῶς λέγων, ἢ δ'ἀπειρία τύχην.* То же и у Стобея (*Floril. segm. IV*). А что Полосъ дѣйствительно писалъ, см. ниже р. 462. Но чтобы опредѣлить, до какой степени вѣрна мысль софиста, надобно обратить вниманіе на значеніе словъ *ἐμπειρία* и *ἀπειρία*. Если неопытность, по его мнѣнію, ведетъ путемъ случая; то *ἀπειρία* значить у него то же, что *ἀμαθία*—незнаніе. Но въ такомъ смыслѣ, слову *ἀπειρία* должно быть противоположно не *ἐμπειρία*, такъ какъ *ἐμπειρία* нерѣдко бываетъ чужда знанія, а *ἐπιστήμη*, которая дѣйствительно ведетъ путемъ искусства. Дальнѣйшія выраженія: «изъ всѣхъ искусствъ, иными владѣютъ иные иначе, превосходнѣйшими же—превосходнѣйшіе»—суть софистическій подборъ словъ.

Гор. Чего же лучше, Сократъ?

Сокр. Да кажется, отвѣчаетъ не совсѣмъ на вопросъ.

Гор. Такъ спроси его, если хочешь, самъ.

Сокр. Нѣтъ, самъ-то я охотнѣе спросилъ бы тебя, если-бы только ты согласился отвѣчать мнѣ. Вѣдь уже и изъ сказанныхъ словъ Полоса видно, что онъ занимался болѣе такъ называемою риторикою, чѣмъ искусствомъ разговаривать.

Е. *Пол.* Почему же это, Сократъ?

Сокр. Потому, Полосъ, что когда Херефонъ спросилъ, въ какомъ искусствѣ Горгіасъ знатокъ, — ты началъ превозносить Горгіасово искусство, какъ будто кто порицаетъ его, а въ чемъ оно состоитъ, не отвѣтилъ.

Пол. Да развѣ я не отвѣтилъ, что оно самое прекрасное?

449. *Сокр.* О, конечно; но вѣдь никто не спрашивалъ, каково Горгіасово искусство, а спрашивали, чтò такое оно, и чѣмъ надобно назвать Горгіаса. Прежде этого на вопросы Херефона ты отвѣчалъ хорошо и коротко: скажи же и теперь такъ, чтò это за искусство, и чѣмъ должны мы назвать Горгіаса. Или лучше скажи ты самъ, Горгіасъ, чѣмъ тебя называть и какого искусства почитать тебя знаткомъ.

Гор. Риторики, Сократъ.

Сокр. Стало быть, надобно называть тебя риторомъ?

Гор. Да, и хорошимъ, Сократъ, если только угодно тебѣ назвать меня тѣмъ, чѣмъ я хвалюсь, говоря словами Омира.

Сокр. Конечно угодно.

Гор. Такъ называй же.

Сокр. Но должны ли мы говорить, что ты и другихъ можешь дѣлать риторамъ?

В. *Гор.* Да вѣдь я объявляю это не только здѣсь, но и въ иныхъ городахъ ².

¹ Говорятъ, Горгіасъ долго жилъ въ Фессалии и тамъ съ великою похвалою преподавалъ другимъ свою мудрость. Поэтому онъ здѣсь могъ указывать на ессалийскіе свои уроки. Plat. Menon. p. 70 A.

Сокр. Такъ не хочешь ли, Горгіасъ, продолжать бесѣдовать съ нами, какъ теперь, то-есть, иногда спрашивать, иногда отвѣчать, а такую длинную рѣчь, какую началъ Полось, отложить до иного времени? И ужъ что пообщаешь, — не обмани, но рѣшишь коротко отвѣчать на вопросы.

Горг. Нѣкоторые отвѣты таковы, Сократъ, что необходимо бываетъ излагать ихъ въ длинной рѣчи. Впрочемъ, я все-таки постараюсь отвѣчать какъ можно короче; ибо въ мое объявленіе входитъ и то, что на одинъ и тотъ же предметъ никто не можетъ сказать короче, чѣмъ я.

Сокр. Это-то и нужно намъ, Горгіасъ: въ этомъ именно покажи мнѣ себя—въ краткословіи, а длиннословіе—до другаго времени.

Горг. Изволь, покажу, — и ты согласишься, что не слыхиваль, кто бы говорилъ такъ коротко.

Сокр. Давай же. Такъ какъ ты называешь себя знаткомъ риторскаго искусства и вызываешься сдѣлать риторомъ и другаго; то конечно скажешь, какому дѣйствительному предмету учить риторика — подобно тому, на примѣръ, какъ швейное искусство учить готовить платья. Не правда ли?

Горг. Да.

Сокр. Или, какъ музыкальное учить сочинять пѣсни.

Горг. Да.

Сокр. Клянусь Ирою, Горгіасъ, я очень радъ этимъ отвѣтамъ,—что ты отвѣчаешь какъ можно короче.

Горг. И вѣдь мои отвѣты, думаю, очень удовлетворительны, Сократъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Отвѣчай же мнѣ такъ и касательно риторики: о какомъ дѣйствительномъ предметѣ она есть наука?

Горг. О рѣчахъ.

Е.

Сокр. О какихъ это, Горгіасъ? не о тѣхъ ли, которыми объявляется больнымъ, какой должны они сохранять образъ жизни, чтобы выздороветь?

Горг. Нѣтъ.

Сокр. Такъ видно риторика занимается не всѣми рѣчами?

Горг. Конечно не всѣми.

Сокр. Однакожь дѣлаетъ людей сильными въ рѣчи?

Горг. Да.

Сокр. И не правда ли, что эти люди разумѣютъ то, о чемъ говорятъ?

Горг. Какъ же не разумѣть?

450. *Сокр.* Но и врачебное искусство, о которомъ мы теперь только говорили, развѣ не дѣлаетъ людей сильными въ разумѣніи и въ рѣчи о больныхъ?

Горг. Необходимо.

Сокр. Поэтому и врачебное искусство, какъ видно, есть наука о рѣчахъ.

Горг. Да.

Сокр. Именно о рѣчахъ касательно болѣзней?

Горг. Непремѣнно.

Сокр. Не есть ли и гимнастика также наука о рѣчахъ, касательно хорошаго и дурнаго состоянія тѣлъ?

Горг. Конечно.

В. *Сокр.* Да таковы вѣдь и всѣ прочія искусства, Горгіасъ. Каждое изъ нихъ занимается тѣми рѣчами, которыя касаются предмета, разсматриваемаго извѣстнымъ искусствомъ.

Горг. Видимо.

Сокр. Почему же бы прочихъ наукъ, разсуждающихъ о рѣчахъ, не назвать тебѣ риториками, если эту, занимающуюся также рѣчами, ты называешь риторикою?

Горг. Потому, Сократъ, что все занятіе прочихъ искусствъ касается, такъ сказать, ремеслъ и подобныхъ тому дѣлъ, занятіе же риторики—отнюдь не ремесло; ея работа и служеніе совершается посредствомъ рѣчей. Оттого, называя риторику искусствомъ о рѣчахъ, я называю ее, говорю тебѣ, правильно.

Сокр. Такъ неужели я понимаю, какою хочешь ты назвать ее? Но вотъ тотчасъ узнаю это яснѣе. Отвѣчай-ка. У насъ есть искусство. Не такъ ли?

Горг. Да.

Сокр. Изъ всѣхъ искусствъ иныя, думаю, состоятъ большею частію въ рукодѣльѣ и требуютъ не много рѣчей, а нѣкоторыя даже и не требуютъ, но во всемъ ограничиваются художествомъ и производятся молча, какъ напримѣръ, живописное, ваятельное и многія другія. Такія-то, кажется, D. разумѣешь ты искусства, касательно которыхъ, говоришь, нѣтъ риторики. Не такъ ли?

Горг. Ты весьма хорошо понимаешь, Сократъ.

Сокр. А есть и другія искусства, которыя во всемъ ограничиваются рѣчью, дѣла же, можно сказать, или вовсе не требуютъ, или очень мало, напр. ариѳметика, счетоводство, геометрія, игра въ кости и многія иныя; такъ что нѣкоторыя изъ нихъ допускаютъ столько же рѣчей, сколько дѣлъ, E. а другія гораздо больше, и вообще все ихъ занятіе и служеніе совершается посредствомъ рѣчей.

Горг. Справедливо говоришь.

Сокр. Но и изъ нихъ также ни одного, думаю, не захочешь ты назвать риторикою, хотя буквально и выходитъ, что искусство, служащее посредствомъ рѣчи, есть риторика. Иной, желая говорить на перекоръ твоимъ словамъ, пожалуй, возразитъ: неужели ариѳметику, Горгіасъ, ты называешь риторикою? Нѣтъ, ни ариѳметики, не геометріи, думаю, не назовешь риторикою.

Горг. Да, ты правильно думаешь и вѣрно понимаешь, 451. Сократъ.

Сокр. Ну теперь закончи же и ты свой отвѣтъ на мой вопросъ. Такъ какъ риторика есть одно изъ тѣхъ искусствъ, которыя пользуются по большей части рѣчью, а такія искусства бывають и кромѣ этого; то потрудись сказать, въ отношеніи къ чему служеніе рѣчами есть риторика. Еслибы, напримѣръ, кто спросилъ меня о которомъ-нибудь изъ упомянутыхъ мною теперь же искусствъ: Сократъ, что есть искусство ариѳметическое?—Я отвѣчалъ бы ему, какъ сейчасъ в. ты, что оно принадлежитъ къ числу наукъ, служащихъ по-

средствомъ рѣчей.—А когда бы тотъ опять спросилъ: чему она служить?—Я сказалъ бы: чету и нечету, опредѣляя, что такое оба они.—Потомъ, пусть бы онъ еще спросилъ: а счетоводство какимъ называешь ты искусствомъ?—Я отвѣчалъ бы, что и оно изъ числа искусствъ, исполняющихъ все рѣчью.—А когда бы тотъ опять спросилъ: что оно исполняетъ?—Я сказалъ бы: то же, что собирающій голоса въ народной сходкѣ¹; а вразсужденіи другихъ дѣлъ, оно таково, какъ и с. арифметика, ибо занимается тѣмъ же предметомъ — четомъ и нечетомъ, съ тою лишь разницею, что счетоводство наблюдаетъ надъ четомъ и нечетомъ, имѣя въ виду отношеніе ихъ величинъ возвратное и взаимное.—Равнымъ образомъ, еслибы спросили меня объ астрономіи и, выслушавъ мой отвѣтъ, что она все свое служеніе совершаетъ словомъ, опять предложили вопросъ: о чемъ говорить астрономія, Сократъ?—Я сказалъ бы, что о движеніи звѣздъ, солнца и луны, какова, то-есть, относительная скорость ихъ.

д. *Горг.* Да и правильно сказалъ бы, Сократъ.

Сокр. Ну, а ты, Горгиасъ? Вѣдь настоящая-то риторика принадлежитъ къ числу искусствъ, все совершающихъ и служащихъ рѣчью. Не такъ ли?

Горг. Такъ.

Сокр. Скажи же, о чемъ она. Что за предметъ, около котораго вращаются рѣчи, употребляемыея риторикою?

Горг. Величайшія и превосходнѣйшія изъ дѣлъ человѣческихъ, Сократъ.

е. *Сокр.* Но и это, Горгиасъ, подлежитъ спору и сказано во-

¹ *Οἱ ἐν τῷ δήμῳ συυραφόμενοι.* Сходіастъ къ этому мѣсту говорить: «въ собраніяхъ, когда требуются голоса или устанавливаются законы, герольдъ, при подачѣ перваго голоса или закона, провозглашалъ имя подавшаго голосъ или предложившаго законъ, съ означеніемъ имени его отца и деды, которой онъ житель; напр. Димосеенъ сынъ Димосеена, Пваніецъ, даетъ мнѣніе такое-то. Если же тотъ самый гражданинъ вздумалъ бы подать новый голосъ по прежнему предмету, — герольдъ говорилъ ему, чтобы лишняго не толковалъ, подавая объ одномъ и томъ же предметѣ то одно, то другое мнѣніе. Такъ вотъ дѣло, о которомъ здѣсь говорится.

все не ясно. Я думаю, ты слыхаль, какъ на пирахъ люди поютъ хитро сложенную пѣсню ¹ и перечисляютъ въ ней блага жизни; именно: первое благо — быть здоровымъ, второе — быть прекраснымъ, а третье, какъ говоритъ сочинитель пѣсни,—быть богатымъ безъ дурныхъ средствъ.

Горг. Конечно слыхаль. Но къ чему ты сказалъ это?

Сокр. Къ тому, что производители благъ, восхваляемыхъ ⁴⁵². сочинителемъ пѣсни, — врачъ, гимнастикъ ² и ростовщикъ, могутъ тотчасъ прійти къ тебѣ, и врачъ первый скажетъ: Сократъ! Горгиасъ обманываетъ тебя; не его, а мое искусство имѣетъ предметомъ величайшее благо людей. И еслибы я спросилъ его: кто же ты, что такъ говоришь?—Онъ, можетъ быть, отвѣчалъ бы: врачъ. — Такъ что жъ? неужели дѣло твоего искусства есть величайшее благо? — Да здоровье какъ не благо, Сократъ, можетъ быть, сказалъ бы онъ? для людей ^B. какое благо выше здоровья?—Потомъ за нимъ сталъ бы говорить гимнастикъ: какъ удивился бы я, Сократъ, еслибы Горгиасъ умѣлъ показать тебѣ больше блага отъ своего искусства, чѣмъ я отъ своего!—Но мнѣ вздумалось бы спросить и этого: а ты-то что за человѣкъ? какое твое дѣло?—Я гимнастикъ, отвѣчалъ бы онъ, и мое дѣло — доставлять людямъ тѣлесную красоту и силу. — Наконецъ, послѣ гимнастика, ду-

¹ Τοῦτο τὸ σκολιόν. По замѣчанію схолиаста, одни приписываютъ ее Симониду, другіе — Эпихарму. *Clem. Alex. Strom.* IV. p. 575. *Theodoret. Serm.* II. p. 83. sq.). Текстъ ея — слѣдующій: Ὑγιαίνειν μὲν ἄριστον ἀνδρὶ θνατῷ. Δεύτερον δὲ φῦλον καλὸν γενέσθαι. Τὸ δὲ τρίτον πλουτεῖν ἀδόλως. Τέταρτον δὲ ἡβᾶν μετὰ φίλων. То-есть: смертному человѣку всего лучше быть здоровымъ; потомъ, имѣть прекрасную наружность; въ-третьихъ, безукоризненно богатѣть; и наконецъ, въ-четвертыхъ, веселиться съ друзьями.—Это четвертое благо, какъ не отъ носившееся къ цѣли разсматриваемаго вопроса, Платонъ оставилъ. Содержаніе упомянутой пѣсни онъ приводитъ также *Legg.* 1, 631. С. II, 661. А.

² Платонъ въ этомъ мѣстѣ называетъ гимнастика παιδοτριβης—словомъ, по русски непереводаемымъ. Должность педотрива состояла въ укрѣпленіи и развитіи тѣла дѣтей чрезъ натираніе ихъ масломъ (отъ παις и τριβω). Слѣдовательно это дѣло относилось къ гимнастикѣ, какъ видъ къ роду. Олимпіодоръ между врачомъ и педотривомъ поставляетъ такое различіе, что ὁ μὲν ἰατρός περὶ τὰ στοιχεῖα αὐτὰ καθ' ἑαυτὰ καταγίγνεται, ὁ δὲ παιδοτριβης περὶ τῆς σύνθεσιν αὐτῶν καὶ τῶν τῶν μαρίων συνθήκην καὶ τὸ κἄλλος αὐτῶν.

- маю, съ совершеннымъ презрѣніемъ ко всѣмъ, началъ бы
- С. говорить и ростовщикъ: смотри-ка, Сократъ, покажется ли тебѣ какое Горгіасово, или чье бы-то ни было благо больше богатства.—А мы сказали бы ему: что̀ это? развѣ ты мастеръ производить богатство?—Онъ подтвердилъ бы.—Кто же ты? — Ростовщикъ. — Такъ что жь? неужели, думаешь, богатство есть величайшее благо для людей, спросили бы мы его?—Да какъ же не благо, отвѣчалъ бы онъ?—Однакожь этотъ Горгіасъ спорить, что его искусство есть причина бѣльшаго блага, чѣмъ твое, сказали бы мы.—Явно, что по-
- Д. слѣ сего онъ спросить: какое же это благо? пусть Горгіасъ укажетъ его своимъ отвѣтомъ.—Такъ вотъ, Горгіасъ; представляя, что тебя спрашиваютъ и они, и я, отвѣчай, что̀ такое то, что ты называешь величайшимъ благомъ и чего производителемъ считаешь самого себя.

Горг. Это, Сократъ, по истинѣ, величайшее благо и причина какъ свободы самихъ людей, такъ и власти ихъ надъ другими въ каждомъ городѣ.

- Е. *Сокр.* Что жь это говоришь ты?

Горг. То, что рѣчами можно убѣждать и судей въ судебномъ мѣстѣ, и совѣтниковъ въ совѣтѣ, и членовъ въ за-сѣданіи, и всѣхъ во всякомъ собраніи, какое бы то ни было гражданское собраніе. Владѣя такою силою, ты будешь имѣть раба и во врачѣ, раба и въ гимнастикѣ; а тотъ ростовщикъ будетъ приносить доходы не себѣ, а другому—именно тебѣ, могущему говорить и убѣждать народъ.

- Сокр.* Теперь, Горгіасъ, ты, кажется, ближе объяснилъ, 453. какимъ искусствомъ считаешь риторику. Сколько я понимаю, ты говоришь, что риторика—мастерица убѣждать, и что въ этомъ главнымъ образомъ заключается все ея дѣло. Или у тебя есть намѣреніе сказать, что она въ состояніи сдѣлать нѣчто болѣе, чѣмъ внушить убѣжденіе душамъ слушателей?

Горг. Отнюдь нѣтъ, Сократъ. Ты, кажется, достаточно опредѣлил ея. Въ этомъ именно состоитъ главное ея дѣло.

- В. *Сокр.* Послушай же, Горгіасъ. Твердо знай, что если кто,

разговаривая съ другимъ, желаетъ именно понять, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь; то, по внутреннему убѣжденію, однимъ изъ такихъ я почитаю и себя, да и тебѣ приписываю это самое.

Горг. Такъ что же, Сократъ?

Сокр. Сейчасъ скажу. Будь увѣренъ, что убѣжденія, производимаго риторикою, какимъ, то-есть, ты называешь его, и къ чему относишь, какъ убѣжденіе, ясно я не понимаю. Впрочемъ, мысленно догадываясь, что такое оно, по твоимъ словамъ, и съ чѣмъ имѣетъ дѣло, тѣмъ не менѣе спрашиваю, что называешь ты убѣжденіемъ, которое про- C. изводится риторикою, и къ какимъ оно относится предметамъ. Почему же, догадываясь, я спрашиваю тебя, а не говорю самъ? — Это дѣлается не ради тебя, а ради бесѣды. Она должна идти такъ, чтобы ея ходъ показывалъ намъ въ совершенной ясности, о чемъ у насъ рѣчь. Смотри-ка, по твоему мнѣнію, имѣю ли я право давать тебѣ вопросы? Если бы мнѣ случилось спросить тебя, кто таковъ между живописцами Зевксисъ, — и ты отвѣчалъ бы, что это портретистъ животныхъ; то не имѣлъ ли бы я права предложить тебѣ новый вопросъ: какихъ животныхъ и въ какомъ родѣ¹ портретистъ?

Горг. Конечно. D.

Сокр. Не потому ли, что есть и другіе портретисты, пишущіе много иныхъ животныхъ?

Горг. Да.

Сокр. А не будь другаго портретиста, кромѣ Зевксиса, — твой отвѣтъ былъ бы хорошъ.

Горг. Какъ не хорошъ!

Сокр. Ну такъ скажи и о риторикѣ, одна ли только риторика, по твоему мнѣнію, производитъ убѣжденіе, или и

¹ Въ Платоновомъ текстѣ этотъ вопросъ выражается однимъ словомъ καὶ ποῦ? которое здѣсь никакъ неумѣстно. Надобно полагать, что оно, по ошибкѣ переписчиковъ, поставлено вмѣсто какого-нибудь другаго. Не лучше ли будетъ читать πῶς, и разумѣть подъ этимъ стилъ Зевксисовой живописи?

другія искусства?—Я разумѣю слѣдующее: кто учитъ чему-нибудь,—убѣждаетъ ли въ томъ, чему учитъ, или нѣтъ?

Горг. Какъ же нѣтъ, Сократъ? Всего болѣе убѣждаетъ.

Б. *Сокр.* Обратимся опять къ тѣмъ самымъ искусствамъ, о которыхъ сей-часъ говорили. Ариѳметика, или ариѳметистъ не учитъ ли насъ всему тому, что касается чиселъ?

Горг. Конечно учитъ.

Сокр. Стало быть, и убѣждаетъ?

Горг. Да.

Сокр. Слѣдовательно и ариѳметика—мастерица убѣждать?

Горг. Явно.

Сокр. Посему, когда спрашиваютъ насъ, какія ея убѣжденія и въ чемъ,—мы конечно отвѣчаемъ: во всемъ томъ, 454. что преподается относительно чета и нечета. Подобнымъ образомъ можемъ показать, что и всѣ прочія недавно упомянутыя искусства производятъ убѣжденіе именно такое-то и въ томъ-то.

Горг. Да.

Сокр. Значитъ, не одна риторика мастерица убѣждать.

Горг. Правда.

Сокр. Если же не одна она производитъ это дѣло, но и другія; то, какъ спрашивали о живописцѣ, мы теперь по справедливости можемъ спросить своего собесѣдника, — по 455. отношенію къ какому убѣжденію и въ чемъ риторика есть искусство. Или тебѣ не кажется, что мы имѣемъ право предложить этотъ новый вопросъ?

Горг. Кажется.

Сокр. Отвѣчай же, Горгіасъ, когда уже и тебѣ самому такъ кажется.

Горг. Я говорю объ убѣжденіи, Сократъ, которое, какъ недавно мною сказано, производится въ судахъ и другихъ народныхъ собраніяхъ,—объ убѣжденіи въ томъ, что справедливо и несправедливо.

Сокр. Я-таки и догадывался, Горгіасъ, что это именно разумѣешь ты убѣжденіе, и въ этомъ отношеніи. Но не

удивляйся, если и немного послѣ я буду спрашивать тебя о подобныхъ вещахъ.—Дѣло-то, кажется, очевидно; а я спрашиваю,—и спрашиваю, какъ уже сказалъ, не для тебя, а для того, чтобы наша бесѣда шла къ концу послѣдовательно, чтобы мы, догадываясь, не привыкали перехватывать рѣчь другъ у друга, и чтобы ты, согласно съ своею цѣлю, доводилъ свои положенія до послѣднихъ заключеній, какъ самъ хочешь.

Горг. Да и хорошо, кажется, дѣлаешь, Сократъ.

Сокр. Давай же рассмотримъ слѣдующее: допускаешь ли ты слово — *узнать*?

Горг. Допускаю.

Сокр. Ну, а *повѣрить*?

D.

Горг. И это.

Сокр. Но тождественными ли тебѣ кажутся слова: *узнать* и *повѣрить*, — знаніе и вѣра, или различными?

Горг. Я-то думаю, Сократъ, что онѣ различны.

Сокр. И хорошо думаешь; — узнаешь это вотъ изъ чего. Еслибы кто спросилъ тебя: бываетъ ли, Горгиасъ, вѣра истинная и ложная?—Ты, какъ мнѣ кажется, отвѣчалъ бы положительно.

Горг. Да.

Сокр. Ну, а знаніе—бываетъ ли ложное и истинное?

Горг. Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Стало быть явно, что они не тождественны.

Горг. Правда.

E.

Сокр. Но убѣжденными бываютъ одни — именно-таки знающіе, а другіе вѣрующіе.

Горг. Такъ.

Сокр. Чтожь, хочешь ли, постановимъ два рода убѣжденія: одинъ, который даетъ вѣру безъ знанія, а другой — знаніе?

Горг. И очень.

Сокр. Такъ если риторика и въ судахъ, и въ другихъ народныхъ собраніяхъ производитъ убѣжденіе въ отношеніи

къ справедливому и несправедливому; то то ли это убѣжденіе, изъ котораго рождается вѣра безъ знанія, или то, изъ котораго проистекаетъ знаніе?

455. *Горг.* Ужъ явно, Сократъ, что то, изъ котораго — вѣра.

Сокр. Стало быть, риторика, какъ видно, мастерица производить убѣжденіе вѣровательное ¹, а не учительное касательно того, что справедливо и несправедливо.

Горг. Да.

Сокр. Слѣдовательно риторъ есть не учитель судебныхъ мѣстъ и другихъ народныхъ собраній относительно справедливаго и несправедливаго, а только увѣритель. Да вѣдь и невозможно такую многочисленную толпу научить столь великимъ предметамъ въ короткое время.

В. *Горг.* Конечно невозможно.

Сокр. Пусть такъ. Посмотримъ, что-то мы скажемъ наконецъ о риторикѣ. Вѣдь я и самъ-таки не въ состояніи понять, что говорю. Когда въ городѣ открыто собраніе для избранія либо врачей, либо кораблестроителей, либо какого другаго рабочаго народа; тогда-то знатокъ риторики — неправда ли? — не будетъ совѣтовать. Явно вѣдь, что, при каж-

¹ Это Горгиасово понятіе о риторикѣ, какъ о наукѣ, убѣждающей вѣрить безъ знанія, проистекши изъ школы софистовъ, мало по малу утвердилось и обобщилось до того, что и въ наше время едва ли не такъ же понимаютъ риторику. Между тѣмъ еще Квинтиліанъ замѣтилъ (Instit. II, 18): *Gorgias apud Platonem persuadendi se artificem in iudiciis et aliis coetibus esse ait; de justis quoque et injustis tractare: cui Socrates persuadendi non docendi concedit facultatem*, и, доказавъ, прибавивъ мы, что убѣжденіе безъ знанія того, въ чемъ убѣждаешь, приноситъ обществу больше вреда, чѣмъ пользы. Риторика только тогда можетъ быть полезна, когда бываетъ орудіемъ знанія, приобретаемаго глубокимъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ предмета. Даже и по формѣ своихъ рѣчей, она не можетъ быть наукою самостоятельною, но должна развивать свои произведенія въ зависимости отъ необходимыхъ законовъ мышленія, желанія и чувствованія, слѣдовательно основываться на началахъ логики, иеики и эстетики. Почти тоже самое говоритъ и Аристотель, полагая, что убѣждаетъ не риторика, а знаніе: *τὸ πείθει οὐκ ἔργον Ῥητορικῆς εἶναι, ἀλλὰ τὸ ἰδεῖν ὑπάρχοντα πειθὰν περὶ ἕκαστον* Rhet. 1, 14.

² По свидѣтельству Казавбона (ad. Strat. IV, p. 181), въ греческихъ республикахъ врачи для государственной службы избираемы и нанимаемы были публично, въ народныхъ собраніяхъ.

домъ такомъ избраніи, избирателемъ долженъ быть человекъ самый опытный въ искусствахъ. Да и въ томъ случаѣ, когда разсуждается о постройкѣ стѣнъ, либо объ отдѣлкѣ пристаней и гаваней, — не онъ будетъ совѣтовать, а архитекторы. Равнымъ образомъ, когда бываетъ совѣщаніе о избраніи начальниковъ, либо о вооруженіи противъ непріятеля, либо о занятіи областей, — совѣтуютъ военачальники, а риторы — нѣтъ. Или какъ говоришь ты объ этомъ, Горгіасъ? Вѣдь С. если ты называешь себя риторомъ и берешься сдѣлать другихъ риторамъ; то прилично спросить тебя о предметѣ твоего искусства. Думай такъ, что въ эту минуту я забочусь именно о твоей пользѣ. Можетъ быть, между присутствующими здѣсь кто-нибудь, желая сдѣлаться твоимъ ученикомъ... впрочемъ замѣчаю, что нѣкоторые, — даже почти всѣ, только вѣроятно стыдятся, а спросили бы тебя. Итакъ, принимая D. мои вопросы, представляй, что они предлагаются и этими людьми: что выиграемъ мы, Горгіасъ, если станемъ слушать тебя? о чемъ будемъ въ состояніи совѣтовать городу? только ли о справедливомъ и несправедливомъ, или и о томъ, о чемъ сей-часъ говорилъ Сократъ? — Постарайся же отвѣчать имъ.

Горг. Да, постараюсь, Сократъ, ясно открыть тебѣ всю силу риторики. Ты самъ прекрасно привелъ меня къ этому. Вѣдь тебѣ должно быть извѣстно, что эти гавани, эти стѣны аѳинскія и пристани сооружены по совѣтуThemistocla, — E. другія же — по совѣту Перикла, а не художниковъ.

Сокр. О Themistoclѣ такъ говорятъ, Горгіасъ; а что касается до Перикла, то я самъ слышалъ, какъ онъ совѣтовалъ намъ построить поперечную стѣну¹.

¹ Начало укрѣпленія Аѳинъ стѣнами положено послѣ персидской войны, по распоряженію Themistocla. Themistoclѣ постановилъ обнести стѣнами не только самый городъ, но и Пирей, въ который перевелъ потомъ и флотъ, до того времени стоявшій въ эалерскомъ портѣ (*Plut. et Nepot. vitt. Themistocl. et Iustin. II, 13*). Стѣны, окружавшія Аѳины и пирейскую гавань, назывались *μακρὰ τεῖχος* и *σείλη*. Одна изъ нихъ носила имя сѣверной, *τὸ βόρειον*, а другая — южной, *τὸ νότιον*. Говорятъ, что основаніе имъ положилъ Кимонъ, а окончательно построилъ ихъ Периклъ; работами же управлялъ архитекторъ

456. *Горг.* Вотъ видишь ли,—когда бываютъ избранія-то, о которыхъ говоришь ты,—совѣтниками, побѣдоносно защищающими свои мнѣнія, являются риторы.

Сокр. Удивляясь именно этому, Горгіасъ, я давно спрашиваю, въ чемъ состоитъ сила риторики. Поражая меня своимъ величіемъ, она представляется мнѣ дѣломъ какого-то генія.

Горг. А еслибы ты, Сократъ, еще все-то зналъ, что то есть она владѣетъ всѣми могуществами.... Но я скажу тебѣ
 В. одно великое доказательство. Много разъ случалось мнѣ съ братомъ и другими врачами приходиться къ такому больному, который либо не хотѣлъ принимать лѣкарства, либо не позволялъ врачу подвергнуть себя операціи и прижиганію ¹. Врачъ не въ силахъ былъ убѣдить его; а я убѣждалъ,—и не инымъ искусствомъ, какъ риторикою. Говорю тебѣ, что если бы и въ какой угодно городъ пришли знатокъ риторики и врачъ, и должны были въ общественномъ мѣстѣ, либо въ какомъ иномъ собраніи состязаться посредствомъ рѣчей о томъ, кого изъ нихъ слѣдуетъ избрать,—ритора или врача;—врачъ
 С. показался бы человѣкомъ ничтожнымъ, и избранъ былъ бы, еслибы захотѣлъ, владѣющій силою слова. Пусть бы онъ равномѣрно вступилъ въ борьбу и съ другимъ какимъ бы то ни было художникомъ:—риторъ болѣе, чѣмъ кто иной, убѣдилъ бы избрать себя; ибо нѣтъ предмета, о которомъ искусный въ риторикѣ не могъ бы говорить предъ толпою народа убѣдительное всякаго другаго художника. Такова-то и такъ-то велика сила этого искусства. Впрочемъ риторикою надобно пользоваться, какъ и всякимъ инымъ способомъ состязанія.
 D. Вѣдь прочіе способы извѣстный человѣкъ долженъ употреб-

Калликратъ. Кромѣ этихъ внѣшнихъ стѣнъ, Периклъ построилъ еще поперечную—въ Мунихіи, которою соединялись внѣшнія и которая простиралась отъ Пирея до Фалеры. *Harpocrat. v. διὰ μέτου τείχος.*

¹ *Подвергнуть себя операціи и прижиганію.* У Грековъ должность оператора не отдѣлялась отъ должности врача. *Wossius De natura artium V, 8 § 7. 10 § 6.* Прижиганіе производилось раскаленнымъ желѣзомъ для унітія кровотечения послѣ операціи.

лять противъ всѣхъ людей не для того, что онъ умѣетъ биться на кулакахъ, искусенъ во всѣхъ родахъ борьбы и можетъ сражаться оружіемъ, такъ что превосходитъ друзей и враговъ. Это не даетъ ему права бить, колотъ и убивать ближнихъ. Притомъ, клянусь Зевсомъ,—если кто, посѣщая палестру, выйдетъ крѣпокъ тѣломъ и, сдѣлавшись кулачнымъ бойцомъ, начнетъ потомъ бить отца, мать, или другаго кого изъ домашнихъ и друзей; то за это не должно ненавидѣть и изгонять изъ города гимнастиковъ и людей, обучающихъ сражаться оружіемъ: потому что учителя преподали ученику свое искусство для справедливаго пользованія имъ противъ враговъ и обидчиковъ,—для защищенія себя, не для нападенія; а онъ наоборотъ—пользуется своего силою и искусствомъ несправедливо. Итакъ не учителя худы, и искусство поэтому не есть ни ^{457.} причина зла, ни нѣчто злое; худы, думаю, несправедливо пользующіеся искусствомъ. То же должно сказать и о риторикѣ. Риторъ конечно силенъ противъ всѣхъ и можетъ сильно говорить о всемъ, такъ что весьма скоро убѣдитъ толпу, въ чемъ бы ни захотѣлъ; однакожь это не даетъ ему нисколько права уничтожать славу врачей и другихъ художниковъ,—единственно ^{В.} потому, что онъ въ состояніи унижить ихъ: напротивъ и риторикою, какъ другими способами борьбы, онъ долженъ пользоваться справедливо. Если же кто-нибудь, думаю, сдѣлавшись искуснымъ въ риторикѣ, будетъ этою силою и этимъ искусствомъ наносить обиды; то учителя не слѣдуетъ ненавидѣть и изгонять изъ города: ибо послѣдній преподалъ риторикѣ ^{С.} съ тѣмъ, что она будетъ употребляема справедливо, а первый пользуется ею—напротивъ. Итакъ справедливость требуетъ ненавидѣть, изгонять и убивать того, кто несправедливо пользуется ею, а не того, кто преподаетъ ее ^{1.}

¹ Это разсужденіе Горгіаса съ перваго взгляда можетъ казаться справедливымъ; а между тѣмъ оно есть не иное что, какъ развитіе софизма, который въ логикѣ называется *fallacia figurae dictionis*. Въ немъ представляются тождественными два положенія, вовсе нетождественныя: риторика и риторъ, или учитель риторики. Риторика, какъ наука убѣждать, сама по себѣ, въ

- Сокр.* Я полагаю, Горгіасъ, что и ты дѣлывалъ наблюденія надъ многими разговорами, стало быть замѣчалъ въ нихъ слѣдующее: учащіеся и учащіе, о чемъ бы ни вздумали разговаривать, не могли легко понять другъ друга, остав-
 D. ляютъ бесѣду. Но если они о чемъ-нибудь спорятъ, и одинъ говоритъ, что слова другаго либо несправедливы, либо неясны; то оба досадуютъ, и каждый питаетъ мысль, что себе-сѣдникъ его настаиваетъ на своемъ по ненависти,—спорить, а не изслѣдываетъ предмета рѣчи. Нѣкоторые, при этомъ, расходятся даже самымъ постыднымъ образомъ, говоря другъ другу и выслушивая одинъ отъ другаго столь грубыя ругательства, что и присутствующіе досадуютъ на себя, зачѣмъ они стали слушать такихъ людей. Для чего же я говорю это?—
 E. Для того, что теперешнія твои слова, мнѣ кажется, несовсѣмъ послѣдовательны и несогласны съ тѣмъ, что ты прежде говорилъ о риторикѣ. Боюсь обличать тебя, чтобы ты не вообразилъ, будто я прекословлю не для пользы предмета, желая способствовать къ его разъясненію, а для тебя. Итакъ, если и ты изъ тѣхъ людей, изъ которыхъ я; то мнѣ пріятно
 458. было бы предложить тебѣ вопросъ: а когда нѣтъ, — пожалуй оставлю. Изъ какихъ же я людей?—Изъ тѣхъ, которые съ удовольствіемъ принимаютъ обличеніе, какъ скоро говорятъ что-нибудь не такъ, и съ удовольствіемъ обличаютъ, если кто другой говоритъ неправду,—которымъ, то-есть, не менѣе пріятно быть обличаемымъ, какъ и обличать,—думаю, потому,
 B. что первое благо во столько больше, во сколько лучше избавиться отъ величайшаго зла самому, чѣмъ избавить другаго;

значеніи науки, не виновата, если употребляютъ ее во зло;—и Горгіасъ въ отношеніи къ этому своему положенію правъ. Но преподавателя риторики оправдать нельзя, если его ученики научились у него убѣждать слушателей въ несправедливомъ или постыдномъ; потому что онъ—не наука, не теорія, а живой органъ понятія о добромъ и зломъ, необходимо переливающій это понятіе во всякую преподаваемую имъ теорію. По ученію Сократа, знаніе безъ дѣла не есть знаніе; слѣдовательно, если риторъ передаетъ своимъ ученикамъ первое, то долженъ отвѣчать и за послѣднее. Съ этой точки зрѣнія надобно смотрѣть и на всѣ прочія науки и отнюдь не принимать ихъ за одно и то же съ преподавателями.

ибо, по моему мнѣнію, нѣтъ для человѣка зла столь великаго, какъ ложное мнѣніе о предметѣ настоящаго нашего разговора. Итакъ, угодно тебѣ подтвердить, что и ты таковъ, — будемъ разговаривать; а полагаешь, что надобно оставить, — распрощаемся съ нашимъ изслѣдованіемъ и прекратимъ бесѣду.

Горг. Да, подтверждаю, Сократъ, что и самъ я таковъ, какой тебѣ нуженъ. Впрочемъ, можетъ быть, надобно подумать и о присутствующихъ. Вѣдь я уже много и долго разсуждалъ съ ними еще до вашего прихода; долго, по видимому, будетъ тя- С. нуться и настоящая наша бесѣда о томъ, о чемъ мы разговариваемъ: такъ надобно обратить вниманіе и на нихъ, какъ бы кого не задержать, кто хотѣлъ бы сдѣлать и что-нибудь другое.

Хереф. Вы сами, Горгіасъ и Сократъ, слышите шумъ этихъ людей, что они готовы слушать, пока вы будете о чемъ-нибудь разговаривать. Лично же у меня не можетъ быть такого недосуга, который бы настоятельно требовалъ отъ меня какого другаго дѣла, когда я занятъ такими и такъ раскрываемыми рѣчами.

Калл. Да, клянусь богами, Херефонъ. Бывалъ я уже при д. многихъ разсужденіяхъ; но не знаю, чувствовалъ ли когда такое наслажденіе, какое теперь. Поэтому, если вы захотите разговаривать и цѣлый день, все будетъ пріятно.

Сокр. Чтò касается до меня, Калликлъ, то препятствія нѣтъ, если только согласится Горгіасъ.

Горг. Теперь уже стыдно было бы не согласиться, Сократъ, когда я самъ объявилъ, что всякій можетъ спрашивать меня, о чемъ угодно. Если имъ нравится, разговаривай и спраши- Е. вай, о чемъ хочешь.

Сокр. Такъ послушай, Горгіасъ, чтò удивляетъ меня въ твоихъ словахъ. Очень можетъ быть, что ты и правду говоришь, да я неправильно понимаю. Ты сказалъ, что можешь сдѣлать риторомъ всякаго, кто захочетъ тебя слушать?

Горг. Да.

Сокр. Риторомъ, который, не уча, убѣдитъ народъ во всемъ вѣроятномъ?

459. *Горг.* Безъ сомнѣнія.

Сокр. Даже говорилъ, что и въ отношеніи къ здоровью, риторъ будетъ убѣдительноѣ, чѣмъ врачъ.

Горг. Конечно говорилъ, — по крайней мѣрѣ, для народа.

Сокр. Это: «для народа», не значитъ ли — для невѣждъ? потому что для людей знающихъ, вѣроятно, онъ не будетъ убѣдительноѣ врача.

Горг. Ты правду говоришь.

Сокр. А если онъ будетъ убѣдительноѣ врача, то не сдѣлается ли, стало быть, убѣдительноѣ человѣка знающаго?

Горг. Конечно.

в. *Сокр.* Не будучи однако врачомъ, — такъ ли?

Горг. Да.

Сокр. И, какъ не врачъ, не зная того, что знаетъ врачъ.

Горг. Явно, что такъ.

Сокр. И, не зная, будетъ для незнающихъ убѣдительноѣ того, кто знаетъ, если только риторъ убѣдительноѣ врача. Это ли выдетъ, или что другое?

Горг. Въ этомъ случаѣ именно это.

Сокр. Не то же ли отношеніе ритора и риторики и ко всѣмъ прочимъ искусствамъ? Риторикѣ, то-есть, нѣтъ надобности знать самое дѣло, ей нужно только найти нѣкоторый способъ убѣжденія, чтобы незнающіе явились болѣе знающими, чѣмъ знающіе.

Горг. Не великое ли облегченіе, Сократъ, — не зная прочихъ искусствъ, а зная только одно это, быть ничѣмъ не ниже мастеровъ?

Сокр. Ниже ли риторъ, будучи такимъ, или не ниже ихъ, — это мы тотчасъ увидимъ, если только нашъ разговоръ къ чему-нибудь полезенъ намъ. Но сперва рассмотримъ, — таковъ же ли риторъ въ отношеніи къ справедливому и несправедливому, постыдному и прекрасному, доброму и злему, каковъ въ отношеніи къ здоровью и предметамъ другихъ искусствъ,

что, то-есть, не зная, что́ добро и что́ зло, что́ прекрасно и что́ постыдно, справедливо и несправедливо, а только выдумавъ способъ убѣждать въ этомъ, онъ, безъ знанія, покажется для незнающихъ больше того, кто знаетъ? Или это нужно ему знать и, напередъ узнавши, ходить къ тебѣ съ намѣреніемъ учиться риторикѣ? Если же не знаетъ,—ты, учитель риторики, не научишь приходящаго ничему такому, потому что не обязываешься къ этому, а только сдѣлаешь, что и безъ знанія тѣхъ предметовъ онъ будетъ казаться толпѣ знатокомъ ихъ, и безъ добра представится добрымъ? Или ты во все не можешь научить его риторикѣ, не предполагая въ немъ знанія истины о всемъ томъ? Или — какъ понимаешь это, Горгіасъ? Открой намъ, ради Зевса, тайну своей науки, какъ ты недавно обѣщался ¹; скажи, въ чемъ состоитъ ея сила.

Горг. Я полагаю, Сократъ, что кому не случилось знать о тѣхъ вещахъ, тотъ и о нихъ получить отъ меня познаніе.

Сокр. Помни же это; — вѣдь твое мнѣніе прекрасно: кого сдѣлаешь ты риторомъ; тотъ, учась у тебя, ранѣе или позднѣе непремѣнно узнаетъ, что́ справедливо и несправедливо.

Горг. Ужъ конечно.

Сокр. Такъ что жъ? человекъ, изучившій плотническое искусство,—плотникъ, или нѣтъ?

Горг. Плотникъ.

Сокр. А изучившій музыку—музыкантъ?

Горг. Да.

Сокр. А изучившій врачебное искусство—врачъ?—и все такимъ же образомъ. Изучившій каждую отдѣльную науку—таковъ, какимъ дѣлаетъ его эта наука?

Горг. Ужъ конечно.

Сокр. Поэтому, изучившій и справедливое не будетъ ли справедливъ?

Горг. Непремѣнно.

¹ Указывается на обѣщаніе Горгіаса, высказанное на стр. 455 D.

с. *Сокр.* А справедливый и дѣлаетъ справедливо?

Горг. Да.

Сокр. Стало быть, риторъ необходимо справедливъ; а будучи справедливымъ, хочетъ и дѣлать справедливо?

Горг. Очевидно.

Сокр. Но справедливый-то никогда не согласится нанести обиду.

Горг. Необходимо.

Сокр. А риторъ, по нашему умозаключенію, справедливъ.

Горг. Да.

Сокр. Слѣдовательно риторъ никогда не согласится нанести обиду.

д. *Горг.* Конечно не согласится.

Сокр. Но помнишь ли, ты недавно сказалъ, что не должно обвинять и изгонять изъ города палестристовъ, если кулачный боець нехорошо пользуется кулачнымъ искусствомъ и наносить обиду? Не то же ли самое,—если и риторъ неправильно пользуется риторскимъ искусствомъ? Не учителя надобно обвинять и изгонять изъ города, а того, кто обижаетъ и неправильно употребляетъ это искусство. Сказано это, или нѣтъ?

е. *Горг.* Сказано.

Сокр. А теперь этотъ самый риторъ, видно, уже никогда не обижаетъ;—или не видно?

Горг. Видно.

Сокр. Въ прежней бесѣдѣ говорено было также, Горгіасъ, что риторика разсуждаетъ не о четѣ и нечетѣ, но о справедливомъ и несправедливомъ; не правда ли?

Горг. Да.

Сокр. Такъ вотъ, слыша эти слова твои, я тогда предположилъ, что риторика, неизмѣнно разсуждая о справедливости, ни въ какомъ случаѣ не бываетъ дѣломъ несправедливымъ. Но когда, немного спустя, ты началъ говорить, что риторъ можетъ и злоупотреблять риторикою, — я удивился

и, замѣтивъ, что послѣднія твои слова не созвучны съ первыми, сказалъ: если и ты, какъ я, находишь пользу въ обличеніяхъ, — стѣбитъ разговаривать; а когда нѣтъ, — лучше распрощаться. Потомъ въ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованіяхъ, ты и самъ видишь вновь данное тобою согласіе, что риторъ не можетъ злоупотреблять риторикою и рѣшаться на обиду. Для надлежащаго разсмотрѣнія всего, что тутъ есть, клянусь собакою ¹, Горгіасъ, нужна не краткая бесѣда. **В.**

Пол. Ну что же, Сократъ? такъ ли и ты мыслишь о риторикѣ, какъ теперь говоришь о ней? Неужели, думаешь, Горгіасъ не отъ стыда согласился съ тобою, что риторъ знаетъ также справедливое, прекрасное и доброе, и еслибы кто пришелъ къ нему, не зная этого, былъ бы въ состояніи самъ потомъ научить его? Можетъ быть, изъ этого-то согласія и произошло въ словахъ его то противорѣчіе, которое ты такъ любишь и до котораго самъ же доводишь своими вопросами. Кого ты найдешь, кто сталъ бы отказывать себѣ въ знаніи справедливаго и въ способности научить этому другихъ? но наклонять разговоръ къ такимъ мелочамъ — не малая грубость. **С.**

Сокр. Ахъ, прекрасный Полось! для того-то нарочно и приобрѣтаемъ мы друзей и сыновей, чтобы, когда сами состарѣмся и начнемъ спотыкаться, — вы, молодые люди, находясь при насъ, поддерживали нашу жизнь дѣлами и словами. Вотъ и теперь, — если я и Горгіасъ въ своихъ разсужденіяхъ ошибаемся, — ты, находясь здѣсь, поправляй насъ; тебѣ это слѣдуетъ. И я позволяю всѣ допущенныя положенія, если думаешь, что онѣ допущены несправедливо, измѣнить, какъ тебѣ угодно, лишь бы только удержался ты отъ одного. **Д.**

Пол. Отъ чего это?

Сокр. Отъ длиннословія, Полось, которымъ ты началъ нашу бесѣду. Постарайся обуздать его.

¹ О клятвѣ Сократа собакою см. Аполлог. Сокр. р. 22 А.

Пол. Что же тутъ? развѣ нельзя мнѣ говорить, сколько хочу?

- Е.** *Сокр.* Для тебя въ самомъ дѣлѣ обидно, другъ мой, что, пришедши въ Аѣины, гдѣ гораздо болѣе свободы говорить, чѣмъ во всей Греціи, ты одинъ здѣсь не получаешь ея. Но представь, что твои разсужденія длинны, и что тебѣ не угодно отвѣчать на вопросы: — не было ли бы тогда обидно для меня, которому нельзя ни уйти, ни слушать тебя? Итакъ, 462. если ты заботишься о нашемъ собесѣдованіи и хочешь поправлять его; то, измѣняя въ немъ, какъ я сейчасъ сказалъ, что тебѣ угодно, опровергай и принимай опроверженія, подобно мнѣ и Горгіасу, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Вѣдь и ты знаешь то же, что Горгіасъ,—не правда ли?

Пол. Конечно знаю.

Сокр. Стало быть, и ты велишь спрашивать себя, о чемъ кто хочетъ, и готовъ отвѣчать на вопросы?

- В.** *Пол.* Безъ сомнѣнія.

Сокр. Дѣлай же теперь то, либо другое; спрашивай, либо отвѣчай.

Пол. Такъ и будетъ. Отвѣчай мнѣ, Сократъ: если Горгіасъ, какъ тебѣ кажется, недоумѣваетъ относительно риторики; то самъ ты чѣмъ называешь ее?

Сокр. Спрашиваешь, какимъ я называю ее искусствомъ?

Пол. Да.

Сокр. Она не представляется мнѣ никакимъ, Полось, если ужъ сказать тебѣ правду.

Пол. Такъ что же, по твоему мнѣнію, риторика?

Сокр. Нѣчто, чему ты далъ имя искусства въ своемъ, недавно прочитанномъ мною, сочиненіи.

- С.** *Пол.* А ты какъ понимаешь это?

Сокр. Я—нѣкоторою опытностію.

Пол. Стало быть, риторика, по твоему мнѣнію, есть опытность?

Сокр. Да, если ты не разумѣешь ничего другаго.

Пол. Въ чемъ опытность?

Сокр. Въ представленіи чего-нибудь нравящагося и въ возбужденіи удовольствія.

Пол. Стало быть, риторика кажется тебѣ дѣломъ прекраснымъ, если она можетъ нравиться людямъ?

Сокр. Чтò ты, Полось? тебѣ уже сказано, чѣмъ я называю ее. Зачѣмъ же и послѣ того спрашиваешь, прекраснымъ ли дѣломъ она мнѣ кажется?

Пол. Не слышалъ ли я отъ тебя, что ты называешь ее нѣкоторою опытностію?

Сокр. Но если умѣнье нравиться ты ставишь высоко; то не угодно ли немножко понравиться мнѣ?

Пол. Пожалуй.

Сокр. Такъ спроси меня: кухонное дѣло какимъ кажется мнѣ искусствомъ?

Пол. Изволь, спрашиваю: кухонное дѣло — какое искусство?

Сокр. Никакое, Полось.

Пол. Скажи же, чтò такое оно?

Сокр. Я говорю, что оно — нѣкоторая опытность.

Пол. Скажи еще: въ чемъ опытность?

Сокр. Я говорю: въ доставленіи пріятности и удовольствія, Полось.

Пол. Стало быть, кухонное дѣло и риторика — одно и то же?

Сокр. Отнюдь нѣтъ; только часть одного и того же занятія.

Пол. О какомъ занятіи говоришь ты?

Сокр. Чтобъ не сказать мнѣ грубости, говоря правду! Опасаюсь ради Горгіаса, какъ бы онъ не подумалъ, будто я осмѣиваю его занятіе. Я не знаю, риторика ли то, чѣмъ занимается Горгіасъ: изъ продолжавшагося доселѣ разговора не открылось ясно, чтò онъ разумѣетъ подъ нею. Но я риторику называю частію такого дѣла, которое не относится къ дѣламъ прекраснымъ.

Горг. Какого дѣла, Сократъ? говори, не стыдись меня.

- Сокр.* Мнѣ кажется, Горгіасъ, что это есть не искусственное занятіе, но бесѣда догадливой, мужественной и по природѣ сильной души съ людьми. Главное дѣло въ немъ я **В.** называю ласкательствомъ. Такого занятія, мнѣ кажется, много и другихъ частей, изъ которыхъ одна—дѣло кухни: это занятіе представляется искусствомъ; но, по моему мнѣнію, оно—не искусство, а опытность и навыкъ. Частями его я почитаю также риторику, косметику и софистику. Названные четыре части занимаются и четырьмя предметами.
- С.** Итакъ, если Полосу угодно спрашивать, пусть спрашиваетъ; потому что еще не изслѣдовано, какою частію ласкательства называю я риторику. Онъ не замѣтилъ, что на это отвѣта доселѣ не было, а между тѣмъ даетъ уже новый вопросъ,—не называю ли я риторику дѣломъ прекраснымъ. Нѣтъ, не буду отвѣчать ему,—прекраснымъ ли чѣмъ, или постыднымъ почитаю я риторику, пока не отвѣчу, что такое она. Вѣдь не слѣдуетъ, Полосъ. Ежели хочешь спрашивать, спрашивай, какою частію ласкательства называю я риторику.

Пол. Пожалуй спрошу, а ты отвѣчай, какою частію.

- Д.** *Сокр.* Но поймешь ли, когда я отвѣчу: риторика, по моему мнѣнію, есть образъ части политической?

Пол. Что жъ? хороша она, по твоему, или дурна?

Сокр. По моему, дурна; ибо все злое я называю дурнымъ, если долженъ отвѣчать тебѣ такъ, какъ бы ты понималъ слова мои.

Горг. Клянусь Зевсомъ, Сократъ, ужъ я и самъ не понимаю, что ты говоришь.

- Е.** *Сокр.* Да и естественно, Горгіасъ; потому что въ словахъ моихъ нѣтъ ничего яснаго. Но этотъ Полосъ молодъ и быстръ ¹.

¹ Πῶλος δὲ ὄδῃ νέος ἐστὶ καὶ δξύς. Свидя объясняетъ: ἀνορθός δηλονότι καὶ προπετής, то-есть, глупъ и дерзокъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ словахъ Сократа нельзя не замѣтить весьма тонкой насмѣшки. Не невѣроятна также и догадка Шлейермахера, что Сократъ здѣсь принаровняется къ самому имени Πῶλος—осленокъ, мальчишка.

Горг. Оставь-ка его и скажи мнѣ, какъ риторику называешь ты образомъ части политической.

Сокр. Пожалуй, попытаюсь высказать, чѣмъ именно представляется мнѣ риторика; а если сказанное будетъ невѣрно, — Полось опровергнетъ. Ты вѣроятно называешь нѣчто тѣломъ и душею?

Горг. Какъ не называть?

Сокр. И въ обоихъ считаешь нѣчто благосостояніемъ? 464.

Горг. Считаю.

Сокр. Что?—и благосостояніемъ кажущимся, не дѣйствительнымъ? Разумѣю слѣдующее: многимъ кажется, что у нихъ тѣло здорово, и никому не легко вразумить ихъ, что они въ худомъ состояніи, кромѣ врача, или какого-нибудь гимнастика.

Горг. Твоя правда.

Сокр. Это бываетъ, говорю, въ отношеніи къ тѣлу и къ душѣ. Что-то заставляетъ думать, будто и тѣло и душа находятся въ хорошемъ состояніи, хотя въ нихъ нѣтъ ничего хорошаго.

Горг. Такъ.

Сокр. Постой-ка, не могу ли я раскрыть свою мысль яснѣе. Такъ какъ у насъ два предмета, то допускаю и два искусства ¹: одно, относящееся къ душѣ, называю я политикою; но другаго, которое касается тѣла, не могу тебѣ означить также однимъ именемъ. Въ немъ, какъ въ общемъ

¹ Квинтиліану (Inst. Orat. 11, 15; 24 sq.) не нравится, что нѣкоторые, основываясь на показанной здѣсь классификаціи наукъ, называютъ риторику не наукою, а нѣкоторымъ навыкомъ доставлять слушателямъ удовольствіе, и защищаетъ риторику тѣмъ, что въ другихъ сочиненіяхъ Платона говорится о ней иначе. Но Платонъ даетъ риторикѣ такое значеніе, поколику она принимается была Горгиасомъ въ смыслѣ искусства убѣждать безъ знаній; а когда риторика основывается на познаніи истиннаго, добраго и справедливаго, то есть, на началахъ философскихъ, — онъ не отвергаетъ ея достоинства. Поэтому-то немного далѣе Платонъ приводитъ и причину, по которой риторику относить къ числу занятій ласкательствующихъ: это занятіе, говоритъ онъ, не можетъ дать отчета, отчего достойно принятія то, къ чему оно убѣждаетъ слушателя, и потому справедливо называется *ἡλόγοις πράγμα* (465 A).

служеніи тѣлу, я вижу двѣ части: гимнастику и медицину. Въ искусствѣ же политическомъ гимнастикѣ противопоставляется законодательство, а медицинѣ — правовѣденіе.

- С.** И эти части, взятая по двѣ, относясь къ одному и тому же предмету, находятся во взаимномъ общеніи, — медицина съ гимнастикою, а правовѣденіе съ законодательствомъ, хотя онѣ и отличаются одна отъ другой. Но между тѣмъ какъ эти искусства, числомъ четыре, всегда служатъ наилучшимъ образомъ, — однѣ тѣлу, другія душѣ, — ласкательство, замѣтивъ то, не посредствомъ знанія, говорю, а по догадкѣ, раздѣлилось и само на четыре вида и, поддѣлываясь подъ
- Д.** каждую изъ частей, представляется тѣмъ, подъ что поддѣлалось. О наилучшемъ оно нисколько не заботится, но всегда уловляетъ и обманываетъ безуміе удовольствіемъ до того, что кажется дѣломъ величайшей важности. Итакъ подъ медицину поддѣлалась кухня и выдаетъ себя за знатока наилучшихъ кушаньевъ для тѣла; такъ что, еслибы у дѣтей, либо у подобныхъ дѣтямъ несмысленныхъ людей, повару и врачу надлежало вступить въ состязаніе, кто изъ нихъ — врачъ или поварь — имѣетъ лучшее понятіе о хорошихъ и худыхъ кушаньяхъ, первому пришлось бы умереть съ
- Е.** голоду. Вотъ что я называю ласкательствомъ, и утверждаю, что оно постыдно, Полось, — это уже для тебя говорится,
465. ибо метить на пріятное, а не наилучшее, — и такое ласкательство почитаю не искусствомъ, а навыкомъ; такъ какъ оно не можетъ дать отчета въ свойствѣ тѣхъ вещей, которыя предлагаетъ, чтобы то-есть въ состояніи было наименовать причину каждой. Дѣло же безъ причины я не называю дѣломъ искусства; и если ты не соглашаешься въ этомъ, — готовъ доказать. Такъ подъ медицину, какъ я сказалъ, поддѣлывается ласкательство кухонное, а подъ гимнастику точно такимъ же образомъ — косметическое, занятіе злодѣйское, обольстительное, неблагородное, низкое, обманывающее видомъ, прикрасами, легкостію и нарядами, однимъ словомъ — дѣлающее то, что люди, заимствуя чужую красоту, нера-

дять о красотѣ, доставляемой гимнастикою. Чтобы не говорить много, употреблю выраженіе геометровъ; можетъ быть, наконецъ поймешь. Какъ ласкательство косметическое относится къ гимнастикѣ, такъ кухонное—къ медицинѣ; или лучше,—какъ ласкательство косметическое относится къ гимнастикѣ, такъ софистическое—къ законодательству, и какъ ласкательство кухонное относится къ медицинѣ, такъ риторское—къ правовѣденію. Таково-то, говорю я, естественное между ними различіе. Поколикъ же дѣло софистическое и риторское близки одно къ другому; то софисты и риторы, занимаясь въ то же время тѣми же предметами, смѣшиваются и, какъ сами не знаютъ, что изъ себя дѣлать, такъ и другіе, — чѣмъ ихъ почитать ¹. Да что еще? — еслибы душа не господствовала надъ тѣломъ, но послѣднее управлялось бы само собою, еслибы она не созерцала и не различала дѣла кухоннаго и медицины, но судьей было бы тѣло и взвѣшивало бы ихъ тѣмъ, что нравится ему самому; то выраженіе Анаксагора, любезный Полось,—ты вѣдь опытенъ въ такихъ вещахъ,—получило бы обширнѣйшее значеніе: все смѣшалось бы въ одно, и предметы медицины, здравія и кухоннаго дѣла не были бы различаемы ². Теперь ты

¹ Софисты въ греческихъ республикахъ почитались просто людьми учеными и брались воспитывать юношество. Но воспитывая молодое поколѣніе, каждый изъ нихъ судилъ и рядилъ о государственныхъ постановленіяхъ согласно съ своимъ взглядомъ на вещи, каждый толковалъ либо о недостаточности и тиранническомъ духѣ общественныхъ законовъ, либо о своекорыстіи и притязательности законодателей. Поэтому въ республикѣ болѣе строгой, на примѣръ, лакедемонской, имъ даже не позволено было и являться. Изъ такого направленія и духа греческой софистики видно, что Сократъ правильно называетъ ее занятіемъ, поддѣлывающимся подъ законодательство. Напротивъ риторы, хотя также напитаны были началами софистическими, но имѣли въ виду больше выгоды жизни практической и довольны были тѣмъ, если могли готовые гражданскіе законы объяснять и направлять къ своей пользѣ. Очень неудивительно, что черни не было извѣстно это тонкое различіе между софистами и риторамъ, и она легко могла принимать ихъ однихъ за другихъ.

² Здѣсь Сократъ приводитъ причину, почему софистика и риторика смѣшиваются между собою, тогда какъ занятія, служащія тѣлу (кухонное и косметическое), ясно отличаются одно отъ другаго. Причину эту весьма хоро-

слышалъ, чѣмъ я называю риторикѣ: она—то же въ душѣ, что дѣло кухонное—въ тѣлѣ. Можетъ быть, я поступилъ
 Е. нелѣпо, что тебѣ не позволилъ говорить длинныхъ рѣчей, а самъ произнесъ цѣлое разсужденіе: но меня надобно извинить; потому что краткихъ моихъ словъ ты не понималъ и не зналъ, что тебѣ дѣлать съ моими отвѣтами, слѣдовательно имѣлъ нужду въ объясненіи. Такъ-то, если и
 466. я не въ состояніи буду понять твой отвѣтъ, ты распрости свою рѣчь; а когда въ состояніи,—предоставь мнѣ понимать его. Это совершенно справедливо. Теперь дѣлай съ моимъ отвѣтомъ, что можешь сдѣлать.

Пол. Что это говоришь ты? риторика кажется тебѣ ласкательствомъ?

Сокр. Частію ласкательства, сказалъ я. Такъ молодъ, Полось, а не помнишь. Чтò же будешь дѣлать послѣ, (доживъ до старости)?

Пол. Неужели тебѣ представляется, что въ городахъ хов. рошіе риторы ¹, какъ ласкатели, считаются людьми незрѣлыми?

шо раскрываетъ Олимпіодоръ. «Стоитъ изслѣдовать, говорить онъ, почему софистика и риторика сливаются, а косметика и кухонное дѣло — нѣтъ. Мы говоримъ, что кухонное дѣло и косметика суть идолы тѣла. Поэтому, еслибы распознавало ихъ тѣло, то и они сливались бы; ибо какимъ образомъ различать ихъ тѣлу, обладаемому дѣйствіемъ подлежащихъ различенію предметовъ?— Нѣтъ, такъ какъ тѣ занятія суть идолы тѣла, а различаетъ ихъ душа; то будучи опредѣляемы душою, они и не сливаются. Напротивъ риторика и софистика суть идолы души. Поэтому душа, въ отношеніи къ нимъ имѣющая состояніе страдательное, слѣдовательно обладаемая и поработенная ими, можетъ ли различать ихъ? — Оттого-то онъ и смѣшиваются.» Мнѣніе Анаксагора о смѣшеніи стихій до образованія міра см. въ прим. къ Федону р. 72 С. Слова Сократа: *ты видѣ опытенъ въ такихъ вещахъ*, указываютъ на то, что Полоса причисляла къ школѣ Анаксагоровой, какъ Горгіаса—къ Эмпедокловой. Scholiast.

¹ ἄγχιτοι ῥήτορες. Слово ἀγαθὸς у Грековъ имѣло значеніе обширнѣе того, какое мы соединяемъ съ словомъ «хорошій»: имъ выражалось и нравственное качество лица — доброта, и достоинство человѣка, относительно къ его работѣ; напримѣръ, по нашему, хорошаго живописца они называли также ἀγαθὸν ζωγράφον. Отъ этой двусмысленности слова ἀγαθὸς произошло здѣсь недоумѣніе Полоса, который ἀγαθὸν ῥήτορα понималъ въ значеніи хорошаго

Сокр. Это вопросъ? или начало какой-нибудь рѣчи?

Пол. Вопросъ.

Сокр. Я думаю, они и не считаются.

Пол. Какъ не считаются? Развѣ въ городахъ не велика ихъ сила?

Сокр. Нѣтъ, если только имѣть силу, по твоему мнѣнію, есть нѣчто хорошее для сильнаго.

Пол. Да это и есть мое мнѣніе.

Сокр. Такъ риторы въ числѣ жителей города, мнѣ кажется, весьма мало значать. С.

Пол. Что ты? развѣ они, подобно тираннамъ, и не умерщвляютъ, кого хотятъ, и не отнимаютъ имущества, и не изгоняютъ изъ городовъ, кого покажется?

Сокр. Клянусь собакою, Полось, что я недоумѣваю, самъ ли ты говоришь, говоря о чемъ-нибудь, и свою ли мысль высказываешь, или спрашиваешь меня.

Пол. Да, я спрашиваю тебя.

Сокр. Положимъ, другъ мой. Такъ ты даешь мнѣ два вопроса.

Пол. Какъ два?

Сокр. Не сказалъ ли ты мнѣ сейчасъ, что риторы, подобно тираннамъ, и умерщвляютъ, кого хотятъ, и отнимаютъ имущество, и изгоняютъ изъ городовъ, кого покажется? D.

Пол. Сказалъ.

Сокр. Такъ я тебѣ говорю, что тутъ два вопроса ¹, и буду отвѣчать на оба. Скажу, Полось, какъ сей-часъ сказалъ, что и риторы и тиранны имѣютъ въ городахъ мало-

ритора, тогда какъ Сократъ подъ словомъ ἀρχαὶς хочетъ разумѣть ἀρχαῖοιτις — въ смыслѣ нравственномъ.

¹ Полось спрашивалъ: развѣ риторы не умерщвляютъ, *кого хотятъ*, и не изгоняютъ изъ городовъ, *кого покажется*? Изъ этихъ двухъ вопросовъ на послѣдній — *ὅς ἐστι δὲ αὐτῶν* — Сократъ отвѣчаетъ положительно, а на другой — *ὅς ἐστι βούλωνται* — отрицательно; потому что софисты не знаютъ того, чего хотятъ, или для чего въ чемъ-нибудь убѣждаютъ, то-есть, не знаютъ природы истиннаго, добраго и справедливаго.

важную силу, ибо ничего почти не дѣлають, чего хотять, но дѣлають, что имъ кажется, какъ наилучшее.

Пол. А это развѣ не значить—имѣть великую силу?

Е. *Сокр.* Не значить: по крайней мѣрѣ какъ говорить Полось.

Пол. Мнѣ не говорить? Конечно говорю.

Сокр. Клянусь ¹, ты не говоришь, когда утверждаешь, что имѣть великую силу, по твоему мнѣнію, есть нѣчто хорошее для сильнаго.

Пол. Да, это мое мнѣніе.

Сокр. Но хорошее у тебя бываетъ не тогда ли, когда кто дѣлаеть, что ему кажется, какъ наилучшее, не имѣя ума? и не это ли, по твоему, значить обладать великою 467. силою?

Пол. Это.

Сокр. Такъ опровергая меня, докажешь ли, что риторы имѣють умъ, и что риторика — искусство, а не ласкательство? Если же я останусь неопровергнутымъ,—риторы и тиранны, дѣлая въ городахъ, что имъ кажется, не приобрѣтутъ ничего хорошаго. Хотя обладать силою, какъ говоришь ты, и есть нѣчто хорошее; но дѣлать, что кажется,—безъ ума, даже по твоему согласію,—зло. Не правда ли?

Пол. Да, и по моему.

Сокр. Какимъ же образомъ риторы и тиранны могутъ имѣть въ городахъ великую силу, если Полось не опровергнетъ В. Сократа и не научить, что они дѣлають, что хотять?

Пол. Этотъ человекъ ²...

Сокр. Я говорю, что они дѣлають не то, что хотять. Опровергай меня.

¹ Клянусь — *μὲν τὸν*, эллиптическій образъ клятвы, употреблявшійся древними Греками. Scholiast. Aristoph. ad Ran. v. 1421: *ἑλλειπτικῶς ὑμνοῦσι, καὶ οὕτως εἶδος ἐστὶν ἀρχαῖος, ἐν ᾧ οὐκ ἐπιτρέπεται τὸν θεὸν εὐλαβείας χάριν, εἰώθεσαν δὲ τοῖς τοιοῦτοις ἔρκοις χρῆσθαι ἐπευφημιζόμενοι, ὥστε εἰπεῖν μὲν, μὲν τὸν, ὄνομα δὲ μηδέτι προσθεῖναι, καὶ Πλάτωνι δὲ τῷ τοιοῦτῳ νεχρῆσθαι.*

² Это—такъ называемая фигура умолчанія, выражающая удивленіе и негодованіе; а здѣсь она выражаетъ еще больше—ненаходчивость Полоса.

Пол. Не сейчасъ ли, только передъ этимъ, соглашался ты, что они дѣлають, что имъ кажется, какъ наилучшее?

Сокр. Да и теперь соглашаюсь.

Пол. Стало быть, они дѣлають, что хотятъ.

Сокр. Нѣтъ.

Пол. Но вѣдь дѣлають, что имъ кажется?

Сокр. Да.

Пол. Жалки и странны слова твои, Сократъ.

Сокр. Не вини меня, добрый Полось,—говорю въ твоёмъ С. вкусѣ; но если ты намѣренъ предлагать мнѣ вопросы, докажи, что я лгу; а не намѣренъ—самъ отвѣчай.

Пол. Готовъ отвѣчать, лишь бы только видѣть, что ты тутъ разумѣешь.

Сокр. Какъ тебѣ кажется? — люди того ли хотятъ, что всякій разъ дѣлають, или того, для чего дѣлають то, что дѣлають? Напримѣръ, пьющіе лѣкарство, по предписанію врачей, того ли, думаешь, хотятъ, что дѣлають, то-есть, пить лѣкарство и страдать, или того, для чего пьютъ, то-есть,—быть здоровыми? D.

Пол. Очевидно,—того, для чего пьютъ, то-есть, быть здоровыми.

Сокр. Не такъ же ли и плавающіе, и ищущіе себѣ барышей другимъ образомъ — хотятъ не того, что всякій разъ дѣлають,—ибо кому хочется плавать, подвергаться опасностямъ и безпокойствамъ? — а того, думаю, для чего плавають, то-есть, быть богатыми? Вѣдь плавають для богатства.

Пол. Конечно.

Сокр. Не то же ли и вообще? дѣлающей что-нибудь для чего-нибудь, хочетъ не того, что дѣлаеть, а того, для чего дѣлаеть?

Пол. Да. E.

Сокр. Теперь, есть ли что-нибудь такое, что не было бы либо добро, либо зло, либо среднее между ними—ни добро, ни зло?

Пол. Быть чему-нибудь изъ этого совершенно необходимо, Сократъ.

Сокр. Добромъ не называешь ли ты мудрости, здоровья, богатства и другихъ, подобныхъ тому вещей, а зломъ—противныхъ имъ?

Пол. Называю.

Сокр. Ни доброе же, ни злое—не то ли, по твоему мнѣ-
468. нію, что иногда причастно добру, иногда—злу, а иногда ни тому ни другому, какъ напр. сидѣть, ходить, бѣжать, плавать, или каковы — камни, дерева и другія подобныя вещи? Это ли называешь ты ни добромъ, ни зломъ, или что иное?

Пол. Не иное, а это.

Сокр. Но среднее ли тутъ дѣлають для добра, когда дѣлають, или добро—для средняго?

Пол. Ужъ вѣроятно среднее для добра.

В. *Сокр.* Стало быть, и когда ходимъ,—мы ходимъ, какъ бы гонялись за добромъ, думая, что это лучше; и когда стоимъ,—стоимъ опять для того же, то-есть, для добра. Не правда ли?

Пол. Да.

Сокр. Не потому ли и умерщвляемъ, если кого умерщвляють, и изгоняемъ, и отнимаемъ имущество, что признаемъ за лучшее для себя дѣлать это, чѣмъ не дѣлать?

Пол. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно дѣлающіе все это—дѣлають для добра.

Пол. Согласенъ.

Сокр. Но не согласились ли мы, что хотимъ не того, что
с. дѣлаемъ для чего-нибудь, а того, для чего что-нибудь дѣлаемъ?

Пол. Весьма охотно.

Сокр. Стало быть, ни умерщвлять, ни изгонять изъ городовъ, ни отнимать имущества мы не хотимъ просто такъ: напротивъ хотимъ дѣлать это, если такое дѣйствіе полезно, и не хотимъ, когда оно вредно; потому что хотимъ добра,

сказалъ ты, а что ни добро, ни зло, того не хотимъ. Такъ ли? вѣрно ли, кажется тебѣ, Полось, говорю я, или нѣтъ? Д. Отвѣчай же.

Пол. Вѣрно.

Сокр. А если соглашаешься въ этомъ, то умерщвляющій кого-нибудь, либо изгоняющій изъ города, либо отнимающій имущество,—тираннъ ли то будетъ, или риторъ, — какъ скоро онъ думаетъ, что это для него лучше, а выходитъ хуже,—дѣлаетъ вѣроятно то, что ему кажется. Не такъ ли?

Пол. Да.

Сокр. Неужели же въ этомъ случаѣ дѣлаетъ онъ, что хочеть, если это дѣло дурно?—Отвѣчай-ка.

Пол. Нѣтъ, онъ дѣлаетъ, кажется, не то, что хочеть.

Сокр. Такъ можетъ ли быть, чтобы онъ имѣлъ великую силу въ томъ городѣ, если имѣтъ великую силу, по твоему Е. мнѣнію, есть нѣчто доброе?

Пол. Невозможно.

Сокр. Слѣдовательно я правду сказалъ, говоря, что человѣкъ, какъ скоро въ городѣ дѣлаетъ онъ, что ему кажется, не имѣетъ великой силы и не дѣлаетъ того, что хочеть.

Пол. Такъ видно ¹, власти—дѣлать въ городѣ, что тебѣ кажется, ты скорѣе не принялъ бы, Сократъ, чѣмъ принялъ бы ее, и не позавидовалъ бы тому, кто можетъ умертвить, кого вздумается, лишитъ имущества, или заключить въ оковы.

Сокр. Справедливо, то-есть, или несправедливо?

Пол. Такъ или сякъ, но въ обоихъ случаяхъ не завидно ли это?

Сокр. Говори лучше, Полось.

Пол. А что?

469.

¹ Такъ видно... Въ подлинникъ — ὡς δὲ, выражаетъ тонъ вопроса, предлагаемаго съ нѣкоторою насмѣшливостію. Подобнымъ образомъ—ниже (499 В): ὡς δὲ τὸ βίαι ἐμὲ... и въ другихъ мѣстахъ.

Сокр. Людямъ, и невозбуждающимъ зависти, и жалкимъ, завидовать не должно, а надобно жалѣть о нихъ.

Пол. Что ты? неужели, думаешь, таково состояніе тѣхъ людей, о которыхъ я говорю?

Сокр. Да какъ же не таково?

Пол. Значитъ, всякій, умерщвляющій, кого ему кажется, справедливо представляется тебѣ человѣкомъ несчастнымъ и достойнымъ сожалѣнія?

Сокр. Нѣтъ; — однакожь и не такимъ, чтобы онъ возбуждалъ зависть.

Пол. Не сейчасъ ли ты сказалъ, что онъ несчастенъ?

В. *Сокр.* Да, умерщвляющій несправедливо, другъ мой, сверхъ того и жалокъ; когда же справедливо, — онъ не возбуждаетъ зависти.

Пол. Ну, а умирающій-то несправедливо, вѣроятно, жалокъ и несчастенъ.

Сокр. Менѣе, Полось, чѣмъ умерщвляющій, и менѣе, чѣмъ умирающій справедливо.

Пол. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Такъ, что самое великое изъ золъ есть нанесеніе обиды.

Пол. Да это ли самое великое? Не большее ли зло — терпѣть обиду?

Сокр. О, всего менѣе!

Пол. Стало быть, ты лучше хотѣлъ бы терпѣть обиду, чѣмъ обижать?

С. *Сокр.* Я не хотѣлъ бы ни того ни другаго; но еслибы необходимо было либо обидѣть, либо потерпѣть обиду, то скорѣе избралъ бы послѣднее, чѣмъ первое.

Пол. Поэтому, ты не согласился бы тиранствовать?

Сокр. Нѣтъ, если только подъ именемъ тиранніи ты разумѣешь то же, что я.

Пол. Я разумѣю то же, что сейчасъ, — власть дѣлать въ городѣ, что кажется; умерщвлять и совершать все по собственному усмотрѣнію.

Сокр. Выслушай-ка меня, счастливецъ, и лови на словѣ. Еслибы я вышелъ на площадь во время стеченія народа D. и, держа скрытно кинжалъ, сказалъ тебѣ: Полось! теперь въ моихъ рукахъ удивительное могущество и тираннія. Вѣдь покажись мнѣ, что изъ видимыхъ тобою здѣсь людей кто-нибудь сейчасъ долженъ умереть,—и тотъ, на кого пало бы это мнѣніе, умереть. Покажись мнѣ также, что у кого-нибудь изъ нихъ должна быть разсѣчена голова,—и она немедленно будетъ разсѣчена, либо—разодрано платье,—и оно будетъ вдругъ разодрано. Такъ велика моя сила въ этомъ E. городѣ! А еслибы тебѣ не вѣрилось,—я показалъ бы кинжалъ,—и ты, видя его, вѣроятно сказалъ бы мнѣ: Сократъ! такимъ-то образомъ всѣ могутъ имѣть великую силу; такимъ образомъ ты могъ бы, напримѣръ, еслибы тебѣ показалось, поджечь дома, аѣинскую гавань, трехмачтовые суда и всѣ, какъ общественные, такъ и частные корабли. Но дѣлать это, то-есть, дѣлать, что кажется, вѣдь не значить имѣть великую силу. Или ты такъ думаешь?

Пол. Ужъ вѣроятно не такъ.

470.

Сокр. А можешь ли сказать, за что порицаешь такую силу?

Пол. Могу.

Сокр. Скажи же.

Пол. За то, что поступающій такимъ образомъ необходимо долженъ вредить.

Сокр. А вредить—не есть ли дѣлать зло?

Пол. Конечно.

Сокр. Поэтому, имѣть великую силу, почтеннѣйшій, у тебя значить опять то, что дѣлающій, что ему кажется, расположенъ совершать полезное и быть добрымъ. Это-то, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ великую силу; а безъ этого, великая твоя сила будетъ зло и безсиліе. Разсмотримъ еще в. слѣдующій вопросъ: не согласимся ли мы, что дѣлать то, о чемъ теперь говоримъ, то-есть умерщвлять, либо изгонять людей и отнимать у нихъ имущество, иногда бываетъ больше доброе дѣло, а иногда нѣтъ?

Пол. Конечно.

Сокр. И въ этомъ-то, вѣроятно, согласимся оба мы, — ты и я.

Пол. Да.

Сокр. Когда же, думаешь, дѣлать это бываетъ больше добро? Скажи, что здѣсь полагаешь ты предѣломъ?

Пол. На это, Сократъ, отвѣчай ужъ ты самъ.

C. *Сокр.* Если угодно тебѣ, Полось, слышать отъ меня, то я скажу, что когда дѣлаютъ справедливо, — это бываетъ больше добро, а когда несправедливо, — больше зло.

Пол. Хоть неприятно опровергать тебя, Сократъ; но не докажетъ ли тебѣ и дитя, что ты говоришь несправедливо?

Сокр. И я буду весьма благодаренъ этому дитяти, равно какъ и тебѣ, если обличишь меня и избавишь отъ пусто-словія. Не затруднись облагодѣтельствовать любимаго тобою человѣка; обличи его.

D. *Пол.* Ужъ конечно нѣтъ никакой надобности опровер-гать тебя, Сократъ, древними событіями; достаточно и недавнихъ происшествій ¹, чтобы обличить тебя и доказать, что многие несправедливые люди наслаждаются счастіемъ.

Сокр. Какія же это происшествія?

Пол. Напримѣръ, не видишь ли, что этотъ Архелай ², сынъ Пердикки, — теперь правитель Македоніи?

¹ Ἐχθές καὶ πρόην ἕτερονά ταῦτα ἰκανά. Ἐχθές καὶ πρόην — поговорка, указывающая на недавно случившееся событіе; по-русски — на дняхъ. У насъ соотвѣтствуетъ ей присловіе: «сегодня — завтра», только русскимъ присловіемъ мы означаемъ время наступающее, а греческимъ означалось едва прошедшее.

² Полось говоритъ здѣсь, что Архелай, сынъ Пердикки, совершалъ одни только злодѣянія и не искупалъ ихъ никакими добродѣтелями. Но, по свидѣтельству Фукидида (II, 100), онъ украсилъ и усилилъ царство Македонское, а наукамъ и ученымъ такъ покровительствовалъ, что многихъ мужей, славившихся своими дарованіями и познаніями, принималъ у себя съ отличными почестями. Такого вниманія удостоился отъ него, между прочими, и Еврипидъ (v. Aelian. V. II. 11. 21. XIII. 14). Атений даже порицаетъ Платона, что онъ въ своемъ Горгіасѣ позволилъ себѣ охуждать поступки Архелая, тогда какъ этотъ государь былъ, говоритъ, въ дружескихъ къ нему отношеніяхъ (XI, 15 p. 506). Эліанъ свидѣтельствуетъ, что Архелай пригла-

Сокр. Если не вижу, такъ слышу.

Пол. Чтожъ? счастливъ онъ, или несчастливъ, по твоему мнѣнію?

Сокр. Не знаю, Полось; потому что еще не познакомился съ этимъ человѣкомъ.

Пол. Какъ? развѣ для узнанія этого нужно знакомиться? Е. развѣ иначе, самъ собою, ты не знаешь, что онъ счастливъ?

Сокр. Клянусь Зевсомъ, что нѣтъ.

Пол. Такъ явно, Сократъ, что ты откажешься отъ знанія даже о счастіи великаго царя.

Сокр. Да и справедливо откажусь, потому что не знаю ни воспитанія его, ни правосудія.

Пол. Что ты? развѣ въ этомъ-то все счастье?

Сокр. Чтò касается до моего мнѣнія, Полось, то я говорю, что человѣкъ прекрасный и добрый (то же и о женщинѣ)—счастливъ, а несправедливый и злой несчастливъ.

Пол. Слѣдовательно Архелай, по твоему мнѣнію, не- 471. счастенъ?

Сокр. Если только онъ несправедливъ, другъ мой.

Пол. Да какъ же не несправедливъ! Вѣдь ему нисколько не принадлежитъ нынѣшняя его власть; потому что онъ родился отъ женщины, бывшей рабою Алкета, брата Пердиккина, и, по всей справедливости, находился въ числѣ Алкетовыхъ рабовъ. Еслибы онъ захотѣлъ поступить справедливо, то рабствовалъ бы Алкету и, по крайней мѣрѣ, по твоему образу мыслей, былъ бы счастливъ; а теперь, совершивъ величайшія несправедливости, сталъ удивительно какъ несчастенъ. Во-первыхъ, пригласивъ къ себѣ В. этого самаго господина и дядю, — какбы желалъ сдать ему власть, которую отнял у него Пердикка, Архелай угостилъ его, напоилъ вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ, двоюроднымъ своимъ братомъ и ровесникомъ и, положивъ

шалъ къ себѣ и Сократа; но сынъ Софрониска отказался ѣхать къ нему — будто бы потому, что не уважалъ его (V. 11. XIV. 17).

ихъ на телѣгу, ночью вывезъ изъ дворца, потомъ удавилъ и скрылъ обоихъ. Совершивъ такое преступленіе, онъ самъ не замѣтилъ, что сдѣлался человѣкомъ несчастнѣйшимъ, и не раскаялся, но немного спустя, подобнымъ образомъ по-
 с. ступилъ и съ роднымъ своимъ братомъ, сыномъ Пердикки, почти семилѣтнимъ мальчикомъ, которому власть принадлежала по всей справедливости. Онъ не захотѣлъ, какъ слѣдовало, ввѣрить и сдать ему эту власть, и быть счастливымъ, но задушилъ его и бросилъ въ колодезь, а матери Клеопатрѣ сказалъ, что сынъ ея гнался за гусемъ, да упалъ туда и умеръ. За то-то, видно, что имъ надѣлано въ Македоніи столько величайшихъ несправедливостей, онъ теперь не самый счастливый, а самый несчастный человѣкъ изъ всѣхъ Македонянъ; такъ что иные Аѳиняне, начиная съ тебя, можетъ быть, скорѣе согласились бы сдѣ-
 D. латься какимъ-нибудь другимъ Македоняниномъ, чѣмъ Архелаемъ.

Сокр. Еще вначалѣ изслѣдованія я хвалилъ тебя, Полось, и говорилъ, что, по моему мнѣнію, ты хорошо наученъ риторикѣ, только пренебрегъ діалектикою. Это ли у тебя то разсужденіе, которымъ могъ бы опровергнуть меня и ребенокъ, и которымъ, какъ ты думаешь, опровергнуто настоящее мое мнѣніе, что причиняющій обиду несчастливъ? Совсѣмъ нѣтъ, добрякъ; вѣдь я не соглашаюсь ни на одну, сказанную тобою мысль.

Пол. Потому что не хочешь, хотя тебѣ дѣйствительно кажется то же, что мнѣ.

Е. *Сокр.* Ты надѣешься, счастливецъ, опровергнуть меня риторически, подобно тѣмъ, которые считаютъ себя опровергателями въ судахъ. Тамъ одни, по видимому, опровергаютъ другихъ, когда, для подтвержденія своихъ положеній, представляютъ многихъ и достовѣрныхъ свидѣтелей; между тѣмъ какъ говорящій противное — кого-нибудь одного, либо вовсе не представляетъ. Но такое опроверженіе,
 472. въ отношеніи къ истинѣ, ничего не значитъ; потому что

многіе, показные свидѣтели, иногда могутъ о комъ-нибудь свидѣтельствовать ложно. Вотъ и настоящія твои слова, пожалуй, подтвердятъ почти всѣ Аѳиняне и иностранцы. Если хочешь выставить противъ меня свидѣтелей и доказать, что я говорю несправедливо, будутъ тебѣ свидѣтельствовать, когда угодно, Никіасъ, сынъ Никирата ¹, и его братья, которыхъ треножники наконецъ поставлены въ храмъ Діониса; будетъ, когда угодно, — Аристократъ, сынъ Скеллія ², сдѣлавшій также прекрасное приношеніе храму Пивійскому; В. будетъ, когда угодно, — весь домъ Перикла и всякое другое семейство, какое вздумалось бы тебѣ выбрать здѣсь. Но я одинъ не соглашаюсь съ тобою; потому что ты не доказываешь мнѣ, а устраняешь меня отъ сущности ³ и истины представленіемъ множества лжесвидѣтелей. Кажется, и мнѣ не опредѣлить ничего дѣльнаго о предметѣ нашего разсужденія, если я не представлю въ свидѣтели и не заставлю согласиться съ своимъ положеніемъ — одного тебя; да и ты С. не достигнешь этого, пока не примешь свидѣтельства только моего, а прочихъ свидѣтелей не оставишь въ покоѣ. Бываетъ конечно и такой образъ опроверженія, какой разумѣешь ты и многіе другіе: но бываетъ и иной, какой понимаю я. Сравнимъ же ихъ и разсмотримъ, чѣмъ они раз-

¹ Знаменитый аѳинскій военачальникъ. Аѳиняне предписали ему совершить экспедицію противъ Сициліи: но онъ, равно какъ и Сократъ, по свидѣтельству Алкивіада у Плутарха (р. 199 Е), не одобрялъ этого предпріятія. Впрочемъ, уступая волѣ правительства, Никіасъ отправился и, безъ всякой пользы для отечества, принесъ ему въ жертву свою жизнь, потому что взятъ былъ въ плѣнъ и убитъ Сицилійцами (*Plutarch. v. Nic. p. 512 A. Thucyd. VII, 86*). Въ этомъ мѣстѣ Фукидидъ говоритъ о Никіасѣ, какъ о человѣкѣ весьма набожномъ, который дѣлалъ великія приношенія въ храмъ Діониса.

² Объ этомъ Аристократъ есть комическіе стихи (*Aristoph. Av. 123. sq*) *ἀριστοκρατεῖσθαι ὀλίγος εἰ ζῆτων. Euelp. ἐγὼ; ἤμισυ, καὶ τὸν Σκελλίου βδελύττομαι*. О немъ упоминаетъ также Фукидидъ (VIII, 89). См. Phaedon. p. 69 С.

³ *Ἐκβάλλεις μὲ ἐκ τῆς οὐσίας*. Словомъ *ἐκβάλλειν* Сократъ дѣлаетъ аллюзію на прежнюю мысль Полоса, что риторы изгоняютъ изъ городовъ, кого покажется; поэтому и слово *οὐσία* употребляетъ здѣсь двузначенательно, то-есть, въ значеніи имущества и въ значеніи вещи самой въ себѣ, какбы говоря такъ: ты, привыкши ораторскими рѣчами отнимать (*ἐκβάλλειν*) у другихъ имущество (*οὐσίας*), теперъ хочешь отнять у меня и истину (*ἐκβάλλειν ἐκ τῆς οὐσίας*).

личаются между собою. Вѣдь предметы нашего спора немаловажны: они — именно то, что́ знать прекрасно, а не знать постыдно; потому что главное здѣсь — знать или не знать, кто счастливъ и кто нѣтъ. Въ настоящемъ нашемъ
 Д. разсужденіи первое мѣсто занимаетъ твое положеніе, что человѣкъ несправедливый и наносящій обиды можетъ быть счастливъ, если только Архелай по твоему мнѣнію, точно несправедливъ, и однакожъ счастливъ. Такъ ли должны мы понимать твою мысль?

Пол. Конечно.

Сокр. Но я говорю, что это невозможно,—и вотъ предметъ нашего спора. Хорошо. Человѣкъ именно несправедливый будетъ ли счастливъ, если онъ подлежить суду и наказанію?

Пол. Всего менѣе; такъ-то онъ былъ бы самымъ несчастнымъ.

Е. *Сокр.* Слѣдовательно, по твоему мнѣнію, счастливъ онъ, когда не подлежить суду и наказанію?

Пол. Да.

Сокр. А по моему-то мнѣнію, Полось, человѣкъ несправедливый и наносящій обиды, хоть конечно во всякомъ случаѣ несчастенъ; но онъ гораздо несчастнѣе, если, нанося обиды, не подвергается суду и не получаетъ наказанія, и менѣе несчастенъ, если подпадаетъ подъ судъ и терпитъ наказаніе отъ боговъ и людей.

473. *Пол.* Какія странныя вещи говоришь ты, Сократъ!

Сокр. Такъ я постараюсь сдѣлать, любезный, чтобы и ты говорилъ то же самое; ибо почитаю тебя своимъ другомъ. Теперь видно, въ чемъ состоитъ наше разногласіе. Смотри же и ты; кажется, я уже прежде сказалъ, что обижать—гораздо больше зла, чѣмъ быть обижаемымъ.

Пол. Конечно.

Сокр. А ты утверждалъ, что гораздо больше зла—быть обижаемымъ.

Пол. Да.

Сокр. И обижающихъ я называлъ несчастными, а ты опровергъ меня.

Пол. Да, клянусь Зевсомъ.

В.

Сокр. По крайней мѣрѣ такъ тебѣ кажется, Полось.

Пол. И можетъ быть ¹, кажется справедливо.

Сокр. Самъ же ты счастливыми считаешь обидчиковъ, если они не наказываются.

Пол. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Напротивъ я признаю ихъ несчастнѣйшими, а наказываемыхъ—менѣе. Хочешь ли и это опровергнуть?

Пол. Куда! опровергнуть это, Сократъ, еще труднѣе, чѣмъ прежде.

Сокр. Не труднѣе, Полось, а просто невозможно; потому что истина никогда не опровергается.

Пол. Чтò ты говоришь? если человѣка, домогающагося тиранской власти, уличаютъ въ нанесеніи несправедливостей и, уличивъ его, пытаются и расчленяютъ; если выжигаютъ ему глаза и причиняютъ, какъ самому, множество другихъ великихъ и различныхъ оскорбленій, такъ въ виду его и дѣтямъ; если наконецъ пригвождаютъ его ко кресту, либо обливаютъ смолою ²: то онъ будетъ счастливѣе тирана, который, избѣжавъ такихъ мученій, проводитъ жизнь въ управленіи городомъ и, дѣлая, чтò хочетъ, становится предметомъ зависти и примѣромъ счастья для согражданъ и, сверхъ того, для иностранцевъ? Этого ли, говоришь, не возможно опровергнуть?

D.

¹ Можетъ быть — *ἴσως*; здѣсь обнаруживаетъ тонъ ироническій, соотвѣтственно латинскому *fortasse*; потому что Полосу его положеніе представляется несомнѣннымъ.

² *Κατακτετοῦ* ἔξ. Глаголь *κατακτετοῦ* значитъ намазывать смолою и сжигать — дѣйствіе, бывшее орудіемъ смертной казни. Vid. *Victor. var. lectt.* VIII, 14. Объ этомъ орудіи говорится такъ (*Routhius ad. h. I*): *mihī quidem designari hoc loco videtur id genus supplicium, quod veteres tunicam molestam nuncupabant, cuius meminerunt inter alios Iuvenalis (sat. VIII, v. 235). Martial (Epigr. X, 25) Haec nimirum ignium alimentis illita et intexta, ac mox succensa, dire obvolutos noxios, qui sceleris gravioris comperti forent, incendio absumebat.*

Сокр. Ты опять пугаешь, а не опровергаешь, благородный Полосъ. Давно ли приводилъ свидѣтелей! Напомни-ка немного: сказалъ ли ты, — если несправедливо домогается тиранской власти?

Пол. Сказалъ.

Сокр. Итакъ человѣкомъ счастливейшимъ не будетъ ни тотъ, ни другой,—ни достигшій тиранской власти несправедливо, ни получившій наказаніе; потому что въ числѣ двухъ несчастныхъ нельзя найти болѣе счастливаго, болѣе же несчастенъ тотъ, кто избѣжалъ наказанія и тиранствуетъ.

Е. Что, Полосъ, смѣешься? Не на этотъ ли видъ опроверженія указываютъ, когда говорятъ: онъ осмѣиваетъ, а не опровергаетъ?

Пол. Не думаешь ли, Сократъ, что говоря то, чего не скажетъ ни одинъ человѣкъ, ты опровергъ мое положеніе? Спроси кого-нибудь изъ нихъ.

Сокр. Я не изъ политиковъ, Полосъ. Въ прошедшемъ году, когда на очереди правленія былъ мой округъ, и мнѣ, избранному въ совѣтники, надлежало собирать голоса, — произошелъ смѣхъ; потому что я не зналъ, какъ приняться за дѣло. Не заставляй же меня и теперь собирать голоса присутствующихъ и, если не имѣешь опроверженія лучше этого, то право опровергать, какъ я говорилъ, передай мнѣ, и узнай изъ опыта, каково должно быть предполагаемое мною опроверженіе. Въ подтвержденіе своихъ словъ я умѣю представлять одного свидѣтеля,—того самаго, съ которымъ веду рѣчь, а многихъ оставляю въ покоѣ; я ссылаюсь на мнѣніе одного собесѣдника, а со многими даже и не разговариваю. Смотри же, хочешь ли мнѣ предоставить право опроверженія и отвѣчать на вопросы? Я думаю такъ, что и для меня, и для тебя, и для другихъ людей больше зла—наносить обиды, чѣмъ принимать ихъ, больше зла—не быть наказываемымъ, чѣмъ быть.

Пол. А я-то не думаю этого ни за себя, ни за другихъ

людей. Вотъ ты конечно согласился бы лучше принимать обиды, чѣмъ наносить ихъ?

Сокр. Да и ты, и всѣ прочіе.

Пол. Ну, далеко до этого; напротивъ ни я, ни ты, ни кто другой.

Сокр. Такъ готовъ ли отвѣчать? С.

Пол. Безъ сомнѣнія; ибо сильно желаю знать, что будешь ты говорить.

Сокр. А если желаешь знать, то представляй, Полось, какбы я спрашивалъ тебя сначала, и скажи мнѣ: больше зла, по твоему мнѣнію, наносить ли обиду, или принимать ее?

Пол. По моему мнѣнію, принимать.

Сокр. А въ чемъ больше стыда-то? Наносить обиду, или принимать ее? Отвѣчай.

Пол. Наносить.

Сокр. Но если больше стыда, то больше и зла.

Пол. Всего менѣе.

Сокр. Понимаю; видно, прекрасное и доброе, злое и по- D. стыдное считаешь ты не однимъ и тѣмъ же.

Пол. Отнюдь не однимъ.

Сокр. А какъ это-то? Все прекрасное,—и тѣла, напри- мѣръ, и цвѣта, и формы, и звуки, и обычаи, называешь ты прекраснымъ всегда ли, безъ всякаго ли отношенія? Во- первыхъ, хотъ бы прекрасныя тѣла называешь ты прекрасными не ради ли употребленія ихъ, смотря на то, къ чему каждое полезно, либо не ради ли какого удовольствія, поко- лику, то-есть, созерцаніе ихъ радуется созерцающихъ? Можешь ли ты сказать что-нибудь о красотѣ тѣла независимо отъ этого?

Пол. Не могу. Е.

Сокр. Не такъ же ли и все прочее, — формы и цвѣта, именуешь ты прекрасными либо ради какого удовольствія, либо ради пользы, либо ради того и другаго?

Пол. Согласенъ.

Сокр. Не такъ же ли и звуки, и все относящееся къ музыкѣ?

Пол. Да.

Сокр. Да и согласные съ закономъ обычаи прекрасны не независимо отъ этого, но или по своей пользѣ, или по удовольствію, или по тому и другому.

475. *Пол.* Мнѣ кажется, что не независимо.

Сокр. Не то же ли должно сказать о красотѣ наукъ?

Пол. Конечно. Опредѣляя прекрасное удовольствіемъ и добромъ, ты хорошо-таки опредѣляешь ¹ его, Сократъ.

Сокр. А постыдное не слѣдуетъ ли опредѣлить противнымъ—скорбію и зломъ?

Пол. Необходимо.

Сокр. Итакъ если изъ двухъ прекрасныхъ предметовъ одинъ прекраснѣе, то прекраснѣе по избытку либо чего одного, либо того и другаго, то-есть, либо удовольствія, либо пользы, либо и удовольствія и пользы.

Пол. Конечно.

Сокр. Равнымъ образомъ, если изъ двухъ постыдныхъ В. предметовъ одинъ постыднѣе; то постыднѣе будетъ по избытку либо скорби, либо зла. Не необходимо ли?

Пол. Да.

Сокр. Ну, хорошо. Какъ же было у насъ недавно говорено о нанесеніи и полученіи обидъ? Не говорилъ ли ты, что получать обиды больше зла, а наносить ихъ больше стыда?

Пол. Говорилъ.

¹ Въ понятіи о прекрасномъ софисты далеко расходились съ Сократомъ и Платономъ. Платонъ понималъ прекрасное, какъ пріятное выраженіе истиннаго и добраго; а софисты разумѣли его, какъ причину удовольствія и пользы. То-есть, первый опредѣлялъ его тѣмъ, изъ чего оно рождается, а послѣдніе—тѣмъ, что изъ него рождается. Слѣдовательно Платоновое понятіе о прекрасномъ есть идеальное, а софистическое—имѣетъ характеръ матеріальный. Полось, очевидно, обманывается здѣсь двузначительнымъ словомъ *ὀφείλει*, принимая его въ смыслъ пользы матеріальной, и потому одобряетъ опредѣленіе Сократа; тогда какъ Сократъ подъ словомъ *ὀφείλει* разумѣетъ пользу нравственную, то-есть, истинное и доброе.

Сокр. Но если наносить обиды — больше стыда, чѣмъ получать ихъ; то больше стыда по избытку либо досады и скорби, либо зла, либо того и другаго. Не необходимо ли и это?

Пол. Ужъ какъ не необходимо!

Сокр. Разсмотримъ же прежде, нанесеніе обидъ не скорбию ли избыточествуетъ предъ полученіемъ ихъ, и обижающіе не больше ли горюють, чѣмъ обижаемые?

Пол. Этого-то отнюдь не бываетъ, Сократъ.

Сокр. Стало быть, скорбію-то не избыточествуетъ?

Пол. Совсѣмъ нѣтъ.

Сокр. Но если не скорбію, такъ не избыточествуетъ ли еще тѣмъ и другимъ?

Пол. Явно, что нѣтъ.

Сокр. Видно же послѣднимъ, что остается?

Пол. Да.

Сокр. Зломъ?

Пол. Должно быть.

Сокр. Итакъ нанесеніе обидъ, избыточествующее зломъ, будетъ заключать въ себѣ больше зла, чѣмъ полученіе ихъ?

Пол. Явно, что больше. D.

Сокр. Но не согласились ли мы прежде и за многихъ людей, и за тебя, что наносить обиды больше стыда, чѣмъ получать ихъ?

Пол. Да.

Сокр. А теперь въ этомъ же самомъ открывается больше зла?

Пол. Должно быть.

Сокр. Что же угодно тебѣ предпочесть, — больше зла, или больше стыда? Не затрудняйся отвѣтомъ, Полось, — вреда не будетъ; отвѣчай, открываясь слову, какъ врачу, — благородно; скажи на вопросъ либо да, либо нѣтъ.

Пол. Но тутъ я ничего не могу предпочесть, Сократъ. E.

Сокр. Видно, предпочесть кто-нибудь другой?

Пол. Судя по тому, что сказано, не думаю.

Сокр. Стало быть, мое слово было справедливо, что ни я, ни ты, ни кто другой изъ людей не предпочтетъ нанесенія обиды полученію ея; потому что первое заключаетъ въ себѣ больше зла.

Пол. Явно.

Сокр. Такъ видишь, Полось, — это опроверженіе, сравненное съ другимъ, нисколько на него не походить. Вѣдь съ тобою всѣ согласны, кромѣ меня; напротивъ мнѣ достаточ-
476. но согласія и свидѣтельства только отъ тебя одного, и я ссылаюсь только на твое мнѣніе, а другихъ оставляю въ покоѣ. Пусть это будетъ у насъ такъ; теперь рассмотримъ другой предметъ своего недоумѣнія: то ли самое великое зло, когда наносящій обиды получаетъ наказаніе, какъ думалъ ты, или больше будетъ то, если онъ не получаетъ наказанія, какъ полагалъ я? Рассмотримъ это слѣдующимъ образомъ: получить наказаніе и быть наказаннымъ справедливо за нанесеніе обидъ — одно ли и то же, по твоему мнѣнію?

Пол. Одно и то же.

В. *Сокр.* Такъ-то ты можешь говорить, что даже и все справедливое, поколику справедливое, не прекрасно! Подумай-ка и скажи.

Пол. Да, мнѣ кажется, Сократъ.

Сокр. Размотри еще и это: когда кто дѣлаетъ что-нибудь,—въ зависимости отъ того дѣлающаго не необходимо ли быть чему-либо страдающему?

Пол. Мнѣ кажется.

Сокр. И это страдающее, производимое дѣлающимъ, не таково ли будетъ, какимъ производитъ его дѣлающее. Разумѣю такъ: когда ударяють, не необходимо ли быть ударяемому?

Пол. Необходимо.

С. *Сокр.* И если ударяющій ударяетъ сильно, либо скоро; то точно также ударяется и ударяемое?

Пол. Да.

Сокр. Слѣдовательно ударяемое получаетъ такое страданіе, какое сообщаетъ ему ударяющее?

Пол. Конечно.

Сокр. Не необходимо ли также, — когда кто жжетъ, быть жгомому?

Пол. Какъ не необходимо!

Сокр. И если жжетъ сильно, либо мучительно, то и жгое жжется, какъ жжетъ жгущее?

Пол. Конечно.

Сокр. Не то же ли будетъ, когда кто и рѣжетъ? Вѣдь что-нибудь рѣжется?

Пол. Да.

Сокр. И если порѣзъ великъ, глубокъ, болѣзненъ; то и рѣжаемое рѣжется тѣмъ порѣзомъ, какимъ рѣжетъ рѣжущее? D.

Пол. Явно.

Сокр. Смотри же вообще, — согласишься ли въ томъ, что подтвердилъ касательно всего, сейчасъ сказаннаго: какъ что дѣлаетъ дѣлающее, такъ страдаетъ и страдающее?

Пол. Да, соглашаюсь.

Сокр. На основаніи этого согласія, получаютъ наказаніе значить — страдать или дѣлать?

Пол. Необходимо страдать, Сократъ.

Сокр. Отъ кого-нибудь дѣлающаго?

Пол. Какъ же иначе? отъ наказывающаго.

Сокр. Но правильно наказывающей по справедливости ли наказываетъ?

Пол. Да.

Сокр. Его дѣйствіе справедливо, или нѣтъ?

Пол. Справедливо.

Сокр. И наказываемый, подвергаясь страданію, справедливо ли страдаетъ?

Пол. Явно.

Сокр. А справедливое признали мы, помнится, прекраснымъ?

Пол. Конечно.

Сокр. Стало быть, одинъ изъ нихъ дѣлаеть прекрасное, а другой, наказываемый, своимъ страданіемъ принимаетъ его?

Пол. Да.

Сокр. Если же прекрасное, то и доброе? Вѣдь оно либо
477. пріятно, либо полезно ¹.

Пол. Необходимо.

Сокр. Поэтому наказываемый, находясь въ состояніи страданія, принимаетъ добро?

Пол. Вѣроятно.

Сокр. Слѣдовательно получаетъ пользу?

Пол. Да.

Сокр. И ту пользу, которую я разумѣю? то-есть, будучи наказываемъ, онъ становится добрѣе по душѣ?

Пол. Это вѣроятно.

Сокр. Стало быть, принимающій наказаніе освобождается отъ душевнаго зла?

Пол. Да.

Сокр. И не отъ величайшаго ли освобождается онъ зла? Разсматривай такъ: въ отношеніи къ деньгамъ, замѣчаешь ли
В. ты въ человѣкѣ какое-нибудь другое зло, кромѣ бѣдности?

Пол. Нѣтъ, именно бѣдность.

Сокр. А въ отношеніи къ тѣлу, — что такое? не назовешь ли зломъ слабости, болѣзни, безобразія и подобнаго тому?

Пол. Назову.

Сокр. Не допускаешь ли также какой худости и въ душѣ?

Пол. Какъ не допускать!

Сокр. И этой худости не называешь ли несправедливостію, невѣжествомъ, трусостію, и тому подобнымъ?

Пол. Безъ сомнѣнія.

¹ Сократъ ссылается на допущенное выше положеніе Полоса (474 D sqq.), или на понятіе о прекрасномъ. Доказательство идетъ такъ: все постыдное бываетъ постыдно либо по причинѣ скорби, которую оно наводитъ, либо по причинѣ вреда, который причиняетъ, либо по причинѣ того и другаго. Но злокачественность души есть дѣло самое постыдное; слѣдовательно злокачественность души соединена бываетъ или съ скорбію, или со вредомъ, или съ тѣмъ и другимъ.

Сокр. Итакъ въ отношеніи къ деньгамъ, тѣлу и душѣ,—тремъ предметамъ, ты указалъ и три зла: бѣдность, С. болѣзнь и несправедливость?

Пол. Да.

Сокр. Но изъ этихъ худыхъ качествъ, которое — самое постыдное? Не несправедливость ли, и вообще — не злокачественность ли души?

Пол. И очень.

Сокр. Если же самое постыдное, то и самое злое?

Пол. Чтò ты говоришь, Сократъ?

Сокр. Вотъ чтò: по силѣ прежнихъ нашихъ соглашеній, дѣло самое постыдное — всегда самое постыдное потому, что влечетъ либо величайшую скорбь, либо вредъ, либо то и другое.

Пол. Непремѣнно.

Сокр. А теперъ мы согласились, что дѣло самое постыдное есть несправедливость и всякое худое состояніе души?

Пол. Конечно согласились.

D.

Сокр. Самое же постыдное не есть ли либо самое скорбное, поколику избыточествуетъ скорбію, либо самое вредное, либо то и другое?

Пол. Необходимо.

Сокр. Такъ не болѣе ли скорби возбуждаетъ состояніе несправедливости, распутства, трусости и невѣжества, чѣмъ бѣдности и болѣзни?

Пол. Изъ этого-то, Сократъ, мнѣ кажется, — болѣе.

Сокр. Стало быть, злокачественность души есть самое постыдное изъ всѣхъ состояній — по избытку не скорби, какъ говоришь ты, а какого-то чрезвычайнаго и великаго вреда, Е. какого-то зла удивительнаго.

Пол. Явно.

Сокр. Но то именно, чтò избыточествуетъ величайшимъ вредомъ, конечно есть и величайшее изъ всѣхъ золъ.

Пол. Да.

Сокр. Слѣдовательно несправедливость, распутство и вся-

кая другая злокачественность души есть величайшее изъ всѣхъ золъ?

Пол. Явно.

Сокр. А какое искусство избавляетъ отъ бѣдности? не барышничество ли?

Пол. Да.

Сокр. Какое—отъ болѣзни? не врачебное ли?

Пол. Необходимо.

Сокр. Какое—отъ злокачественности и несправедливо-
478. сти?—Если отвѣчать на это вдругъ не можешь, то разсмотри такъ: куда и къ кому ведемъ мы тѣхъ, кто болѣнъ тѣломъ?

Пол. Къ врачамъ, Сократъ.

Сокр. А куда несправедливыхъ и распутныхъ?

Пол. Къ судьямъ, разумѣешь ты?

Сокр. Не для наказанія ли?

Пол. Согласенъ.

Сокр. Но правильно наказывающіе не руководствуются ли въ наказаніи какимъ-нибудь правосудіемъ?

Пол. Очевидно.

Сокр. Такимъ образомъ искусство барышническое избав-
в. ляетъ отъ бѣдности, врачебное—отъ болѣзни, а судебное—
отъ распутства и несправедливости.

Пол. Явно.

Сокр. Которое же изъ нихъ называешь ты самымъ пре-
краснымъ?

Пол. Изъ чего именно?

Сокр. Изъ барышническаго, врачебнаго и судебнаго.

Пол. Судебное, Сократъ, много выше.

Сокр. А если оно—самое прекрасное, то не потому ли опять, что доставляетъ либо удовольствіе, либо пользу, либо то и другое?

Пол. Да.

Сокр. Пріятно ли лечиться? и врачуемые радуются ли?

Пол. Мнѣ кажется, нѣтъ.

Сокр. Но полезно. Не такъ ли?

Пол. Да.

Сокр. Потому что человекъ избавляется отъ великаго зла; такъ что ему выгодно переносить страданіе и возвратить здоровье.

Пол. Какъ не выгодно!

Сокр. Однакожь этого ли человека — врачуемаго, въ отношеніи къ тѣлу, должно почитать самымъ счастливымъ, или того, кто вовсе не хворалъ?

Пол. Очевидно—того, кто вовсе не хворалъ.

Сокр. Вѣдь счастье состоитъ вѣроятно не въ томъ, чтобы избавиться отъ зла, а въ томъ, чтобы вовсе не имѣть его?

Пол. Конечно такъ.

Сокр. Что жъ? изъ двухъ человекъ, носящихъ зло — въ тѣлѣ ли то, или въ душѣ, — который несчастнѣе: врачующійся и избавляющійся отъ зла, или не врачующійся и имѣющій его?

Пол. Явно, что не врачующійся.

Сокр. Но быть наказываемымъ не значило ли у насъ освобождаться отъ величайшаго зла — отъ злокачественности?

Пол. Значило.

Сокр. Вѣдь наказаніе вѣроятно благоразсудительно — дѣлаетъ людей болѣе справедливыми и бываетъ врачевствомъ злокачественности.

Пол. Да.

Сокр. Поэтому-то человекъ самый—счастливый—тотъ, у кого въ душѣ нѣтъ зла; ибо душевное зло признали мы величайшимъ изъ золъ.

Пол. Очевидно.

Сокр. А на второй степени будетъ стоять вѣроятно избавляющійся.

Пол. Должно быть.

Сокр. Но избавляется тотъ, кто принимаетъ внушенія, укорины и наказаніе.

Пол. Да.

Сокр. Стало быть, самую несчастную жизнь проводить

человѣкъ, когда онъ несправедливъ и не избавляется отъ этого зла.

Пол. Явно.

Сокр. А это—не тотъ ли, кто, нанося величайшія обиды 479. и совершая величайшія несправедливости, поставилъ себя въ такое положеніе, что не подвергается ни внушеніямъ, ни взысканію, ни наказанію? (Это—не такой ли человѣкъ), ка-кимъ ты считаешь Архелая и прочихъ тиранновъ,—риторовъ и властелиновъ.

Пол. Вѣроятно.

Сокр. Вѣдь дошедшіе до этого состоянія почти таковы, почтеннѣйшій, каковъ въ своемъ состояніи человѣкъ, одержимый величайшими болѣзнями. Онъ не расположенъ рассчиты- ваться предъ врачомъ за тѣлесные свои грѣхи,—не распо- ложень лечиться, боясь, подобно дитяти, что его будутъ в. жечь, рѣзать, что это будетъ больно. Не кажется ли и тебѣ такъ?

Пол. Да, и мнѣ.

Сокр. Должно быть, онъ не знаетъ, что такое — здоровье и сила тѣла. Судя по допущеннымъ нами теперь положеніямъ, едва ли не то же, Полось, дѣлають и избѣгающіе на- казанія: они смотрять на скорбную его сторону, а въ отно- шеніи къ полезной— слѣпы; они не знаютъ, восколько хуже болѣзненнаго тѣла жить съ душою, не пользующеюся здра- с. віемъ, но испорченною, несправедливою и нечестивою. По- этому они все дѣлають, чтобы не получить наказанія и не избавиться отъ величайшаго зла: для этого приготавлиють и деньги, и друзей, и способность какъ можно убѣдительно говорить. Но если все допущенное нами справедливо, то до- гадываешься ли, Полось, что слѣдуетъ изъ нашихъ словъ? Не хочешь ли, выведемъ эти слѣдствія?

Пол. Если самому тебѣ не иначе кажется.

Сокр. Такъ слѣдуетъ ли, что быть несправедливымъ и наносить обиды есть величайшее зло?

Пол. Это-то явно.

Сокр. И что принять наказаніе есть средство избавиться отъ этого зла?

Пол. Едва ли не такъ.

Сокр. А непринятіе наказанія будетъ упорство во злѣ?

Пол. Да.

Сокр. Стало быть, нанесеніе обидъ, по великости, занимаетъ второе мѣсто въ ряду золъ; а наносить обиды и не получать наказанія—есть зло первое и изъ всѣхъ самое великое.

Пол. Вѣроятно.

Сокр. Но не въ томъ ли, другой мой, состоялъ споръ нашъ, что Архелая, поколику онъ наноситъ величайшія обиды и не получаетъ никакого наказанія, ты называлъ счастливцемъ, а я напротивъ утверждалъ, что и Архелай, и всякій другой человѣкъ, какъ скоро онъ, нанося обиды, не наказывається, по этому самому долженъ быть несчастіе прочихъ, и что вообще — наносящій обиды несчастіе обижаемаго, а не наказываемый несчастіе наказываемаго? Не это ли говорилъ я?

Пол. Да.

Сокр. Такъ не доказано ли, что я говорилъ правду?

Пол. Явно, что доказано.

Сокр. Пускай. Но если это справедливо, Полось; то въ 480. чемъ будетъ состоять великая польза риторики ¹? Вѣдь по силѣ допущенныхъ нами теперь положеній, всякій долженъ оберегать самъ себя, чтобы не нанести обиды и не причинить себѣ порядочнаго зла. Не такъ ли?

Пол. Конечно.

Сокр. А если ужъ обидѣлъ кто-нибудь либо самъ, либо другой, пользующійся его попеченіемъ; то по собственной

¹ Въ чемъ будетъ состоять великая польза риторики? Изъ допущенныхъ доселѣ положеній Сократъ заключаетъ, что искусство ораторское не только бесполезно, но и вредно; потому что оно прилагается къ защищенію или извиненію худыхъ дѣлъ. Еслибы люди были разсудительнѣе, говоритъ онъ, то скорѣе прилагали бы его къ исцѣленію болѣзней души чрезъ наказаніе, какъ медицина прилагается къ уврачеванію болѣзней тѣлесныхъ посредствомъ нужныхъ операцій.

волѣ долженъ идти туда, гдѣ можетъ въ скорѣйшемъ времени получить наказаніе, то есть, спѣшить къ судѣ, какъ къ врачу, чтобы болѣзнь несправедливости, застарѣвъ, не покрыла души язвами, не сдѣлала ея неисцѣлимою. Такъ ли скажемъ мы, Полось, если прежде допущенное нами остается въ своей силѣ? Съ принятыми положеніями не необходимо ли согласуется это, а не иное?

Пол. Что же болѣе сказать, Сократъ?

Сокр. Слѣдовательно, для защищенія несправедливости, сдѣланной либо кѣмъ самимъ, либо его родителями, друзьями, дѣтьми, отечествомъ, риторика намъ, Полось, нисколько не полезна. Вотъ развѣ кто составилъ бы о ней понятіе, противное тому:—что она должна обвинять его самого, потомъ его родныхъ, либо кого изъ друзей, когда бы кто изъ нихъ совершалъ несправедливости; что ея обязанность—не скрывать неправдъ, а выводить ихъ наружу, чтобы человѣкъ несправедливый былъ наказанъ и получилъ исцѣленіе; что, по ея принужденію, и самъ онъ, и другіе должны не робѣть, но съ закрытыми глазами, какъ бы ввѣряя себя врачу для вырѣзыванія раны, мужественно стремиться къ доброму и прекрасному, а не рассчитывать боли. Если, то-есть, обидчикъ заслужилъ побои,—пусть представитъ себя для побоевъ; если оковы—для оковъ; если штрафъ—для штрафа; если ссылку—для ссылки; если смерть—для смерти. Пусть прежде всего будетъ онъ обвинителемъ самого себя и, кромѣ того,—своихъ родственниковъ, и въ этомъ случаѣ воспользуется риторикою, чтобы, обнаруживъ сдѣланныя неправды, избавиться отъ величайшаго зла—несправедливости. Скажемъ ли такъ, Полось, или не скажемъ?

Пол. Странными право, Сократъ, кажутся мнѣ слова твои, хотя съ прежними они, можетъ быть, у тебя и согласны!

Сокр. Такъ не должно ли намъ либо отъ тѣхъ отказаться, либо по необходимости согласиться на послѣднія?

Пол. Да, дѣло-то именно таково.

Сокр. И напротивъ, кто принялъ направленіе обратное и

долженъ сдѣлать зло либо врагу, либо кому другому,—лишь бы только врагъ-то не нанесъ обиды ему самому,—этого надобно опасаться; тотъ, какъ скоро врагомъ нанесена кому обида, спѣшитъ всячески,—словами и дѣлами, наклонить обстоятельства къ тому, чтобы обидчикъ не подпалъ подъ наказаніе и не пошелъ къ судѣ, а когда пошелъ, будетъ придумывать средства, какъ бы ему уйти и остаться ненаказаннымъ. Пусть бы, на примѣръ, врагъ похитилъ много золота и не возвратилъ его, но владѣя имъ, несправедливо и безбожно истратилъ его для себя и для своихъ; пусть бы также своими обидами заслужилъ онъ смерть: — желающій сдѣлать ему зло позаботится, чтобы онъ не умеръ, и даже, чтобъ никогда не умеръ, но съ дурными своими поступками остался безсмертнымъ; а если не то, — чтобы въ такомъ состояніи прожилъ, по крайней мѣрѣ, какъ можно долѣе. Вотъ для чего, 481. В. Полось, риторика кажется мнѣ полезною; а человѣку, не намѣревающемуся обижать, по моему мнѣнію, не велика отъ ней польза, если даже и есть какая-нибудь. По крайней мѣрѣ изъ прежнихъ нашихъ разсужденій не открылось никакой.

Калл. Скажи мнѣ, Херэфонъ, серьезно говорить это Сократъ, или шутить?

Херэф. Кажется, чрезвычайно серьезно, Калликлъ. Впрочемъ весьма хорошо было бы спросить его самого ¹.

Калл. Клянусь богами,—я спрошу. Скажи мнѣ, Сократъ, С. какъ намъ понимать твои слова: въ смыслѣ рѣчи серьезной, или шуточной? Если ты говоришь не шутя, и то, что говоришь, истинно; то человѣческая жизнь не будетъ ли у насъ на-выворотъ, и мы, какъ видно, все дѣлаемъ вопреки тому, что должны дѣлать?

Сокр. Калликлъ! еслибы люди не имѣли свойства об-

¹ *Весьма хорошо было бы спросить его самого, οὐδὲν οἷον τὸ αὐτὸν ἐρωτᾶν*, — идиотизмъ, часто употреблявшійся въ рѣчи простой и разговорной. См. выше р. 447 С. *Aristoph.* *Lysistr.* v. 135 и др. Впрочемъ по-русски онъ можетъ быть выраженъ и ближе къ буквальному значенію οἷον: *нѣтъ ничего невозможнаго* и проч.

щаго, которое у однихъ обнаруживается такъ, у другихъ— иначе, но каждый обладалъ своимъ частнымъ, отличнымъ отъ D. свойствъ, принадлежащихъ прочимъ людямъ; то не легко было бы показать другому собственное его свойство. Говорю это, поколику замѣчаю, что мнѣ и тебѣ свойственно теперь одно и то же: оба мы любимъ, но каждый свое; я—Алкивиада, сына Клиніасова, и философію, а ты—аѳинскій народъ и сына Пирілампова ¹. Знаю, что всякій разъ, когда твой любезный скажетъ, что этому быть такъ,—ты, не смотря на силу своего краснорѣчія, противорѣчить не можешь, но вертишься туда и сюда. Вѣдь и въ народной сходкѣ, когда аѳин- E. скій народъ на слова твои говорить, что это не такъ,—ты вдругъ перемѣняешься и начинаешь утверждать, что ему угодно. Таковъ ты и въ отношеніи къ упомянутому красавцу, сыну Пирілампову: желаніямъ и словамъ любезнаго противиться не можешь; такъ что человѣку, который удивлялся бы всегда высказываемымъ ради нихъ твоимъ мнѣніямъ, какъ онѣ нелѣпы, — ты, еслибы только захотѣлъ, отвѣчалъ бы: пока, по чьему-нибудь приказанію, не перестанетъ утверждать это твой любезный, — не перестанешь утвер- 482. ждать то же самое и ты. Думай же, что и отъ меня слышишь подобное и не удивляйся, если я говорю такія рѣчи, но вели, чтобы перестала говорить ихъ моя любезная философія. А она, милый другъ, всегда утверждаетъ то, что теперь слышишь отъ меня; она совсѣмъ не такъ перемѣнчива, какъ другіе любезные. Вотъ, напримѣръ, этотъ сынъ Клиніасовъ ² иногда говоритъ одно, иногда другое; а Фило-

¹ А ты — аѳинскій народъ и сына Пирілампова — οὐ δὲ τοῦ τε Ἀθηναίων δῆμον καὶ τοῦ Πυριλάμπου. Здѣсь игра въ двузначенательности слова δῆμος; то-есть Сократъ разумѣетъ подъ нимъ и народъ, которому Калликлъ такъ расположенъ былъ ласкательствовать, и собственное имя — δῆμον τοῦ Πυριλάμπου, φιλόκλον νεανίσκον. Casaubon. ad Athenaeum IX, 12 p. 397. Эта игра словомъ δῆμος; по-русски, разумѣется, невыразима.

² Этотъ сынъ Клиніасовъ, то-есть Алкивиадъ, нерѣдко представляемъ былъ Сократомъ, какъ образецъ легкомыслія и непостоянства. Συμρον. p. 216. C. et alib.

софія—всегда одно и то же, говоритъ именно тѣ рѣчи, которыми ты удивляешься и которыя лично слышалъ. Итакъ, В либо опровергни ее и, вопреки моимъ словамъ, докажи, что наносить обиды и, обижая, не подвергаться наказанію не есть крайне великое зло; либо, если оставишь это не опровергнутымъ, — клянусь египетскимъ богомъ, собакою, что съ тобою, Калликлъ, не будетъ въ согласіи Калликлъ, и что его разногласіе продолжится во всю жизнь. А я думаю, почтеннѣйшій, что пусть лучше разстроится и разногласитъ моя лира, пусть лучше произойдетъ разладаца между мною и моимъ хоромъ, пусть лучше не соглашаются съ моими мыс- С. лями многіе люди, чѣмъ быть мнѣ въ разногласіи съ самимъ собою и говорить противное самому себѣ.

Калл. Сократъ! ты, кажется, хочешь забавлять насъ своими рѣчами, какъ настоящій балагуръ. Теперешнія твои разглагольствія происходятъ вслѣдствіе такой же погрѣшности Полоса, въ какой онъ, благодаря тебѣ, обвинилъ Горгіаса. Полосъ говорилъ, что на твой вопросъ Горгіасу: научить ли онъ риторикѣ того, кто, пришедши къ нему для получения уроковъ въ его искусствѣ, не зналъ бы, въ чемъ состоитъ справедливое? Горгіасъ только отъ стыда сказалъ, D. что научить, — сказалъ ради привычки людей досадовать, если кто не приписываетъ себѣ этого. Между тѣмъ такое-то признаніе, продолжалъ Полосъ, и заставило его противорѣчить самому себѣ; а ты и обрадовался. Тогда онъ, какъ мнѣ кажется, довольно посмѣялся надъ тобою, а теперь и самъ потерпѣлъ то же; и я не хвалю его за то особенно, что онъ уступилъ тебѣ, будто наносить обиды — постыднѣе, чѣмъ E. принимать ихъ. Черезъ это именно согласіе, произнесенное отъ стыда—сказать, что думалось, ты запуталъ его словами и зажалъ ему ротъ. Въ самомъ-то дѣлѣ, Сократъ, въ такія трудности и площадное балагурство увлекаешь ты обща-ніемъ изслѣдовать истину, которая прекрасна не по природѣ, а по закону. Но такъ какъ это — законъ и природа — большею частію противны одно другому; то кто стыдится и не

- смѣть сказать, что думаетъ, тотъ бываетъ принужденъ про-
 483. тиворѣчить себѣ. Вотъ что считаешь ты за хитрость и чѣмъ
 злонамѣренно изворачиваешься въ своихъ разсужденіяхъ.
 Если, то-есть, кто-нибудь говоритъ тебѣ въ смыслѣ зако-
 на, — ты спрашиваешь его въ смыслѣ природы; а когда дру-
 гіе — въ смыслѣ природы, ты — въ смыслѣ закона. Точно
 такъ и теперь, касательно положенія: «наносить обиды и по-
 лучать ихъ.» У Полоса выраженіе: «болѣе стыда» прини-
 маемо было въ смыслѣ закона, а ты законъ разсматривалъ
 въ смыслѣ природы. Вѣдь и дѣйствительно, по природѣ, все
 болѣе злое болѣе и постыдно, какъ на примѣръ получать
 В. обиды; а по закону, большее зло — наносить ихъ. Да такое-
 то состояніе — получать обиды — мужу даже и не свойственно,
 а свойственно рабу, для котораго лучше умереть, чѣмъ жить;
 потому что, обижаемый и оскорбляемый, онъ не можетъ по-
 мочь ни самому себѣ, ни другому, въ комъ принимаетъ уча-
 стіе. Я думаю, что налагатели законовъ — такіе же слабые
 люди, какъ и чернь; поэтому, постановляя законы, то-есть,
 одно хваля, а другое порицая, они имѣютъ въ виду себя и
 свою пользу. Движимые опасеніемъ въ отношеніи къ людямъ
 С. сильнѣйшимъ, какъ бы, имѣя возможность преобладать, эти
 люди не преобладали надъ ними, налагатели законовъ гово-
 рятъ, что преобладаніе постыдно и несправедливо, и что домо-
 гаться бѣльшаго предъ другими значить — наносить имъ обиду.
 Сами будучи хуже, они конечно довольны, когда всѣ имѣютъ
 поровну. Посему искать бѣльшаго предъ многими, въ смыслѣ
 закона, называется несправедливымъ и постыднымъ; это зна-
 чить, говорятъ, наносить обиды: а самая-то природа провѣща-
 D. ваетъ, думаю, то, что лучшему справедливо будетъ преобла-
 дать предъ худшимъ и сильнѣйшему предъ безсильнымъ. Что
 это вѣрно, — явствуетъ изъ многаго: и между прочими живот-
 ными, и между людьми во всѣхъ городахъ и поколѣніяхъ за-
 мѣчается такое сужденіе о справедливомъ, по которому луч-
 шій имѣетъ власть и преобладаніе надъ худшимъ. На ка-
 мокъ понятіи о справедливости основывался Ксерксъ, когда

вооружился противъ Эллады, или—отецъ его, когда напалъ на Скивовъ? И такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество. Я думаю, что это дѣлали они по природѣ и — клянусь Зевсомъ — по закону природы, а не по тому, который лѣпимъ и постановляемъ мы, когда, принимая людей отличныхъ и сильнѣйшихъ еще съ измолода, очаровываемъ ихъ волшебными своими напѣвами, какъ львовъ, и поработивъ ихъ себѣ, говоримъ: надобно всѣмъ имѣть по- 484. ровну, въ этомъ состоитъ прекрасное и справедливое. Если же, думаю, родился бы мужъ съ достаточною природою; то, страхнувъ, расторгши и прогнавъ все это, поправъ наши хартіи, чары, обаянія и всѣ противные природѣ законы, онъ возсталъ бы и изъ рабовъ сдѣлался бы нашимъ господиномъ, и отсюда просіяло бы право природы. Эту мою мысль выражаетъ въ своей пѣсни, кажется, и Пиндаръ, когда говоритъ: «законъ есть царь всѣхъ смертныхъ и бессмертныхъ: онъ-то верховною десницею облакаетъ въ правду избытокъ силы и ведетъ природу ¹;—свидѣтельствуюсь дѣлами Иракла, когда не купленныхъ...» словъ пѣсни не припомню, а мысль такова: когда Иракль угналъ воловъ Ирїона, не купивъ ихъ и не получивъ въ даръ; ибо по природѣ справедливо, что- С. бы и волъ, и всякое стяжаніе людей худшихъ и низшихъ принадлежали лучшимъ и высшимъ. Да такъ именно и бываетъ: ты узнаешь это, если, оставивъ философію, перейдешь къ чему-либо важнѣйшему. Философія-то, Сократъ, конечно дѣло пріятное, когда кто умѣренно знакомится съ нею

¹ Здѣсь указывается на *fragmentum Pindari*, читаемый въ III томѣ его сочиненій, 76. ed. Neup. также во II т. р. 640, ed. Voeikh. Но тамъ стоитъ: *ἄγει βίαιως τὸ δίκαιόν τε*, то-есть, безъ прибавки *κατὰ φύσιν*. Между тѣмъ Калликль учитъ теперь, что право сильнаго покровительствуется природою; да и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона, напр. *Protag.* р. 337 D. Legg. III. р. 690 B. IV р. 714 D эти самыя слова Пиндара приводятся съ прибавкою выраженія *κατὰ φύσιν*. Посему я вношу ее въ свой переводъ Пиндарова стиха и въ настоящемъ случаѣ, полагая, что софисты, съ цѣлію примѣнить его къ подтвержденію своего положенія, могли Пиндаровъ стихъ дополнить словами *κατὰ φύσιν*.

въ юности ¹: но она гибельна для людей, предающихся ей болѣе надлежащаго; ибо кто, даже и при отличныхъ способностяхъ, философствуетъ долѣе юношескаго возраста, тотъ D. по необходимости бываетъ неопытенъ во всемъ, въ чемъ долженъ имѣть опытность, если хочеть быть человѣкомъ прекраснымъ, добрымъ и славнымъ. Такіе люди неопытны и въ законахъ, которыми управляется общество; неопытны и въ искусствѣ слова, которымъ надобно пользоваться въ судебныхъ мѣстахъ, вступая съ другими въ бесѣду частную и общественную; неопытны и въ человѣческихъ удовольствіяхъ и пожеланіяхъ,—вообще незнакомы ни съ какими нравами. Посему, когда они приступаютъ къ извѣстному E. частному, либо гражданскому дѣлу, то бываютъ весьма смѣшны, вѣроятно какъ и политики, если они мѣшаются въ ваши разсужденія и умствованія. Тогда оправдывается мысль Еврипида ²:

¹ Не вдругъ можно понять, что разумѣеть Калликль подъ именемъ философіи, когда занятіе ею почитаетъ дѣломъ благовременнымъ и пріятнымъ только въ юности. Извѣстно, что софисты, какъ показываетъ самое имя ихъ, преподавали дѣтямъ науку мудрости, которую они понимали въ значеніи навыка о всемъ разсуждать и все либо доказывать, либо опровергать, не смотря на природу предмета, а слѣдуя собственному произволу. Такое направленіе софистики, кромѣ многихъ другихъ мѣсть въ діалогахъ Платона, особенно ясно и опредѣленно указывается въ его Эвтидемѣ. Поэтому философію Калликль разумѣлъ, какъ діалектическую игрушку, назначенную для развитія въ дѣтяхъ способности умничанья и изворотливости въ мышленіи, причемъ не только позволялось, но и требовалось искусство быстро составлять всевозможные софизмы. Явно, что это шутовское умничанье, вовсе не имѣвшее въ виду истиннаго и добраго, скорѣе достойно было наказанія, чѣмъ имени философіи, и нисколько не походило на философію Сократа, которая стремилась истину сроднить съ жизнію и вездѣ искала добродѣтели и знанія въ совершенной гармоніи.

² Эти стихи Еврипида взяты изъ его Антионы. Они высказаны Зиномъ брату его Амфіону, что явствуетъ изъ Schol. в Olimpiodor. Валькенарій (Diatrib. p. 70) устанавливаетъ ихъ такъ:

— ἐν τούτῳ γέ τοι
 Λαμπρὸς δ' ἕκαστος κα' πὶ τοῦτ' ἐπέλεται,
 Νέμων τὸ πλεῖστον ἡμέρας τούτου μερος,
 'ὼς αὐτὸς αὐτοῦ τυγχάνει κράτιστος ὢν.

Отличный въ какомъ-нибудь дѣлѣ
 Къ нему и стремится,
 Ему посвящаетъ часть большую дня,
 Чтобъ быть самого себя превосходнѣй.

А въ чемъ кто слабъ, отъ того убѣгаетъ, то бранить 485.
 и, по благосклонности къ самому себѣ, хвалитъ другое, полагая, что такимъ образомъ хвалитъ самого себя. Между тѣмъ, по моему мнѣнію, дѣло самое правильное — имѣть знакомство съ тѣмъ и другимъ. Хорошо заняться и философію, сколько это нужно для образованія, и мальчику пофилософствовать не мѣшаетъ: но кто уже состарѣлся, а все еще философствуетъ, тотъ дѣлаетъ себя, Сократъ, предметомъ, достойнымъ смѣха; подобные философы возбуждаютъ во мнѣ такое же чувство, какое болтуны и шуты. Если в. болтливость и шутки я слышу отъ дитяти, къ которому такой разговоръ идетъ, то радуюсь, —эта развязность мнѣ нравится и дѣтскому возрасту кажется приличною; между тѣмъ какъ рѣчь основательная съ его стороны показалась бы дѣломъ неприятнымъ, оскорбила бы слухъ мой и была бы чѣмъ-то рабскимъ. Напротивъ, когда болтливость и шутки слышишь отъ человѣка возмужалаго, то представ. с. ляешь его смѣшнымъ, незрѣлымъ и заслуживающимъ тѣлеснаго наказанія. Точно такое же чувство возбуждается во мнѣ и по отношенію къ людямъ философствующимъ. Видя философію въ ранней юности, я восхищаюсь; —тогда она кажется благовременною — и человѣка философствующаго въ этомъ возрастѣ почитаю какъ-то развязнымъ, а не философствующаго неразвязнымъ и неготовымъ ни къ какому хорошему и благородному дѣлу: напротивъ, когда вижу, что философствовать не перестаетъ и старикъ, тогда d. думаю, Сократъ, что онъ стѣбитъ тѣлеснаго наказанія. Въдъ я сейчасъ говорилъ, что человѣкъ, даже и съ отличными способностями, не имѣетъ зрѣлости мужа, если бѣгаетъ общественныхъ сходбищъ и площадей, гдѣ, по сло-

вамъ поэта, ¹, мужи пріобрѣтають знаменитость; но спрятавшись въ углу, проводитъ остальную жизнь въ шопотѣ съ тремя или четырьмя мальчишками, а слова открытаго, великаго и полезнаго никогда не произносить. Я расположенъ къ тебѣ, Сократъ, весьма дружески, и питаю едва ли не такое же чувство, какое въ помянутомъ стихотвореніи Еврипида питалъ Зиѳъ къ Амфіону ²; потому что и самъ долженъ сказать то же самое тебѣ, что тотъ сказалъ своему брату, то-есть: ты не заботишься, Сократъ, о томъ, о чемъ надлежало бы заботиться, и «столь благородную природу души украшаешь какою-то дѣтскою забавою; въ судебныхъ мѣстахъ ты не предлагаешь дѣльной рѣчи, не

486.

¹ По словамъ поэта, разумѣется Омира; потому что его часто означали просто нарицательнымъ именемъ «поэтъ». Здѣсь имѣются въ виду слова Iliad. IX ч. 441.

Въ сонмахъ совѣтныхъ не опытенъ, гдѣ прославляются мужи.

² Въ Еврипидовой Антиопѣ братья Зиѳъ и Амфіонъ порицають другъ друга за привычныя имъ занятія: Амфіонъ Зиѳа — за преданность его корыстолюбію, а Зиѳъ Амфіона — за любовь его къ музыкѣ. Валькенаръ (Diatrib. p. 75) читаетъ эти стихи такъ:

Ἄμφιον, ἀμελείς ὦν ἐπιμελείσθαι σὲ δεῖ,
 Ἄσυχρῶς τε, ψυχῆς ὠδὲ γενναία ζῆσις,
 Γυναικομίμῳ διαπρέπεις μορφοῦμαι.

И слѣдующія далѣе слова: οὐτ' ἂν δίκης βούλαισι и проч. имѣють также характеръ поэтической и взяты, равнымъ образомъ, изъ Еврипида. Валькенаръ излагаетъ ихъ такъ:

Οὐτ' ἐν δίκης βούλαισιν ὀρθῶς ἂν λόγον
 Προθεῖς πιθανόν, οὐτ' ἂν ἀσπίδος ποτὲ
 Κύτει γ' ὀμιλήσειας, οὐτ' ἄλλων ὑπερ
 Νεανικόν βούλευμα βούλεύσαιο τι.
 — — — ἀλλ' ἐμοὶ πιθοῦ,
 Παῦσαι δ' αἰοιδῶν· πολέμιων δ' εὐμουσίαν
 Ἄσκει, τοιαῦτ' ἄειδε καὶ ὀξείεις φρονεῖν,
 Σκάπτων, ἄρών γῆν, ποιμνίοις ἐπιστατών,
 Ἄλλοις τὰ κομψὰ ταῦτ' ἄρεις σοφίσματα,
 Ὅσῃ ὦν κενοῖσιν ἐγκατοικήσεις δόμοις.

Всѣ эти убѣжденія Зиѳа Калликдъ принялъ какбы за самую приличную тему для изложенія своихъ убѣжденій Сократу и для отклоненія его отъ философіи, къ которой онъ имѣлъ столь же мало сочувствія, сколь мало сочувствовалъ Зиѳъ музыкѣ Амфіона.

берешь чего-либо вѣроятнаго и правдоподобнаго, и ловкимъ совѣтомъ не становишься выше другаго.»—И въ правду, любезный Сократъ, — да не сердись на меня, потому что говорю отъ добраго къ тебѣ расположенія,—ужели не стыдно находиться тебѣ въ такомъ состояніи, въ какомъ, по моему мнѣнію, находитесь — ты и другіе, всегда далеко простирающіе свою философію? Вѣдь еслибы тебя, либо иного такого же, кто взялъ и отвелъ въ тюрьму, говоря, что ты обидѣлъ его,—хотя вовсе не обижалъ;—будь увѣренъ, тебѣ не найдись бы, какъ тутъ поступить: ты заикался бы, разинулъ бы ротъ и не могъ бы ничего сказать; В. потомъ, приведенный въ судъ, — предположимъ, что твой обвинитель—человѣкъ очень дурнаго и злаго сердца,—ты умеръ бы, лишь бы только онъ захотѣлъ приговорить тебя къ смерти. Такъ мудро ли это, Сократъ, когда и прекрасное по природѣ искусство дѣлаетъ человѣка худшимъ ¹, безсильнымъ для поданія помощи самому себѣ и для избавленія отъ величайшихъ опасностей—себя ли то, или кого другаго, такъ что враги разграбляютъ все его достояніе, и онъ живетъ въ обществѣ, будто человѣкъ безчестный? Да такого,—не взыщи за грубость выраженія,—можно да С. же ударить по щекѣ, не подвергаясь за то наказанію. И такъ послушайся меня, добрякъ, перестань обличать, занимайся дѣлами благоприличными, чѣмъ обнаруживалось бы твое благоразуміе, а этотъ высокопарный вздоръ, эти, какъ бы ихъ назвать, мечты или болтовню, съ которою

¹ Когда и прекрасное по природѣ искусство дѣлаетъ человѣка худшимъ. Эти слова Валькенаръ почитаетъ также заимствованными изъ Еврипида и излагаетъ ихъ такъ:

Καὶ πῶς σοφὸν τοῦτ' ἔστιν, εἴ τίς' εὐφραῖ
 Λαβοῦσα τέχνη φῶτ' ἔθηκε χείρονα
 — — Μῆτ' αὐτῶν αὐτῶν δυνάμενον γ' ἐπαρθέσαι.

Валькенаріево мнѣніе подтверждается и употребленіемъ словъ ἔθηκε χείρονα вмѣсто ἐποίησε χείρονα, также φῶτα вмѣсто ἀνθρώπων; потому что указанные слова въ такихъ сочетаніяхъ имѣютъ характеръ поэтическій.

придется жить «въ пустыхъ домахъ,» предоставь другимъ. Подражай не тѣмъ, которые обличаютъ эти мелочи, а тѣмъ, D. которые наслаждаются и жизнию, и славою, и многими другими благами.

Сокр. Еслибы мнѣ случилось имѣть душу золотую, Калликлъ, — не обрадовался ли бы я, думаешь, нашедши превосходнѣйшей изъ тѣхъ камней, которыми пробуютъ золото, чтобы, потерявъ его своею душею и удостовѣрившись въ ея добротѣ, мнѣ знать, что такая душа для меня достаточна, и что другаго оселка не нужно?

E. *Калл.* Къ чему жъ это такой вопросъ, Сократъ?

Сокр. Сейчасъ скажу. Встрѣтившись съ тобою, кажется, я попалъ точно на такую находку.

Калл. На какую именно?

Сокр. Я увѣренъ, что тѣ помыслы моей души, съ которыми ты соглашаешься, будутъ непремѣнно истинны; 487. ибо понимаю, что кто намѣренъ попробовать, хорошо ли, правильно ли живетъ онъ по душѣ, или нѣтъ, тотъ долженъ имѣть три принадлежности, которыя всѣ у тебя есть, именно: знаніе, благорасположеніе и откровенность. Сталкиваюсь я со многими; но они не могутъ пробовать меня, V. потому что не мудры, какъ ты. А эти иностранцы, — Горгіасъ и Полосъ, хоть и мудры, и дружны со мною, да имъ недостаетъ смѣлости ¹, они стыдливы болѣе надлежащаго. Какъ же! — дошли до такой стыдливости, что каждый изъ нихъ отъ стыда рѣшается, въ присутствіи многихъ людей, противорѣчить самому себѣ, и притомъ касательно предметовъ особенной важности! Напротивъ у тебя есть все, чего другіе не имѣютъ. Ты достаточно ученъ, что могутъ подтвердить многіе Аѳиняне, и расположенъ ко мнѣ. А на C. какомъ основаніи такъ думаю, скажу тебѣ. Я знаю васъ, Калликлъ, четырехъ товарищей по мудрости: тебя, Ти-

¹ Имъ не достаетъ смѣлости — *παρρησίας*; указываетъ на безстыдство Калликла, съ которымъ онъ говорилъ о философіи и личности Сократа.

зандра афиднейскаго ¹, Андрона сына Андротіонова и Навзикида холаргейскаго. Когда - то слышалъ я , какъ вы разсуждали , до какой степени надобно заниматься мудростію, и знаю, что въ то время у васъ побѣда осталась на сторонѣ мнѣнія , что не должно пускаться въ философскія тонкости ; тогда вы убѣждали другъ друга остерегаться, D. какъ бы, сдѣлавшись мудрѣе надлежащаго, вамъ невзначай не погибнуть. Поэтому, слыша, что ты и мнѣ то же совѣтуешь, что совѣтовалъ самымъ короткимъ своимъ друзьямъ, я почитаю это достаточнымъ признакомъ твоего ко мнѣ расположенія. А что въ тебѣ есть способность откровенничать и не стыдиться, — говорить за тебя та самая рѣчь, которую ты сейчасъ сказалъ мнѣ. Итакъ касательно этого предмета наше дѣло теперь будетъ состоять въ слѣдующемъ. На что въ продолженіе разговора ты дашь мнѣ свое согласіе, то будетъ уже достаточно испытаннымъ мною и тобою, и того уже не понадобится пробовать на иномъ оселкѣ. Вѣдь ты никогда не уступалъ мнѣ ни по недостатку мудрости, ни по избытку стыдливости, ни по тому, что хотѣлъ бы обмануть меня; ибо самъ же говоришь, что питаешь ко мнѣ чувство дружбы. Стало-быть мое и твое согласіе несомнѣнно закончитъ истину. Но вопросъ изъ всѣхъ самый прекрасный, по поводу котораго ты укорялъ меня, Калликъ, есть слѣдующій: какимъ надобно быть человеку старому и молодому? что долженъ онъ дѣлать и до какой степени? Вѣдь если я въ своей жизни дѣлаю что-ни- 488. будь не такъ; — знай, что погрѣшаю не по охотѣ, а по моему невѣжеству. Такъ ты, начавъ вразумлять меня, не отставай, но достаточно покажи, что такое долженъ я дѣлать и какимъ образомъ дойти до этого. И если увидишь, что теперь я согласился съ тобою, а въ послѣдующее время не дѣлаю того, въ чемъ согласился,—почитай меня со-

¹ *Тизандра афиднейскаго*. Афидны и Холаргисъ были два аттическія селенія: одно—въ трибѣ Эантидской, другое—въ Акамантидской. Schol, ad. h. I, Объ Андронѣ см. Протаг. 315 С.

В. вершеннымъ лѣнтяемъ и уже никогда не наставляй, какъ человѣка ничего не стоящаго. Возми же сначала: Какъ это ты и Пиндаръ говорили о справедливомъ по природѣ? такъ ли, что высшій располагаетъ дѣлами низшихъ, лучший начальствуетъ надъ худшими, сильнѣйшій преобладаетъ въ сравненіи съ слабѣйшимъ? Иное-ли что нибудь называешь ты справедливымъ, или я вспомнилъ вѣрно?

Калл. Да, это самое и тогда говорилъ я, и теперь говорю.

С. *Сокр.* Но лучшимъ и высшимъ одного ли и того же называешь ты? Вѣдь тогда-то я не могъ узнать, что ты говоришь. Сильнѣйшіе не получаютъ ли у тебя и имени высшихъ, которыхъ должны слушаться низшіе? Тогда, какъ мнѣ кажется, было тобою доказываемо, что большіе города по природѣ справедливо нападаютъ на малые, потому что они выше и сильнѣе; а высшее, сильнѣйшее и лучшее—одно и то же. Или лучшему можно быть низшимъ и слабѣйшимъ, а высшему — худшимъ? Одно ли и то же

Д. опредѣленіе лучшаго и высшаго? Опредѣли мнѣ ясно: высшее, лучшее и сильнѣйшее есть ли то же самое, или все это различно?

Калл. Ясно говорю тебѣ, что то же самое.

Сокр. Но большинство, по природѣ, не выше ли одного? И оно-то, какъ ты самъ сейчасъ говорилъ, даетъ законы одному.

Калл. Какъ же иначе!

Сокр. Слѣдовательно законоположеніе большинства есть законоположеніе высшихъ.

Калл. Конечно.

Е. *Сокр.* Стало быть, и лучшихъ? ибо высшіе, по твоему мнѣнію, много лучше.

Калл. Да.

Сокр. Но законоположеніе ихъ, такъ какъ они и высшіе, не есть ли законоположеніе, по природѣ, прекрасное?

Калл. Согласенъ.

Сокр. А большинство не такъ ли думаетъ, какъ ты сейчасъ же говорилъ, что, то-есть, справедливо имѣть по-^{489.} ровну, и что постыднѣе наносить, чѣмъ принимать обиду? Такъ или нѣтъ? Смотри, какъ бы тебѣ не попасться въ стыдѣ. Думаетъ ли большинство, или не думаетъ, что справедливо имѣть поровну, а не болѣе, и что постыднѣе наносить, чѣмъ принимать обиду? Не отказывайся отвѣчать мнѣ на это, Калликлъ, чтобы, если ты согласишься со мною, я могъ сослаться на тебя, какъ на человѣка, признавашаго себя способнымъ различать вещи.

Калл. Большинство-то конечно такъ думаетъ.

Сокр. Стало-быть, не по закону только постыднѣе наносить, чѣмъ принимать обиду, и справедливо имѣть по- ровну;—этого требуетъ и природа. Такъ ты предъ этимъ ^{V.} говорилъ вѣроятно неправду и напрасно осуждалъ меня на томъ основаніи, будто законъ и природа взаимно противны, и будто бы, зная это, я злоупотребляю словами, то-есть, когда кто говоритъ по природѣ,—навожу на законъ, а какъ скоро разсуждаютъ по закону,—обращаюсь къ природѣ.

Калл. Этотъ человѣкъ не перестанетъ пустословить! Скажи мнѣ, Сократъ, не стыдно ли тебѣ быть такимъ, — ловить слова и, если кто ошибся въ выраженіи, считать это находкою? Можешь ли ты полагать, что высшими я ^{C.} называю кого-нибудь, кромѣ лучшихъ? Не говорилъ ли я давно, что лучшее и высшее, по моему мнѣнію, — одно и то же? Какъ тебѣ думать, будто законоположеніемъ я сочту даже слова грязной толпы рабовъ и кое-какихъ людей, не имѣющихъ въ себѣ ничего, кромѣ, можетъ быть, тѣлесной силы?

Сокр. Положимъ, мудрѣйшій Калликлъ. Такъ это твоя мысль?

Калл. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Я и самъ давно уже догадываюсь, счастливецъ, ^{D.} что подъ именемъ высшаго ты разумѣешь что-нибудь этакое, и своими вопросами добиваюсь только яснаго о томъ понятія. Ужъ тебѣ ли конечно признать лучшими, двухъ

чѣмъ одного, и рабовъ своихъ—лучшими, чѣмъ ты, поколигу они сильнѣе тебя! Такъ скажи опять сначала, что разумѣешь ты подъ словомъ «лучше», если не разумѣешь сильнѣйшихъ? Да преподай мнѣ это спокойнѣе, чудный че-
Е. ловѣкъ, чтобы я не ушелъ отъ тебя.

Калл. Шутишь, Сократъ.

Сокр. Нѣтъ, Калликлъ, клянусь Зиѳомъ, именемъ котораго ты сейчасъ долго шутилъ надо мною. Скажи-ка, пожалуй-ста, кого называешь ты лучшими?

Калл. Я—превосходнѣйшихъ.

Сокр. Видишь ли? самъ только перебираешь имена, ничего не объясняя. Не бойсь, не скажешь, что лучшими и высшими называешь либо умнѣйшихъ, либо кого другаго?

Калл. Но клянусь Зевсомъ, что этихъ-то именно я и разумѣю.

Сокр. Слѣдовательно иногда одинъ умный, по твоему
490. мнѣнію, выше тысячи неразумныхъ, и первый долженъ быть начальникомъ, а послѣдніе — подчиненными; начальнику же слѣдуетъ преобладать предъ подчиненными. Это-то, кажется, хочешь ты сказать,—и тутъ я не ловлю словъ,—если одинъ выше тысячи.

В. *Калл.* Да, это самое говорю я; ибо это самое почитаю справедливымъ по природѣ, чтобы, то-есть, лучшій и разумнѣйшій начальствовалъ и преобладалъ предъ тѣми, которые хуже его.

Сокр. Помни же это и смотри, что ты опять говоришь. Еслибы всѣ люди, какъ и мы теперь, находились въ одномъ мѣстѣ, и у всѣхъ насъ вообще было много пищи и питья, а между тѣмъ наше общество состояло бы изъ лицъ разнаго рода,—изъ людей сильныхъ и слабыхъ, и одинъ изъ насъ, какъ врачъ, былъ бы въ этомъ отношеніи умнѣе, хотя сравнительно съ иными имѣлъ бы больше, а съ другими—меньше силы; то не правда ли, что этого умнѣйшаго изъ насъ въ упомянутомъ отношеніи надлежало бы почитать лучшимъ и высшимъ?

Калл. Конечно.

Сокр. Но, какъ лучший, долженъ ли онъ изъ этой пищи С. имѣть часть болѣе нашей, или какъ начальникъ, обязанъ раздѣлить все, раздѣляя же и употребляя все, не откладывать болѣе части для собственнаго тѣла, если не хочетъ повредить себѣ, но однимъ давать болѣе, другимъ менѣе, и если наилучшему случится быть слабѣе всѣхъ, то меньше всѣхъ ему и достанется, Каллигль? Не такъ ли, добрякъ?

Калл. Ты говоришь о пицѣ и питъѣ, о врачахъ и пустакахъ; а я—не о томъ.

Сокр. Но не говоришь ли ты, что кто умнѣе, тотъ лучше? Да, или нѣтъ? D.

Калл. Да.

Сокр. А лучший не долженъ ли имѣть больше?

Калл. Однакожъ не пищи и не питья.

Сокр. Понимаю; такъ, можетъ быть, одеждъ? Поэтому имѣть самое большое платье и ходить въ многочисленныхъ и самыхъ красивыхъ одеждахъ слѣдуетъ наилучшему ткачу?

Калл. Чтò за одежды!

Сокр. Ну такъ явно,—обуви. То-есть, имѣть ея больше долженъ умнѣйшій въ этомъ отношеніи и лучший. Значитъ, прогуливаться въ самыхъ большихъ сапогахъ и надѣвать ихъ много слѣдуетъ сапожнику. E.

Калл. О какой обуви болтаешь ты?

Сокр. А если не это твоя мысль, такъ, можетъ быть, слѣдующая: не разумѣешь ли ты умнаго въ отношеніи къ землѣ, то-есть прекраснаго и добраго земледѣльца? видно, онъ-то долженъ имѣть болѣе сѣмянъ и какъ можно болѣе употреблять ихъ для своей земли?

Калл. Ты, Сократъ, всегда толкуешь одно.

Сокр. Не только одно, Каллигль, но и объ одномъ.

Калл. Клянусь богами, ты просто-таки не перестаешь 491. говорить о башмачникахъ, валяльщикахъ, поварахъ, да врачахъ, какъ будто о нихъ у насъ рѣчь.

Сокр. Такъ не объявишь ли, въ отношеніи къ чему высшій и умнѣйшій имѣеть право преобладать? Или ты и моихъ предположеній не примешь, и самъ не скажешь?

Калл. Да вѣдь давно уже говорю ¹. И во-первыхъ, высшими, какіе есть, я называю не сапожниковъ и поваровъ, а тѣхъ людей, которые умны въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ,—какимъ бы образомъ получше жить, и не только умны, но и мужественны, способны осуществлять свои помыслы, а не утомляться отъ слабодушія.

Сокр. Замѣчаешь ли, наилучшій человѣкъ, Калликлъ, что ты упрекаешь меня не въ томъ, въ чемъ я тебя? Ты утверждаешь, что я говорю всегда одно, и за то порицаешь меня; а я осуждаю въ тебѣ противное, что объ одномъ и с. томъ же ты никогда не говоришь одного и того же. Лучшими и высшими сперва называлъ ты сильнѣйшихъ, потомъ умнѣйшихъ, а теперь хочешь назвать опять кого-то другаго, — теперь подъ именемъ высшихъ и лучшихъ разумѣешь какихъ-то мужественныхъ. Скажи же окончательно, добрый Калликлъ, кого и въ чемъ называешь ты лучшими и высшими?

Калл. Но я уже сказалъ, что это—люди умные и мужественные въ дѣлахъ гражданскихъ. Имъ-то свойственно начальствовать надъ городами, и они-то по справедливости должны преобладать предъ другими, какъ начальники предъ подчиненными.

Сокр. Что жъ? а въ отношеніи къ себѣ, другъ мой, начальниками ли должны быть они, или подчиненными?

Калл. Какъ это?

Сокр. Я говорю, что каждый начальствуетъ самъ надъ

¹ Да вѣдь давно уже говорю. Между тѣмъ Калликлъ говоритъ здѣсь совсѣмъ не то, что прежде. Такова бываетъ вообще увертливость дерзкаго, но неосновательнаго мышленія! Притомъ, настоящую свою рѣчь онъ начинаетъ словомъ: *и во-первыхъ*, послѣ котораго надлежало ожидать *во-вторыхъ*, и такъ далѣе, — вообще, какого-то порядка мыслей: а между тѣмъ соизвѣстна пугаетъ только словами, на самомъ же дѣлѣ первый вопросъ Сократа обнаруживаетъ крайнюю непослѣдовательность друга Горгиасова.

собою. Или начальствовать самому надъ собою не нужно, а только надъ другими?

Калл. Чтò ты говоришь,—начальствовать надъ собою?

Сокр. Ничего хитраго. Я говорю, какъ обыкновенно говорятъ: быть разсудительнымъ, удерживать самого себя, начальствовать надъ своими страстями и пожеланіями. Е.

Калл. Куда ты любезень! простаковъ называешь разсудительными.

Сокр. Какъ? совсѣмъ нѣтъ. Всякій знаетъ, что я не это разумѣю.

Калл. Именно это самое, Сократъ. Да какъ быть счастливымъ человѣку, который чему-нибудь рабствуетъ? Теперь говорю тебѣ смѣло: по природѣ то-то и прекрасно, то-то и справедливо, что намѣревающійся жить надлежащимъ образомъ собственныя пожеланія оставляетъ во всей силѣ и не обуздываетъ ихъ, но, сколь бы велики они ни были, удовлетворяетъ имъ посредствомъ мужества и благоразу- 492. мія и осуществляетъ все, чего бы ни захотѣлось. Для черни это, думаю, невозможно. Посему, прикрывая свое безсиліе, она отъ стыда бранить такихъ людей, и невоздержаніе называетъ, конечно, дѣломъ постыднымъ. Такъ я и прежде говорилъ: поработивъ себя людямъ, по природѣ лучшимъ, и не будучи въ состояніи сама удовлетворить своимъ похотямъ, она хвалитъ разсудительность и справедливость ради собственнаго малодушія. Но кому сначала пришлось бы либо быть дѣтьми царей, либо, обладая естественными способностями, самимъ достигнуть какой-нибудь власти, тиранніи, или господства; для тѣхъ, по истинѣ, чтò было бы постыднѣе и хуже разсудительности и справедливости? Кто имѣетъ возможность наслаждаться благами безъ всякой помѣхи, тѣмъ нужно ли поставлять надъ собою господиномъ законъ, толки и порицаніе простаго народа? Да и с. какъ не жалки были бы они съ этою прекрасною справедливостію и разсудительностію, когда бы, даже облеченные властію надъ городомъ, не могли друзьямъ своимъ дать болѣе,

чѣмъ врагамъ! По существу-то истины, которой ты ищешь, Сократъ, должно быть такъ: роскошь, невоздержаніе и свобода, если онѣ имѣютъ опору,—вотъ добродѣтель и счастье! а всѣ прочія размалеванныя представленія, всѣ эти противныя природѣ сплетенія есть нестоящая вниманія человѣческая болтовня.

- Д. *Сокр.* О, да ты свою рѣчь, Калликлъ, развиваешь довольно отважно; потому что высказываешь теперь то, о чемъ другіе хоть и мыслятъ, но чего говорить не рѣшаются. Прошу же тебя отнюдь не спускаться, чтобы въ самомъ дѣлѣ обнаружилось, какъ надобно жить. Скажи же мнѣ: пожеланій, говоришь ты, обуздывать не должно, если хочешь быть какимъ слѣдуетъ, а должно оставлять ихъ во всей силѣ и готовить имъ удовлетвореніе, откуда бы то ни было,—и это называешь добродѣтелию?

Калл. Я говорю такъ.

- Е. *Сокр.* Слѣдовательно люди, ничего не требующіе, несправедливо называются счастливыми ¹?

Калл. Да тогда-то самыми счастливыми существами были бы камни и мертвецы.

Сокр. Однакожъ и такая жизнь, какую ты разумѣешь, весьма бѣдственна. По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, нечему удивляться, если слѣдующіе стихи Еврипида ² заключаютъ въ себѣ истину:

Кто знаетъ: жизнь не есть ли смерть,
А смерть не есть ли жизнь?

¹ Люди, ничего не требующіе, несправедливо называются счастливыми?—Этотъ отрицательный вопросъ указываетъ на положительное мнѣніе Сократа, о которомъ говоритъ Ксенофонтъ (Мемог. 1, 6. 5): не имѣть ни въ чемъ нужды свойственно богамъ, а имѣть нужду въ немногомъ—свойственно тѣмъ, которые приближаются къ Богу. Впрочемъ, это ученіе частіе приписывается философамъ школы кинической.

² Эти стихи, по Схолиасту, заимствованы изъ басни *Φρίξος*; но съ большею вѣроятностію они могутъ быть найдены въ *Πολυίδος*. *Gataker. Advers. Misc. I. X. p. 523.*

Можетъ быть, мы и въ самомъ дѣлѣ умерли, что я уже и ^{493.} слышалъ отъ одного мудреца, по словамъ котораго, мы теперь мертвы, и тѣло—нашъ гробъ, а часть души, заключающая въ себѣ пожеланіе, есть какбы нѣчто измѣняющееся въ своихъ убѣжденіяхъ (*ἀναπειθεσαι*), нѣчто перепедающее (*μεταπίπτειν*) туда и сюда. Это-то конечно одинъ высокоумный мужъ ¹ изъ баснослововъ,—Сициліецъ ли онъ, или Италіянецъ—измѣнивъ немного имя и приспособляясь къ словамъ *πιθανόν* и *πιστικόν* (удобоубѣдимость и довѣрчивость), назвалъ *πίθον* (бочкою), а бессмысленнымъ далъ названіе *ἀμυθίων* — непосвященныхъ или незагражденныхъ; въ непосвященныхъ же В. или незагражденныхъ часть души, содержащую въ себѣ пожеланія, то-есть невоздержность и незамкнутость силы пожелательной, за ея ненасытность, уподобилъ дырявой бочкѣ. Такимъ образомъ онъ доказываетъ противное тебѣ, Калликлѣ. Въ адѣ,—а адъ, по его мнѣнію, есть нѣчто невидимое ²—эти непосвященные (т. е. незакупоренные), должно

¹ *Одинъ высокоумный мужъ*, по всей вѣроятности, Эмпедоклъ. *Sturzius* in *Empedocle* p. 13. sqq. et 19 sqq. То же замѣчаютъ Схолиастъ и Олимпіодоръ: *οἶον Ἐμπεδοκλῆς Πυθαγόρειος γὰρ ἦν οὗτος, ὑπάρχει δὲ Ἀιταλιαντικός*. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по словамъ Симплиція (*ad Aristot. de Coel.* p. 129), онъ училъ *μυθικώτερον ὡς ποιητής*. Да и не безъ причины, конечно, Платонъ здѣсь указываетъ на него. Известно, что Горгіасъ считался любителемъ Эмпедокловыхъ представлений, на что Сократъ шутливо намекаетъ и въ Менонѣ (p. 76 A). Поэтому, приводя миеническое сказаніе Эмпедокла, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ ссылается какбы на убѣжденіе самого Горгіаса и его учениковъ, и оттого-то, можетъ быть, о высокоученомъ мужѣ-баснословѣ говорить съ нѣкоторою неопредѣленностію,—Сициліецъ ли онъ, или Италіянецъ; ибо Горгіасъ, по рожденію, происходилъ изъ Сициліи, а по ученію, казался Италіянцемъ, то-есть, чрезъ Эмпедокла, походилъ на послѣдователя Пиеагорова.

² *Адъ есть нѣчто невидимое, τὸ ἀειδὲς δὴ λήγων*. То-есть, адомъ Сократъ называетъ мѣсто не мрачное, а невидимое; такъ что τὸ ἀειδὲς и ἄδον противуполагается τῷ δρατῷ. Это прибавляетъ онъ съ цѣлію — научить, что изложенный миенъ говоритъ о жалкой участи въ адѣ людей, преданныхъ пожеланіямъ; потому что, непрестанно стремясь удовлетворять имъ, они тамъ никогда не въ состояніи утолить своей жажды. *Crescit indulgens sibi dirus hydrops, nec sitim pellit, nisi causa morbi fugerit venis*. О такомъ же наказаніи нечестивыхъ приводятся рассказы поэтовъ и въ Платоновомъ Государствѣ (II. p. 363 D).

быть, весьма несчастны: они въ дырявую бочку носятъ воду другою дырявою вещію—рѣшетомъ. Подъ словомъ же «рѣ-
 С. шето», по объясненію моего собесѣдника, разумѣется душа; и душу людей немисленныхъ, какбы дырявую, онъ уподобилъ рѣшету, поколику она, страдая непостоянствомъ (*δι ἀπιστίας*) и забвеніемъ, не можетъ быть закупорена. Все это конечно страшновато, однакожь ясно открываетъ, что хотѣлъ бы я доказать тебѣ, еслибы могъ убѣдить тебя перемѣниться и, вмѣсто жизни ненасытной и невоздержной, избрать жизнь благонравную и всегда довольствующуюся настоящимъ. Но буду ли я убѣдительно? перемѣнишь ли ты свой образъ мыслей и примешь ли мнѣніе, что благонравные счастливѣе невоздержныхъ? Или напротивъ—сколько бы
 D. мнѣ ни пересказать подобныхъ басенъ, ты нимало не перемѣнишься?

Калл. Послѣднее больше вѣрно, Сократъ.

Сокр. Постой однакожь; я раскрою тебѣ еще одно подобіе изъ той же школы, изъ которой взято и это. Смотри-ка: жизни разсудительной и жизни невоздержной не найдешь ли ты похожими на то, какъ еслибы у каждаго изъ двухъ чловѣкъ было множество бочекъ? У одного они пусть будутъ
 E. цѣлы и наполнены то виномъ, то медомъ, то молокомъ, вообще—многія многими, рѣдкими и нелегко пріобрѣтаемыми жидкостями, изъ которыхъ всякая, то-есть, пріобрѣтается тяжелыми и великими трудами: стало быть, наполнивъ ихъ, онъ уже и не доливаетъ, не заботится, но въ отношеніи къ нимъ покоенъ. У другаго напротивъ жидкости столь же-таки неудобоснискиваемы и съ трудомъ пріобрѣтаются, какъ и у перваго, да еще и сосуды-то дырявы, — протекають: поэто-
 499. му онъ принужденъ доливать ихъ денно и ночью, или испытывать крайнее мученіе. Если же жизнь того и другаго дѣйствительно такова, то которую назовешь ты болѣе счастливою,—жизнь ли чловѣка невоздержнаго, или благонравнаго? Говоря это, расположу ли я тебя къ согласію, что благонравный живетъ лучше невоздержнаго, или не расположу?

Калл. Не расположишь, Сократъ; потому что тотъ, съ полными бочками, уже не чувствуетъ никакого удовольствія, но какъ я сейчасъ сказалъ, живетъ подобно камню, то-есть, наполнивъ ихъ, и не радуется и не скорбитъ. Жизнь пріятная напротивъ могла бы быть та, въ которой совершалось бы наиболѣе притоковъ.

Сокр. Но не необходимо ли, по крайней мѣрѣ, чтобы, при множествѣ втеченій, много и уходило, и для истоковъ были какой-нибудь величины скважины?

Калл. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Стало быть, ты говоришь о жизни не мертвеца и не камня, а турухтана. ¹ Скажи мнѣ, не поставляешь ли ты жизни и въ томъ, чтобы алкать и, алкая, ѣсть?

Калл. Да.

Сокр. Чтобы жажда и, жаждая, пить?

Калл. Говорю тебѣ, что счастливо жить—значить имѣть всѣ вообще пожеланія и, бывъ въ состояніи удовлетворять имъ, радоваться.

Сокр. Прекрасно, добрякъ, продолжай, какъ началъ; только бы не стыдиться. Впрочемъ и я, какъ видно, стыдиться не долженъ. Во-первыхъ, скажи мнѣ: быть въ чесоткѣ, чувствовать зудъ, имѣть возможность чесаться, сколько угодно, и проводить жизнь въ чесаніи себя—значить ли жить счастливо?

Калл. Какъ это нелѣпо, Сократъ! ты просто площадной D. рассказчикъ.

Сокр. Да, Калликлъ, Полоса и Горгіаса, можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ изумилъ и привелъ въ стыдъ: а тебя, не бойсь, не изумишь и не пристыдишь; ты мужественъ. Отвѣчай однако.

¹ *Турухтанъ* — *χαράδρις*, птица, живущая въ расщелинахъ горъ и чрезвычайно прозорливая, по Схолиасту, *ὅς ἄρα τῷ ἐσθλεῖν ἐκκρίνει*. *Ruhnken. ad Tim. Glossar. p. 273. Aristot. Hist. an. VIII. p. 358.* Поэтому Платонъ весьма правильно смотритъ на нее, какъ на символъ нравственной ненасытности.

Калл. Изволь, говорю, что человекъ чешущійся можетъ жить пріятно.

Сокр. А если пріятно, то и счастливо?

Калл. Конечно.

Е. *Сокр.* Тогда ли только, когда у него чешется голова, или и еще о чемъ-нибудь спросить тебя? Смотри, Калликлъ, что будешь ты отвѣчать, если кто-либо вздумаетъ спрашивать тебя по порядку о всемъ, что находится въ связи съ этимъ? Вѣдь отсюда главное слѣдствіе—то, что эта жизнь грязныхъ развратниковъ и неужасна, и непостыдна, и не-жалка. Но осмѣлишься ли назвать ихъ счастливыми, если у нихъ много того, что имъ требуется?

Калл. Не стыдно ли тебѣ, Сократъ, наклонять разговоръ къ такимъ предметамъ!

Сокр. Да къ этому направляю его, благородный Калликлъ, развѣ я, а не тотъ, кто прямо такъ и утверждаетъ, что люди радующіеся, только бы радовались, суть люди
495. счастливые, не ограничивая, какія удовольствія хороши и какія дурны? Скажи-ка еще: пріятное и доброе—одно ли и то же, или между удовольствіями бываютъ и такія, которыхъ нельзя назвать добромъ?

Калл. Чтобы моя рѣчь не опровергала сама себя, если въ пріятномъ и добромъ найду различіе, — я называю ихъ однимъ и тѣмъ же.

Кокр. Ты портишь прежній разговоръ, Калликлъ, и уже не можешь удовлетворительно изслѣдывать со мною предметъ, если говоришь вопреки собственному убѣжденію.

В. *Калл.* Но вѣдь и ты, Сократъ.

Сокр. Да, и я не правъ, если это дѣлаю, и ты. Однако согласись, почтеннѣйшій, что добро состоитъ не въ томъ, чтобы непремѣнно радоваться. Вѣдь если это такъ, то вотъ и теперь уже вошло много намековъ на вещи постыдныя, а можно ввести еще болѣе.

Калл. Какъ тебѣ угодно, Сократъ.

Сокр. Ты въ самомъ дѣлѣ утверждаешь это, Калликлъ?

Калл. Въ самомъ дѣлѣ.

Сокр. Слѣдовательно мы можемъ начать разговоръ, принимая твои слова за серьезныя?

Калл. Да и очень.

Сокр. Хорошо же. Если тебѣ такъ кажется, — разбери мнѣ слѣдующее: вѣроятно ты называешь что-нибудь знаніемъ?

Калл. Называю.

Сокр. А не говорилъ ли теперь только о какомъ-то мужествѣ съ знаніемъ?

Калл. Конечно говорилъ.

Сокр. Если же говорилъ объ этихъ двухъ, то не правда ли, что мужество почиталъ отличнымъ отъ знанія?

Калл. Да и очень.

Сокр. Что жъ? а удовольствіе и знаніе — то же ли, или другое отличное?

Калл. Отличное, мудрѣйшій человекъ.

Сокр. Не отлично ли и мужество отъ удовольствія?

Калл. Какъ не отлично!

Сокр. Постой же; не забыть бы намъ, что Калликлъ ахарнейскій¹ удовольствіе и добро называетъ однимъ и тѣмъ же, а знаніе и мужество отличными — и между собою, и отъ добра.

Калл. Но Сократъ алопекскій въ этомъ не соглашается съ нами. Или соглашается?

Сокр. Не соглашается. Да не согласится, думаю, и Калликлъ, если вѣрнѣе разсмотритъ самъ себя. Скажи-ка мнѣ: люди, живущіе благополучно, не въ противоположномъ ли состояніи находятся съ людьми, живущими неблагополучно?

Калл. Полагаю.

Сокр. А когда эти состоянія взаимно противны, то не необходимо ли поставляютъ ихъ въ такое же отношеніе между собою, въ какомъ находятся здоровье и болѣзнь? потому

¹ *Калликлъ ахарнейскій.* Имя селенія, изъ котораго Калликлъ происходилъ, Сократъ прибавляетъ въ тонѣ шуточномъ, подражая официальнымъ формамъ торговыхъ сдѣлокъ.

что человекъ вѣроятно не бываетъ вмѣстѣ и здоровъ и боленъ, равно, какъ не оставляетъ вмѣстѣ здоровья и болѣзни.

496. *Калл.* Какъ это?

Сокр. Возьми, напримѣръ, какую хочешь, часть тѣла, и смотри. Вѣдь страдаетъ иногда человекъ глазами, что называется воспаленіемъ глазъ?

Калл. Какъ не страдать!

Сокр. Такъ въ отношеніи къ глазамъ, онъ въ то же время конечно не пользуется здоровьемъ?

Калл. Никакъ.

Сокр. Ну, а когда избавляется отъ глазной боли, избавляется ли вмѣстѣ и отъ здоровья глазъ, такъ чтобы наконецъ оставить то и другое?

Калл. Всего менѣе.

Сокр. Вѣдь это, думаю, странной безтолково. Не правда ли?

В. *Калл.* Да и очень.

Сокр. Напротивъ, то и другое получаетъ и оставляетъ, должно быть, попеременно?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Не такъ же ли сила и слабость?

Калл. Да.

Сокр. Скорость и медленность?

Калл. Конечно.

Сокр. Не попеременно ли такимъ же образомъ получается и оставляется добро и счастье съ противными имъ зломъ и бѣдствіемъ?

Калл. Совершенно справедливо.

Сокр. Стало-быть, если мы найдемъ что-либо, что человекъ и оставляетъ и вмѣстѣ имѣетъ, то найденное, очевидно, не будетъ ни добро ни зло. Согласись ли на это? Разсмотри получше и отвѣчай.

Калл. Чрезвычайно соглашаюсь.

Сокр. А ну-ка теперь—къ прежде допущеннымъ положеніямъ. Чувство голода удовольствіемъ ли называешь ты, или тягостию?—разумѣю самое чувство.

Калл. Тягостію. Но чувствуя голодъ, ѣсть — пріятно.

Сокр. Понимаю. А самое чувство-то голода пріятно, или нѣтъ?

Калл. Тягостно.

Сокр. Не такъ же ли и чувство жажды?

Калл. Да и очень.

Сокр. Предлагать ли тебѣ еще болѣе вопросовъ, или ты согласенъ, что всякое неимѣніе и желаніе тягостно?

Калл. Согласенъ; поэтому не предлагай вопросовъ.

Сокр. Пусть такъ. Но, чувствуя жажду, пить, не называлъ ли ты удовольствіемъ?

Калл. Называлъ.

Сокр. Однакожь въ этомъ, произнесенномъ тобою, положеніи чувство жажды не есть ли чувство скорбное?

Калл. Да.

Сокр. А пить — есть восполненіе недостатка и неудовольствія?

Калл. Да.

Сокр. Такъ поколику пьютъ, говоришь, радуются?

Калл. Непремѣнно.

Сокр. А поколику чувствуютъ жажду...

Калл. Говорю.

Сокр. Скорбятъ?

Калл. Да.

Сокр. Такъ замѣчаешь ли, что вышло? Если ты говоришь: чувствуя жажду, пить; то вмѣстѣ полагаешь: чувствуя скорбь, радоваться. Или хочешь сказать, что это бываетъ не въ томъ же мѣстѣ и времени — и по отношенію къ душѣ, и по отношенію къ тѣлу? Вѣдь тутъ, я думаю, все равно. Такъ, или нѣтъ?

Калл. Такъ.

Сокр. Однакожь ты говорилъ, что человѣку, живущему благополучно, невозможно вмѣстѣ жить неблагополучно.

Калл. Да, говорю.

497. *Сокр.* А между тѣмъ согласился, что человѣкъ скорбящій можетъ радоваться.

Калл. Кажется.

Сокр. Стало быть, радоваться не значитъ—жить благополучно, и скорбѣть не значитъ—вести жизнь неблагополучную; такъ что удовольствіе бываетъ отлично отъ добра.

Калл. Не понимаю твоего умничанья, Сократъ.

Сокр. Понимаешь, Калликлъ, да только притворяешься непонимающимъ ¹. Иди-ка еще далѣе, —и увидишь, какъ ты бываешь мудръ, когда вразумляешь меня. Не перестаетъ в. ли каждый изъ насъ жаждать и чувствовать удовольствіе, какъ скоро пьеть?

Калл. Не знаю, чтò ты говоришь.

Горг. Нѣтъ, нѣтъ, Калликлъ, отвѣчай и для насъ, чтобы изслѣдованіе было доведено до конца.

Калл. Да, Сократъ всегда такъ, Горгіасъ: спрашиваетъ о вещахъ маловажныхъ и выводитъ заключенія изъ пустяковъ.

Горг. Какая тебѣ нужда? Это вовсе не твоя бѣда ², Калликлъ. Предоставь Сократу выводить заключенія, какъ онъ хочетъ.

С. *Калл.* Ну ужъ спрашивай объ этихъ мелочахъ и низкихъ предметахъ, если такъ угодно Горгіасу.

Сокр. Счастливъ ты, Калликлъ, что въ великія таинства посвященъ прежде, чѣмъ въ малыя ³. А я думалъ, что это незаконно. Отвѣчай же, на чемъ остановился. Каждый изъ

¹ Да только притворяешься непонимающимъ — ἀλλ' ἀκκίζει. Olympiodorus: Ἀκκῶ γέρονε γυνή τις μωρὰ καὶ ἀνόητος. Φήσιν οὖν ὁ Σοκράτης, ὅτι οἶσα τί λέγω, ἀλλὰ ἀκκίζει, ἀντὶ τοῦ ἀλλὰ προσποιῆ μωρίαν καὶ τὸ μὴ εἰδέναι. Слѣдующія далѣе слова: ὅτι ἔχων ληρεῖς вовсе не умѣстны въ текстѣ и внесены въ него, вѣроятно, е margine, какъ замѣтка какого-нибудь объяснителя, хотѣвшаго этимъ выраженіемъ истолковать мысль, заключающуюся въ глаголѣ ἀκκίζειν.

² Это вовсе не твоя бѣда, — πάντως οὐ σὴ αὐτῆ ἡ τιμῆ: выраженіе, какъ догадывается Гейндорфъ, повидимому, имѣло силу пословицы.

³ Въ великія таинства посвященъ прежде, чѣмъ въ малыя. Schol. Διτὰ ἦν τὰ μυστήρια παρ' Ἀθηναίους, καὶ τὰ μὲν μικρὰ ἐκαλεῖτο, ἅπερ ἐν ἄστει ἐτέλουσαν, τὰ δὲ μεγάλα, ἅπερ Ἐλευσίνι ἤγετο. Καὶ πρότερον ἔδει τὰ μικρὰ μνησθῆναι εἴτα τὰ μεγάλα κ. τ. λ.

насъ не перестаетъ ли вмѣстѣ жадать и чувствовать удовольствіе?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Не перестаетъ ли также чувствовать голодъ и прочія пожеланія и удовольствія?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Не вмѣстѣ ли слѣдовательно прекращается въ немъ пріятное и непріятное?

Калл. Да.

D.

Сокр. Между тѣмъ ты соглашаешься, что вмѣстѣ также прекращаются добро и зло. Или теперь уже не соглашаешься?

Калл. Соглашаюсь. Такъ что же?

Сокр. То, другъ мой, что добро съ удовольствіемъ и зло съ скорбію — не одно и то же, что поколику они взаимно различны, — одно изъ нихъ прекращается, а другое — нѣтъ. Да и какъ быть тождественнымъ пріятному съ добрымъ и непріятному съ злымъ? А если хочешь, разсмотри предметъ и слѣдующимъ образомъ, — потому что это, кажется, еще не удовлетворитъ тебя. Сообрази-ка: добрыхъ называешь ты добрыми не по присутствію ли въ нихъ добра, подобно тому, какъ прекрасныхъ называешь прекрасными по присутствію въ нихъ красоты?

Калл. Конечно.

Сокр. Что жъ? люди бессмысленные и трусливые получаютъ ли у тебя имя людей добрыхъ?—Прежде не получали, прежде добрыми ты называлъ мужественныхъ и благоразумныхъ. Не ихъ ли признаешь добрыми?

Калл. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Что жъ? видалъ ли ты бессмысленное еще дитя — въ радости?

Калл. Видалъ.

Сокр. А чтобы радовался бессмысленный человѣкъ зрѣлаго возраста, — еще не видалъ?

Калл. Я думаю; — но что жъ въ этомъ?

Сокр. Ничего; только отвѣчай.

498. *Калл.* Видалъ.

Сокр. Ну, а человѣка съ умомъ—въ въ скорби и радости?

Калл. Полагаю.

Сокр. Болѣе ли радуются и скорбятъ умные, или безумные?

Калл. Я думаю, тутъ не много различія.

Сокр. Но довольно и этого. А на войнѣ видалъ ли человѣка трусливаго?

Калл. Какъ не видать.

Сокр. Ну что жъ? Когда непріатели отступаютъ,—кто, по твоему мнѣнію, болѣе радуется, трусливые или мужественные?

Калл. Мнѣ кажется, больше тѣ и другіе ¹; а если нѣтъ,—то почти равно.

В. *Сокр.* Какая нужда! Такъ радуются и трусливые?

Калл. И очень.

Сокр. Ужъ вѣроятно и безумные?

Калл. Да.

Сокр. А когда непріатели наступаютъ, — печальными становятся только трусы, или и мужественные?

Калл. Тѣ и другіе.

Сокр. Неужели равно?

Калл. Можетъ быть, трусы—болѣе.

Сокр. Но при отступленіи непріателей не они ли болѣе радуются?

Калл. Можетъ быть.

Сокр. Итакъ печалятся и радуются, говоришь ты, почти

¹ *Больше тѣ и другіе* — ἀμφοτέροι ἔμοιγε μᾶλλον. Кораеъ правильно замѣчаетъ, что Калликлъ παίρων τοῦτο λέγει· καὶ οἱ δεῖλοι ἐδόκουν μοι χαίρειν μᾶλλον τῶν ἀνδρείων καὶ οἱ ἀνδρεῖοι μᾶλλον τῶν δεῖλων. Сила доказательства состоитъ въ слѣдующемъ: οἱ κακοὶ εὐτύχῳ μᾶλλον ἀγαθοί, поколику μᾶλλον χαίρουσιν, и ἐπεὶ μᾶλλον κακοὶ, поколику μᾶλλον λυποῦνται, такъ какъ, по мнѣнію Калликла, добры тѣ, которые чувствуютъ удовольствіе; напротивъ злы—тѣ, которые скорбятъ. Но отсюда явно вытекаетъ слѣдствіе: ὁμῶς γίγνεται κακὸς καὶ ἀγαθὸς τῷ ἀγαθῷ ἢ καὶ μᾶλλον ἀγαθὸς ὁ κακός, то-есть, явно открывается нелѣпность Калликлесова мнѣнія, что добрые бываютъ добрыми отъ удовольствія, а злые — злыми отъ непріятностей.

равно, — какъ безумные, такъ и умные, — какъ трусы, такъ и мужественные; однакожь трусы — болѣе мужественныхъ?

Калл. Полагаю.

С.

Сокр. Но умные-то и мужественные добры, а трусы и безумные злы?

Калл. Да.

Сокр. Слѣдовательно почти равно радуются и печалятся — какъ добрые, такъ и злые?

Калл. Полагаю.

Сокр. Значить, добрые и злые почти равно добры и злы? или злые еще больше добры и злы?

Калл. Но клянусь Зевсомъ, что не понимаю твоихъ D. словъ.

Сокр. Не понимаешь, что добрыхъ ты называешь добрыми, по присутствію въ нихъ добра, а злыхъ — злыми, по присутствію зла? и что добро суть удовольствія, а зло — непріятности?

Калл. Я такъ думаю.

Сокр. Но радующимся не присуще ли добро, то-есть удовольствіе, если только они радуются?

Калл. Какъ не присуще!

Сокр. А когда имъ присуще добро, то радующіеся не добры ли?

Калл. Да.

Сокр. Ну теперъ — огорчающимся не присуще ли зло, то-есть неудовольствіе?

Калл. Присуще.

E.

Сокр. Злыхъ-то ты называешь вѣдь злыми по присутствію въ нихъ зла. Или еще не утверждаешь этого?

Калл. Утверждаю.

Сокр. Слѣдовательно добры тѣ, которые радуются, а злы, — которые скорбятъ?

Калл. И очень.

Сокр. И кто больше, — больше; кто меньше, — меньше, кто почти равно, — почти равно?

Калл. Да.

Сокр. А не говоришь ли ты, что разумные и неразумные, робкіе и мужественные почти равно радуются и печалятся, или даже робкіе — еще больше?

Калл. Говорю.

Сокр. Выводи же теперь вмѣстѣ со мною, что слѣдуетъ изъ допущенныхъ нами положеній. Вѣдь даже дважды и 499. трижды прекрасно говорить и рассуждать о прекрасномъ ¹. Мы сказали, что быть разумнымъ и мужественнымъ есть дѣло доброе. Не такъ ли?

Калл. Да.

Сокр. А неразумнымъ и робкимъ — злое?

Калл. И очень.

Сокр. И что радующійся добръ?

Калл. Да.

Сокр. А огорченный — золъ?

Калл. Необходимо.

Сокр. Огорчаться же и радоваться есть дѣло равно доброе и злое, а можетъ быть еще больше злое!

Калл. Да.

Сокр. Стало быть, доброму не подобенъ ли злой и добрый, в. или даже злой еще не больше ли добръ? Не это ли слѣдуетъ, и не прежнее ли, если удовольствіе и добро ты признаешь тожественнымъ? Не необходимо ли это, Калликлъ?

Калл. Давно-таки я слушаю тебя, Сократъ, и соглашаюсь, думая самъ въ себѣ, что ты, — уступи тебѣ что-либо, хоть шутя, — съ радостію схватываешь это, какъ ребенокъ. Тебѣ, должно быть, кажется, что ни я, ни иной кто-нибудь не почитаетъ однихъ удовольствій лучшими, другихъ — худшими.

¹ Вѣдь даже дважды и трижды прекрасно говорить о прекрасномъ. Schol. Δις καὶ τρις τὸ καλόν, ὅτι χρὴ περὶ τῶν καλῶν πολλάκις λέγειν. Ἐμπεδοκλέους τὸ ἔπος, ἀφ' οὗ καὶ ἡ παροιμία· φησὶ γάρ· καὶ δις γάρ, ὃ δεῖ, καλόν ἐστιν εἰσπεῖν. См. Phileb. p. 50 E. Legg. XII. p. 956 E. VI, p. 754 B. *Erasm. adagg. Chil. 1. Cent. II, p. 68.*

Сокр. Охъ, охъ, Калликлъ, какъ ты лукавъ! — поступаешь со мною, какъ съ ребенкомъ: то говоришь это такъ, то С. иначе, — обманываешь меня. А вѣдь сначала я, право, не думалъ — отъ тебя, какъ отъ моего друга, быть умышленно обманутымъ. Нѣтъ, — ошибся; видно, по старой пословицѣ, надобно хвататься за соломенку и брать, что даешь ¹. А эта соломенка есть вѣроятно то, что ты теперь говоришь, то-есть, — одни удовольствія бываютъ хороши, а другія худы. Не такъ ли?

Калл. Да.

Сокр. Хорошія же полезны, а худыя вредны? С.

Калл. И очень.

Сокр. Но полезныя конечно производятъ что-либо доброе, а вредныя — что-либо злое?

Калл. Полагаю.

Сокр. А допускаешь ли тѣ, — разумѣю относящіяся къ тѣлу, о которыхъ мы недавно говорили, именно — удовольствія въ пищѣ и питъѣ? Если, то-есть, они производятъ въ тѣлѣ либо здоровье, либо силу, либо иное совершенство, то бываютъ хорошими: противныя же имъ — худыми?

Калл. Конечно.

Сокр. Не такъ ли и скорби? — однѣ изъ нихъ благодѣ- Е. тельны, а другія зловредны?

Калл. Какъ не такъ!

Сокр. А удовольствія и скорби благодѣтельные надобно избирать и осуществлять?

Калл. Конечно.

Сокр. Зловредныхъ же не надобно?

¹ *Надобно хвататься за соломенку*—*παρὸν εἶ ποιεῖν*. Это выраженіе, буквально означающее: «пользоваться настоящимъ», у Грековъ имѣло силу пословицы. Я полагаю, что ей соотвѣтствуетъ наша: хвататься за соломенку; потому что греческая пословица указывала на необходимость—въ крайнихъ обстоятельствахъ прибѣгать къ средствамъ настоящей минуты. *Hemstergus. ad. Lucian. Nescum. T. I. p. 485 § 21.* Значеніе пословицы имѣло также и выраженіе *δέχεσθαι τὸ δίδμενον*, — брать синицу лучше, чѣмъ полагаться на обѣщаніе получить соловья. См. *Erasm. Adagg. W. 1.*

Калл. Само собою разумѣется.

Сокр. Потому что — помнишь, какъ показалось мнѣ и Полосу — все должно дѣлать для добра. Такъ ли и тебѣ кажется, что цѣль всѣхъ дѣйствій есть добро, и что все должно производиться ради его, а не ради чего другаго? Присоединяешься ли и ты третій къ нашему мнѣнію?

Калл. Да, и я.

Сокр. Стало быть, надобно доставлять себѣ и удовольствія, и все прочее — ради добра, а не добро — ради удовольствій.

Калл. Конечно.

Сокр. Но каждый ли человѣкъ можетъ избирать, что между удовольствіями — добро, и что — зло, или въ отношеніи ко всякому изъ нихъ нуженъ искусникъ?

Калл. Искусникъ.

Сокр. Вспомнимъ же теперь, что говорилъ я Полосу и Горгиасу. Помнишь ли, я говорилъ, что есть упражненія, в. изъ которыхъ иныя доходятъ до удовольствія и стремятся только къ одному этому, лучшаго же и худшаго не знаютъ; а другія понимаютъ, что — добро и что — зло? Къ тѣмъ, которыя имѣютъ въ виду удовольствія, и притомъ тѣлесныя, я отнесъ поварскую привычность, — но не въ смыслъ искусства; а къ знатокамъ добра — врачебное искусство. И — ради покровителя дружбы¹, Калликъ, ты и самъ не почитай долгомъ шутить надо мною, — не давай отвѣтовъ, когда слу- с. читается, вопреки своему убѣжденію, да и моихъ словъ не принимай за шутку. Видишь ли, у насъ идетъ рѣчь о такомъ предметѣ, болѣе котораго ничто не можетъ занимать человѣка, если у него есть хоть немного ума? Мы разсматриваемъ, какимъ образомъ надобно жить: такъ ли, какъ ты убѣждаешь меня, — то-есть, дѣйствовать мужески, говорить въ народныхъ собраніяхъ, упражняться въ риторикѣ и чрезъ

¹ Ради покровителя дружбы — πρὸς φιλίου. Olimpiodorus: ἐπὶ τὸν ἑφορον τῆς φιλίας φέρεי αὐτὸν, ἵνα εἰδῶς, ὅτι θεός ἐστιν ὁ τῆς ζήλιας ἐπιστάτης, μὴ πάλιν παίξῃ. См. ниже р. 519 Е.

то входить въ дѣла общественныя, какъ вы теперь входите; или посвятить свою жизнь философіи и смотрѣть, что въ этой послѣдней жизни отлично отъ первой? Можетъ быть, весьма хорошо было бы отдѣлять ихъ, чего я сейчасъ хотѣлъ; отдѣливши же и согласившись между собою, что это точно два рода жизни, изслѣдовать, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другаго, и который изъ нихъ заслуживаетъ предпочтенія. Но, можетъ быть, ты еще не понимаешь, что я говорю.

Калл. Не очень.

Сокр. Такъ я скажу тебѣ яснѣе. Мы согласились между собою, что иное есть доброе, а иное пріятное, что пріятное отлично отъ добраго, и что въ отношеніи къ обоимъ есть также нѣкоторое занятіе или упражненіе, и одно такое занятіе ищетъ удовольствія, а другое — добра. Прежде всего на это самое — да или нѣтъ. Да?

Калл. Конечно да.

Сокр. Ну, согласись же со мною и въ слѣдующемъ, что я говорилъ имъ, если только слова мои тогда казались тебѣ справедливыми. Я говорилъ, что кухонное дѣло почти не искусствомъ, а навыкомъ; но медицину — такъ: потому что медицина — то разсматриваетъ и природу того, чему служить, и причину того, что дѣлаетъ, и во всемъ этомъ можетъ дать отчетъ; напротивъ первое, заботящееся объ удовольствіи, къ которому направлено все его служеніе, идетъ къ нему совершенно безъ искусства, — не разсматриваетъ ни природы удовольствія, ни причины, и, поколику вовсе безмысленно, просто сказать, ничего не рассчитываетъ, — это наметанность и привычность, которая только помнить, какъ и что обыкновенно бываетъ, чѣмъ возбуждаются удовольствія. И такъ сперва наблюдай, удовлетвори- тельными ли тебѣ кажутся слова мои, и нѣтъ ли въ отношеніи къ самой душѣ какихъ-нибудь такихъ занятій, что одни изъ нихъ искусственны и показываютъ какую-либо заботливость о наилучшемъ для души, а другія мало

цѣнять наилучшее и, равно какъ тамъ, имѣютъ въ виду только душевное удовольствіе, какимъ бы образомъ оно ни получалось, не разбирая, какое удовольствіе лучше или хуже, и думая только о томъ, чтобы было пріятно, лучше ли С. выйдетъ изъ того, или хуже. По моему мнѣнію, Калликлъ, такія занятія дѣйствительно есть, и я называю ихъ ласкательствомъ—въ отношеніи къ тѣлу, въ отношеніи къ душѣ и въ отношеніи ко всему, чему кто-либо старается доставить удовольствіе, не разбирая, которое изъ нихъ лучше и которое хуже. Ну, а ты, касательно этого, сходишься ли съ нами въ своемъ мнѣніи, или намѣренъ противорѣчить?

Калл. Нѣтъ, я соглашаюсь,—чтобы разговоръ твой привести къ концу и угодить Горгіасу.

Д. *Сокр.* Но это ласкательство съ одною ли только душею имѣетъ дѣло, а съ двумя и со многими не имѣетъ?

Калл. Нѣтъ,—и съ двумя, и со многими.

Сокр. Стало быть, не разбирая, что наилучше, угождаетъ всѣмъ вдругъ?

Калл. Я думаю.

Сокр. Такъ можешь ли сказать, что за занятія, которыя дѣлаютъ это? Или лучше, если хочешь, позволь мнѣ спрашивать тебя,—и, какія изъ нихъ, по твоему мнѣнію, относятся сюда, утверждай, а не относятся,—не утверждай.

Е. Во-первыхъ разсмотримъ игру на флейтѣ. Не кажется ли она тебѣ, Калликлъ, чѣмъ-то такимъ, что гоняется за однимъ удовольствіемъ, а больше ни о чемъ не заботится?

Калл. Да, мнѣ кажется.

Сокр. И всѣ подобныя тому; напр. игра на цитрѣ во время общественныхъ игръ ¹?

¹ *Игра на цитрѣ во время общественныхъ игръ.* Schol. Ἀυλητικὴν μὲν πᾶσαν ἐκβάλλει τῶν ἑρῶν πολιτειῶν, κιθαριστικὴν δὲ οὐ πᾶσαν, ἀλλὰ τὴν ἐν τοῖς ἀγῶσι μόνην· οἷδε γὰρ ἄλλην, ἣν σώζειν τὰς πολιτείας νενομικεν. Эта мысль взята изъ третьей книги De Rep. р. 399 С. Если, то-есть, музыка располагаетъ къ однимъ удовольствіямъ, то ее надобно почитать только какъ παίγιόν τι οὐ σπουδῆς χάριν, ἀλλὰ παιδιᾶς ἕνεκα, какъ говорится въ Polit. р. 288 С. Итакъ должно строго обращать вниманіе на риземъ, подъ вліяніемъ котораго юноши

Калл. Да.

Сокр. Ну, а изученіе хоровъ и поэзія диеирамвическая ¹ не такимъ же ли кажется тебѣ занятіемъ? Думаешь ли, что Кинисіасъ, сынъ Мелиса, сколько-нибудь заботится, какъ бы высказать что-либо такое, чрезъ что́ его слушатели сдѣлались бы лучшими? Или онъ старается только угодить 502. толпѣ зрителей?

Калл. Что касается до Кинисіаса, Сократъ, то ужъ очевидно, что послѣднее.

Сокр. Ну, а его отецъ Мелисъ?—Кажется ли тебѣ, что онъ имѣлъ въ виду наилучшее, когда пѣлъ подъ звуки цитры?—Или, напротивъ, не возбуждалъ даже и удовольствія, потому что своимъ пѣніемъ мучилъ слушателей? Смотри же теперь,—всякое пѣніе подъ звуки цитры и поэзія диеирамвическая не кажутся ли тебѣ изобрѣтеніемъ для удовольствія?

Калл. Кажутся.

Сокр. Но что́ теперъ эта важная и дивная поэзія трагическая? О чемъ она заботится? Къ тому ли, думаешь, направлено ея намѣреніе и стараніе, чтобы только угодить зрителямъ, или она употребляетъ всѣ силы, какъ бы не сказать чего-нибудь, хоть и пріятнаго имъ и нравящагося, но вреднаго,—какъ бы все говорить и пѣть, хоть иногда и непріятное, да полезное, будутъ ли они рады тому, или

дѣйствительно могутъ улучшаться. Въ общество слѣдуетъ допускать только тѣ роды речей, которые суть βίου ρυθμοὶ καὶ ἀνδρείου. De Rep. III. p. 399 E. А всѣ гармоніи, противорѣчущія честности и добродѣтели, и поглажающія страстямъ, надобно изгонять.

¹ *Изученіе хоровъ и поэзія диеирамвическая.* О хорахъ, по мнѣнію Платона, см. *Vax. disp. de naturae simplicitate in Euripidis Oreste.* Диеирамвами назывались стихи въ честь Бахуса и отличались силою и стремительностію рѣчи, допускавшею свободу слововыраженія. Поэтому Гораций (Od. IV. 2. 10) говоритъ: seu per audaces nova dithyrambos verba devolvit numerosque fertur lege solutis. Надъ поэтами диеирамвическими смѣется Аристофанъ *Avv. v. 1885 sqq.*, гдѣ досталось и Кинисіасу. Кинисіасъ понимаемъ былъ, какъ поэтъ весьма дурнаго тона, и сужденіе Платона о немъ совершенно справедливо; ибо и Лизіасъ называетъ его ἀσεβέστατον καὶ παρανομώτατον. *Напросрат.* s. v. Κινησίας.

нѣтъ? Къ чему, кажется тебѣ, расположена поэзія трагическая?

С. *Калл.* Это-то явно, Сократъ, что она стремится болѣе къ удовольствію и къ угожденію зрителямъ ¹.

Сокр. А не это ли, Калликлъ, недавно назвали мы ласкательствомъ?

Калл. Конечно.

Сокр. Представь же, что кто-нибудь отъ поэтическаго сочиненія отнялъ и напѣвъ, и риѣмъ ², и метръ: не правда ли, что въ немъ тогда остались только рѣчи?

Калл. Необходимо.

Сокр. И эти самыя рѣчи произносятся толпѣ и народу?

Калл. Полагаю.

Д. *Сокр.* Стало быть, поэзія есть нѣкотораго рода ораторство.

Калл. Явно.

Сокр. Но ораторство есть риторика. Развѣ не кажется тебѣ, что поэты въ театрахъ риторствуютъ?

Калл. Кажется.

Сокр. Слѣдовательно теперь мы нашли какую-то риторику для такого народа, который состоитъ изъ дѣтей, женщинъ и мужчинъ, изъ рабовъ и свободныхъ, и этой риторикѣ не очень рады, потому что признали ее ласкательствомъ.

Калл. Конечно.

Сокр. Пускай. Но что же такое — риторика для афин-

¹ Трагики позволяютъ себѣ ложь и такіе обороты рѣчи, которыми легче понравится народу, и отъ которыхъ зрители *ἄμα χαίροντες κλάωσι*. См. Cratyl. p. 408 C. Phileb. p. 48 A. А такъ какъ видимое нами на сценѣ не чувствительно видѣруется въ душу и дѣлаетъ насъ похожими на тѣхъ героевъ и героинь, которыми мы любуемся (см. Protag. p. 314 B.. de Rep. X, p. 666); то и не удивительно, что Платонъ имѣлъ невыгодное понятіе о трагедіи, такъ что изгналъ ее изъ идеальнаго своего государства, вмѣстѣ съ комедіею.

² Напѣвъ или мелодія — *μέλος* есть модуляція голоса. Legg. II. p. 669 D. Различіе между риѣмомъ и гармоніею показывается въ Legg. II. p. 655 A. *τῆ δὲ τῆς κινήσεως τάξει ῥυθμὸς ὀνομαζέται, τῆ δὲ αὐτῆς ᾠδῆς τῆς ᾠδῆς τοῦ τε δέξις καὶ βῆσις συγκεκρημένον, ἡρμονίας ὄνομα προσηγορεύεται.*

скаго народа и для другихъ по городамъ народовъ, состоящихъ изъ людей свободныхъ? Чтò такое у насъ эта риторика? Кажется ли тебѣ, что риторы всегда говорятъ для наилучшаго и мѣтятъ на то, какъ бы гражданъ, посредствомъ своихъ рѣчей, сдѣлать наилучшими? или они такъ же стремятся угождать гражданамъ и, ради частной своей пользы, уничтожая благо общее, бесѣдуютъ съ народами, какъ съ дѣтьми, и стараются только доставлять имъ удовольствіе, а лучшими ли чрезъ то сдѣлаются они, или худшими, нисколько не заботятся?

Калл. Этотъ вопросъ твой еще не простъ: потому что 503. есть риторы, которые, что ни говорятъ, говорятъ по благопопечительности о народѣ; а есть и такіе, какихъ разумѣешь ты.

Сокр. Довольно. Какъ скоро и тутъ—два рода; то одинъ изъ нихъ вѣроятно—ласкательство и постыдное красноречіе, а другой—дѣло прекрасное, направляющееся къ тому, чтобы души гражданъ оказались наилучшими: это—усиліе говорить о вещахъ наилучшихъ, пріятно ли то будетъ слушателямъ, или не пріятно. Но подобной риторики ты никогда не знавалъ; а если о такомъ риторѣ можешь сказать, то почему не объявишь и мнѣ, кто онъ?

Калл. Да, клянусь Зевсомъ, я не могу указать тебѣ ни на одного изъ нынѣшнихъ риторовъ.

Сокр. Что жъ? а изъ древнихъ можешь ли указать на какого-нибудь, чрезъ котораго Аѳиняне, какъ скоро онъ началъ ораторствовать, имѣли причину сдѣлаться лучшими, тогда какъ прежде были хуже? Я-то, по правдѣ, не знаю, кто былъ бы таковъ.

Калл. Какъ? развѣ не слышалъ о доблестномъ мужѣThemistocles, о Кимонѣ, Мильтиадѣ и Периклѣ, который умеръ¹ недавно и котораго самъ ты слушалъ?

¹ Такъ какъ этотъ разговоръ представляется происходившимъ еще при жизни Архелая, то отъ времени смерти Перикла тогда надлежало считать около двадцати трехъ лѣтъ.

Сокр. Да, если то, что прежде называлъ ты добродѣтелию,—разумѣю удовлетвореніе собственнымъ пожеланіямъ и страстямъ другихъ,—есть истинная добродѣтель. А когда не такъ, когда истинно—другое, что принуждены были мы допустить въ послѣдующемъ разговорѣ? то-есть, когда D. пожеланіямъ, которыя, бывъ удовлетворены, дѣлаютъ человека лучшимъ, надобно удовлетворять, а худшимъ—не надобно, и для этого требуется какое-то искусство? Такого въ числѣ упомянутыхъ мужей можешь ли ты найти?

Калл. Не знаю, какъ сказать.

Сокр. Однакожь, если станешь искать хорошо, то найдешь. Начнемъ-ка такъ-себѣ спокойно разсматривать, и увидимъ, былъ ли таковъ кто-нибудь изъ нихъ. Напримѣръ, человѣкъ добрый и говорящій для наилучшаго, что бы онъ ни говорилъ, будетъ ли износить пустяки, не имѣя въ виду ничего? Равно какъ и всѣ художники, каждый смотря на свое дѣло, не наобумъ станеть выбирать нѣчто и прилагать къ собственной работѣ, что прилагаетъ, но будетъ дѣлать это съ цѣлю, чтобы своему произведенію сообщить извѣстный образъ. Вотъ, если хочешь, посмотри на живописцевъ, домостроителей, корабельныхъ мастеровъ и на всѣхъ другихъ художниковъ,—на любаго изъ нихъ, какъ всякій, что ни кладетъ,—кладетъ въ какой-либо порядокъ и требуетъ, чтобы одно было прилажено и подстроено подъ другое, пока цѣлое 504. не придетъ въ состояніе упорядоченнаго и благоустроеннаго произведенія. А какъ поступаютъ именно эти, теперь только упомянутые художники, такъ поступаютъ съ нашимъ тѣломъ врачи и гимнастики, то-есть извѣстнымъ образомъ устрояютъ его и упорядочиваютъ. Согласимся ли, что это такъ, или не согласимся?

Калл. Пусть это будетъ такъ.

Сокр. Слѣдовательно домъ, въ которомъ замѣчается порядокъ и благоустроенность, долженъ быть домъ хорошій; а когда—безпорядокъ, то худой?

Калл. Полагаю.

Сокр. Не то же ли и корабль?

Калл. Такъ.

В.

Сокр. Да то же, сказали мы, и наши тѣла?

Калл. Конечно.

Сокр. Ну, а душа? при безпорядкѣ ли будетъ она хороша, или при какомъ-нибудь порядкѣ и благоустроенности?

Калл. На основаніи прежнихъ положеній необходимо допустить и это.

Сокр. Но какое имя дается тѣлу по причинѣ существующаго въ немъ порядка и благоустройства?

Калл. Ты разумѣешь, можетъ быть, здоровье и силу?

Сокр. Да. А какъ называется то, что отъ порядка и благоустроенности бываетъ въ душѣ? Постарайся найти и сказать, какое бы этому имя? С.

Калл. Почему не скажешь самъ, Сократъ?

Сокр. Да если тебѣ угодно,—я скажу; а ты,—покажутся слова мои хорошими,—подтверди, а не то,—обличи и не допускай. По моему мнѣнію, добропорядочности тѣлесной имя—благосостояніе, отъ котораго въ тѣлѣ происходитъ здоровье и всякое другое тѣлесное совершенство. Такъ или нѣтъ?

Калл. Такъ.

Сокр. А добропорядочности и благоустроенности душевной названіе — законность и законъ, откуда — законныя и благонравныя дѣйствія, или справедливость и разсудительность. Подтверждаешь, или нѣтъ? D.

Калл. Пусть такъ.

Сокр. Не на это ли смотря, тотъ риторъ, — искусный и добрый, — будетъ принаровлять къ другимъ и рѣчи, которыя говорить, и всѣ дѣла? Даетъ ли онъ даръ,—дастъ, отнимаетъ ли что,—отниметъ, не то ли всегда имѣя въ виду, чтобы въ душахъ его гражданъ жила справедливость, а неправда была изгоняема,—жила разсудительность, а безразсудность и необузданность была оставляема,—жила и всякая другая добродѣтель, а зло удалялось? Соглашаешься или нѣтъ? E.

Калл. Соглашаюсь.

Сокр. Вѣдь какая польза, Калликль, — тѣлу, страдающему и разстроенному, давать пищу въ большомъ количествѣ, хотя бы и самую пріятную, равно какъ питье и другія вещи, которыя принесутъ ему не пользу, но по всей справедливости — скорѣе противное тому, или даже и того менѣе? Такъ ли?

505. *Калл.* Пусть такъ.

Сокр. Я не думаю, что человѣку съ разстроеннымъ тѣломъ жить выгодно; потому что такъ и жизнь необходимо разстроится. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Не правда ли также, что здоровому врачи большею частію позволяютъ исполнять желанія, на примѣръ, голодень, — ѣсть, жадеть, — пить, сколько хочется; больному же просто запрещаютъ удовлетвореніе пожеланій? Это допускаешь ли?

Калл. Допускаю.

В. *Сокр.* А касательно души, почтеннѣйшей, не то же ли самое? Доколѣ она худа, то-есть, несмысленна, развратна, несправедлива и нечестива, — не должно ли обуздывать ея пожеланія и позволять ей дѣлать только то, отъ чего она вышла бы лучшею? Полагаешь, или нѣтъ?

Калл. Полагаю.

Сокр. Такъ-то вѣдь и самой душѣ вѣроятно будетъ лучше?

Калл. Конечно.

Сокр. Но обуздывать пожеланія не значитъ ли — исправлять наказаніемъ?

Калл. Да.

Сокр. Стало быть, исправленіе посредствомъ наказанія для души лучше ненаказанности, какъ недавно тебѣ казалось?

Калл. Не знаю, чтò ты говоришь, Сократъ; спрашивай кого-нибудь другаго.

Сокр. Этотъ человѣкъ не терпитъ своей пользы и того

состоянія, о которомъ идетъ рѣчь, то-есть, исправленія чрезъ наказаніе ¹.

Калл. Да мнѣ—таки и надобности нѣтъ до твоихъ рѣчей. И то я отвѣчалъ тебѣ единственно для Горгіаса.

Сокр. Пускай. Такъ что же мы будемъ дѣлать? оставимъ свою бесѣду на половинѣ?

Калл. Чтò самъ знаешь.

Сокр. Но вѣдь и басень, говорятъ, на срединѣ не прерываютъ, а приставляютъ къ нимъ голову, чтобы онѣ безъ D. головы не ходили. Отвѣчай-ка мнѣ и на дальнѣйшіе вопросы; пусть наша бесѣда получить голову.

Калл. Какъ ты настойчивъ, Сократъ! Но если угодно меня послушаться, то оставь этотъ разговоръ, или по крайней мѣрѣ разговаривай съ кѣмъ-нибудь другимъ.

Сокр. Да кто же захочетъ? Нѣтъ ужъ, мы своей бесѣды не оставимъ неоконченною.

Калл. А самъ ты не можешь привести ее къ концу, либо говоря одинъ, либо отвѣчая самому себѣ?

Сокр. Чтобы надо мной сбылись слова Эпихарма ²: «о Е. чемъ прежде говорили двое, на то станетъ меня одного.»— Но это вѣроятно была бы уже крайняя необходимость. Если же и сдѣлаемъ такъ,—все—таки мы должны, думаю, другъ предъ другомъ стараться узнать, чтò въ предметъ нашей рѣчи истина и чтò ложь; ибо въ этомъ очевидно — общее всѣхъ благо. Итакъ я, пожалуй, раскрою предметъ собственной рѣчью, какъ о немъ думаю: но если кому изъ ⁵⁰⁶ васъ покажется, что я неправильно соглашаюсь съ собою,—вы должны возразить и обличить меня; ибо все, чтò гово-

¹ *Исправленія чрезъ наказаніе, κολαζόμενον.* О значеніи глагола *κολλάζεσθαι* см. *Aristot. Rhetor. I, 10, 17. διαφέρει δε τιμωρία καὶ κόλασις· ἡ μὲν γὰρ κόλασις τοῦ πάσχοντος ἕνεκα ἐστίν, ἡ δὲ τιμωρία τοῦ ποιοῦντος, ἵνα ἀποπληρωθῆ.* То-есть *κόλασις* есть наказаніе для исправленія виновнаго; а *τιμωρία* есть наказаніе обидчика, для удовлетворенія за обиду. *Wittenbach. ad Select. Princ. Hist. p. 372.*

² Здѣсь Сократъ имѣетъ въ виду стихъ Эпихарма у Атеня (Deipnosoph. VII с. 16). *ἔγω δὲ κατὰ τὸν σοφὸν Ἐπίχαρμον, μηδὲν ἀποκρινάμενον τοῦ κυνός. Τὰ πρὸ τοῦ δὴ ἄνδρες ἔλεγον, εἰς ἐγὼν ἀποχρίω.*

рю, говорю вѣдь не какъ знатокъ, а только изслѣдываю вмѣстѣ съ вами; такъ что возражатель едва лишь начнетъ утверждать дѣло,—я первый уступлю ему. А говорить буду я для того, что вы считаете нужнымъ довести нашу бесѣду до конца. Если же не хотите этого, — оставимъ ее и В. разойдемся.

Горг. Нѣтъ, Сократъ, мнѣ кажется, что уходить не надобно; ты долженъ раскрыть предметъ собственную рѣчью. Да то же, думаю, кажется и другимъ. Признаться, я и самъ хотѣлъ бы послушать, какъ раскроешь ты остальное.

Сокр. Правду сказать, Горгиасъ, мнѣ пріятно было бы продолжать разговоръ съ Калликломъ, чтобы наконецъ на слова Зиеа ¹ отвѣчать ему изреченіемъ Амфіона: но такъ какъ ты, Калликлъ, не хочешь окончить бесѣды, то по крайней мѣрѣ слушай меня и возражай, если покажется С. тебѣ, что говорю не хорошо. Обличенный тобою, я не разсержусь на тебя, какъ ты на меня, а напротивъ запишу тебя, какъ великаго моего благодѣтеля ².

Калл. Говори самъ, добрякъ, и окончи.

Сокр. Слушай же. Я поведу рѣчь съ начала.—Пріятное и доброе одно ли и то же?—Не одно и то же, какъ согласились я и Калликлъ. — Пріятное ли надобно дѣлать для добраго, или доброе — для пріятнаго? — Пріятное для добраго.—Но пріятное есть то, отъ присутствія чего мы чувствуемъ удовольствіе, а доброе—то, отъ присутствія чего D. мы добры? — Конечно. — Добры же мы, какъ и всѣ про-

¹ Калликлъ прежде принялъ (р. 185 Е. sqq.) лице Зиеа и убѣждалъ Сократа оставить философію, подобно тому, какъ Зиеъ убѣждалъ Амфіона оставить музыку: а теперь — наоборотъ, Сократъ хотѣлъ бы взять сторону Амфіона и расположить Калликла къ философіи.

² Имя *благодѣтель* — *εὐεργέτου* у Грековъ было именемъ столь почетнымъ, что его нерѣдко испрашивали у нихъ вожди другихъ націй. Если же Афиняне кого-нибудь удостоивали такого титула, то это называлось *ἀναγράζειν* или *ἀνακηρυττεῖν τινὰ εὐεργέτην τῆς πόλεως*. См. Wolf. ad Demosth. Leptin. p. 285. Это названіе вошло у нихъ въ пословицу, о чемъ см. Hemsterhus. ad Lucian. Dial. Mort. p. 367. Plat. Apolog. Socr. p. 36 D.

чіе, бываемъ тогда, когда имѣется какая-нибудь добродѣтель? — По мнѣ, это необходимо, Калликлъ. — А добродѣтель-то каждой вещи, — и сосуда, и тѣла, и души, и всякаго животнаго, — имѣется въ ней не какъ нѣчто прекрасное безъ пути, но обнаруживается порядкомъ, правильностію и искусствомъ, чтò сообщается всѣмъ имъ. Не такъ ли? — Я полагаю, что непременно такъ. — Слѣдовательно добродѣтель каждаго есть нѣчто, введенное въ е. порядокъ и благоустройство? — Могу полагать. — Стало быть, каждое сущее дѣлается добрымъ отъ собственнаго каждому и находящагося въ каждомъ благоустройства? — Мнѣ кажется. — И душа, имѣющая свое благоустройство, значить, лучше неблагоустроенной? — Необходимо. — Но вѣдь имѣя благоустройство-то, она — благонравна? — Да какъ не быть? — А будучи благонравною-то, она разсудительна? — Совершенно необходимо. — Слѣдовательно душа разсудительная—добра.—Противъ этого я ничего не могу сказать, любезный Калликлъ. А ты,—если можешь, научи. 507.

Калл. Говори, добрякъ.

Сокр. Говорю, что если душа разсудительная добра, то по своимъ качествамъ противная разсудительной — зла: а такую не была ли у насъ душа бессмысленная и необузданная? — Конечно. — Но разсудительный-то, въ отношеніи къ богамъ и людямъ, дѣлаетъ, чтò нужно; ибо дѣлающій не то, чтò нужно, не былъ бы и разсудительнымъ. — Это необходимо такъ. — Дѣлающій же, чтò нужно въ отношеніи къ лю- В. дямъ, дѣлаетъ справедливое, а въ отношеніи къ богамъ—благочестивое. А кто дѣлаетъ справедливое и благочестивое, тотъ необходимо справедливъ и благочестивъ. — Правда. — Стало быть необходимо также и мужественъ. Вѣдь челоуѣку разсудительному несвойственно ни преслѣдовать, ни убѣгать, чего не нужно, но свойственно и преслѣдовать и убѣгать, чтò должно, въ отношеніи и къ дѣламъ, и къ людямъ, и къ удовольствіямъ, и къ неприятностямъ; такъ что рассу- С. дительному, какъ мы раскрыли, Калликлъ, если онъ чело-

вѣкъ справедливый, мужественный и благочестивый, крайне необходимо быть совершенно добрымъ; а доброму, все, что ни дѣлаетъ онъ,—дѣлать хорошо и прекрасно; дѣлающему же хорошо — наслаждаться блаженствомъ и счастьемъ, равно какъ злему и дѣлающему дурно — быть несчастнымъ. Но такой-то, противоположный разсудительному, есть тотъ ненаказываемый, котораго ты хвалилъ.—Я именно такъ полагаю и говорю, что это справедливо. — Если же справедли-

Д. во, то желающій быть счастливымъ, очевидно, долженъ преуспѣвать и подвизаться въ разсудительности, а ненаказанности избѣгать, сколько у каждаго изъ насъ силъ, и приводить себя въ такое состояніе, чтобы не имѣть нужды въ наказаніи; кто же, либо самъ, либо другой—его ближній, частный человѣкъ или цѣлый городъ, имѣетъ въ этомъ нужду и хочетъ быть счастливымъ, того предавать суду и наказанію. Это-то, мнѣ кажется,—цѣль, которую въ жизни надобно имѣть передъ глазами и относить къ ней все,—какъ свое такъ и общественное; чтобы то-есть стремящійся къ блаженству не разлучался съ справедливостію и разсудительностію,—вообще не позволялъ себѣ необузданныхъ пожеланій и жизни разбойнической, старающейся удовлетворять имъ,—этому ненавистному злу. Вѣдь такой человѣкъ не можетъ быть пріятель ни другому человѣку, ни Богу; потому что онъ не способенъ къ общенію: а у кого нѣтъ общительности, у того нѣтъ и дружбы. Мудрецы говорятъ ¹, Калликлъ, что общительность, дружба, благонравіе, разсудительность

Е. и справедливость сохраняются на небѣ и на землѣ, у боговъ и у людей, и что по этой причинѣ, другъ мой, міръ назы-

¹ Кто эти мудрецы? Schol. Σοφοὺς ἐν ταῦτα τοὺς Πυθαγορείους φησὶ καὶ διαφερόντως τὸν Ἐμπεδοκλῆα, φάσκοντα τὴν φιλίαν ἐνοῦν τὴν σφαίραν ἐνοποιῶν εἶναι. Къ этому сверхъ того Олимпіодоръ прибавляетъ: ἡ γὰρ φιλία πρὸς τῇ μῆ τῶν πάντων ἐστὶν ἀρχὴ· εἰ γὰρ ἐκεῖ ἑνωσις πανταχοῦ καὶ οὐδαμοῦ διακρίσις. Ὁ οὖν ἀδικὸς παντὶ ἐχθρὸς ἐστὶ καὶ οὐδενὶ κοινοῦεῖ. Объ этомъ ученіи Эмпедокла см. ученѣйшее сочиненіе Стурдзы, подъ заглавіемъ: Empedocles Agrigentinus T. I. p. 214—255. Почему Платонъ указываетъ здѣсь на ученіе Эмпедокла, замѣчено выше p. 493 A.

вается у нихъ благоустройствомъ (*κόσμος*) ¹, а не неустройствомъ и ненаказанностію. Но ты, кажется, не обращаешь на это вниманія, хотя и мудрецъ: ты забылъ, что геометрическое равенство ² имѣетъ великую силу и между богами, и между людьми; у тебя на умѣ — какъ бы получить больше, потому что о геометріи ты не думаешь.—Пускай. Такъ надобно — либо опровергнуть это положеніе наше и доказать, что счастливые счастливы не отъ приобрѣтенія В. справедливости и разсудительности, а несчастные несчастны не отъ зла; либо, когда оно справедливо, — нѣсколько заняться разсмотрѣніемъ слѣдствій. Изъ этого, Калликлъ, слѣдуетъ все прежнее, о чемъ ты спрашивалъ меня: то-есть, серьезно ли я говорю, что надобно обвинять и себя, и сына, и друга, когда онъ наноситъ обиду, и для того-то именно пользоваться риторикою. Стало быть, и то справедливо, въ чемъ Полосъ, какъ тебѣ казалось, согласился отъ стыда, именно — причиненіе обиды, въ сравненіи съ перенесеніемъ ея, востолько постыднѣе, восколько хуже; да равно и то, что желающій быть въ точномъ смыслѣ риторомъ долженъ соблюдать справедливость и знать ее, — что опять, по мнѣнію Полоса, Горгіасъ будто бы допустилъ отъ стыда. Если же такъ, то разсмотримъ, что значать унижительныя твои выраженія на мой счетъ: хорошо ли сказано или нѣтъ, что я не въ состояніи подать помощь ни себѣ, ни своему другу, или родственнику, и избавить его отъ величайшихъ опасностей, что я, подобно людямъ безчестнымъ, зависящимъ отъ прихоти человѣка ³, завишу отъ всякаго жсла- D.

¹ Первый изъ философовъ, назвавшій благоустройство вселенной *κόσμος*, былъ Пифагоръ. Ernest. ad Xenoph. memor: I, 1. 11.

² Геометрическое равенство. Schol. τοῦτ' ἐστὶν ἡ δικαιοσύνη. Ταύτην δὲ τὴν γεωμετρικὴν ἀναλογίαν Διδὸς κρίσιν ἐν Νόμοις ἐκάλεσεν, ὡς δι' αὐτῆς τῶν πάντων κεραιμένων τε καὶ ὀρισμένων. Въ книгѣ de Legg. (VI. p. 756 E. sqq.) Платонъ различаетъ равенство арифметическое, состоящее въ опредѣленіи всего числомъ, въсомъ и мѣрою, — вообще внѣшнимъ равенствомъ, и равенство геометрическое, которое всему воздаетъ то, что чему слѣдуетъ, и потому есть мѣра равенства внутренняго и истиннаго.

³ Подобно людямъ безчестнымъ, зависящимъ отъ прихоти человѣка, — ὅσπερ οἱ Соч. Плат. Т. II. 22

ющаго, кто бы ни захотѣлъ—ударить ли меня по уху,—это было удалое твое выраженіе, — отнять ли у меня деньги, выгнать ли меня изъ общества, или вовсе лишить жизни. Находиться въ такомъ положеніи, говорилъ ты, есть дѣло самое постыдное: а я говорю противное, что уже многократно было говорено, и что сказать не мѣшаетъ еще одинъ разъ. Я утверждаю, Калликль, что быть несправедливо удареннымъ по уху и отдать подъ ножъ свое тѣло, либо свой кошелекъ—вовсе не постыдно, но что гораздо постыднѣе и хуже—несправедливо бить и рѣзать какъ меня, такъ и мое,—что для обидчика—украсть, закабалить, подкопаться подъ стѣну и вообще—нанести какую бы то ни было обиду мнѣ или моему—гораздо постыднѣе и хуже, чѣмъ для меня — обижаемаго. Итакъ, что показалось намъ выше, въ 509. прежней рѣчи, говорю я, то держится и связано—если можно употребить выраженіе нѣсколько дикое — желѣзными и алмазными словами; такъ что, пока эти слова не будутъ расторгнуты либо тобою, либо кѣмъ-нибудь мужественнѣе тебя,—кажется, никому не возможно сказать хорошо, говоря иначе, чѣмъ я теперь говорю. У меня—всегда одна и та же рѣчь: не знаю, какъ это бываетъ; но когда я напалъ на какую-нибудь мысль, какъ теперь, — никто не можетъ утверждать иначе, не дѣлаясь смѣшнымъ. Итакъ полагаю, что это справедливо. Но какъ скоро справедливо, и обида для самого обидчика есть величайшее изъ золъ, а то, когда обидчикъ не подвергается наказанію,—даже, если возможно, и больше этого величайшаго зла; то какой помощи немогущій доставить себѣ человекъ будетъ по истинѣ смѣшонъ? — не той ли, которая отвратила бы отъ насъ величайшій вредъ? По всей справедливости, самая постыд-

ἀτιμος τοῦ ἐδίδουτος, то-есть ἀπὸ τοῦ ἐδίδουτος. Здѣсь разумѣется родъ самаго великаго гражданскаго безчестія, по которому лице, виѣтъ съ его потомствомъ, лишается всѣхъ гражданскихъ правъ и не пользуется покровительствомъ закона. Общественное безчестіе у Грековъ было трехъ степеней. См. *Meyer de bonis damnat.* p. 101 sqq. 137 sqq. и *Lit. Attic.* p. 563.

ная помощь — именно эта: не мочь пособить ни себѣ, ни своимъ друзьямъ, ни родственникамъ; вторая же будетъ близкая въ отношеніи ко второму злу, третья—къ третьему, и такъ далѣе. Чѣмъ выше по природѣ извѣстное зло, тѣмъ прекраснѣе возможность — подать противъ него помощь, и тѣмъ постыднѣе невозможность. Такъ или нѣтъ, Калликлъ?

Калл. Неиначе.

Сокр. Поэтому, изъ двухъ золъ — наносить обиду и получать ее, нанесеніе обиды мы назовемъ зломъ бѣльшимъ, а полученіе ея — меньшимъ. Но чѣмъ могъ бы быть снабженъ человѣкъ къ подаванію себѣ такой помощи, чтобы имѣть обѣ эти пользы,—и происходящую отъ ненанесенія обиды, и ту, D. которая проистекаетъ изъ неполученія ея? — Силою ли это, или волею? Я говорю такъ: потому ли онъ не будетъ получать обидъ, что не хочетъ быть обижаемымъ, или потому, что снабженъ силою—не быть обижаемымъ?

Калл. Явно, что послѣднее,—поколикъ снабженъ силою.

Сокр. Ну, а касательно нанесенія обидъ? Довольно ли будетъ не хотѣть наносить обиды,—такъ и не обидить, или для этого требуется еще какая-нибудь сила и искусство, такъ что E. незнающій этого и незанимающійся этимъ непременно будетъ наносить обиды? На это-то именно отвѣчай мнѣ, Калликлъ. Справедливо или нѣтъ, по твоему мнѣнію, въ прежней бесѣдѣ мы—я и Полось—принуждены были согласиться, что никто не наноситъ обиды по желанію, но что всѣ обидчики обижаютъ нехотя?

Калл. Пускай будетъ такъ, Сократъ, чтобы кончить бесѣду.

Сокр. Стало быть, для того-то, повидимому, и нужно при- 510. готовить какую-нибудь силу и искусство, чтобы мы не обижали.

Калл. Конечно.

Сокр. Но что за искусство, приготавливаемое съ цѣлію—нисколько, или весьма мало быть обижаемымъ? Смотри,

то ли кажется и тебѣ, что мнѣ. А мнѣ кажется слѣдующее: надобно либо самому начальствовать и господствовать въ обществѣ, либо быть другомъ поставленнаго правительства.

Калл. Видишь ли, Сократъ, какъ я готовъ хвалить тебя, когда ты говоришь что-нибудь хорошо? По моему мнѣнію, В. это сказано прекрасно.

Сокр. А если тебѣ кажется, что я говорю хорошо, то разсмотри и слѣдующее: подобный подобному, какъ говорятъ сами древніе мудрецы, думаю, больше всего другъ. Такъ ли по твоему?

Калл. И по моему.

Сокр. Пусть же гдѣ-нибудь господствуетъ правитель жестокой и необразованный, и въ томъ же обществѣ находится человѣкъ гораздо лучше его: тираннъ не будетъ ли бояться С. этого человѣка и отъ всей души избѣгать его дружбы?

Калл. Такъ.

Сокр. Да и когда кто окажется гораздо хуже, чѣмъ самъ онъ, — тираннъ конечно презрять его и не захочетъ принять въ друзья себѣ.

Калл. И это вѣрно.

Сокр. Такъ остается, что достойный его другъ — только тотъ, кто одного съ нимъ нрава, кто захочетъ находиться подъ властію правителя и подчиняться ему, одно съ нимъ хваля и порицая. Такой человѣкъ будетъ имѣть великую силу въ обществѣ, и его безъ опасенія никто не обидитъ. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Слѣдовательно, если въ этомъ обществѣ кто-нибудь изъ молодыхъ людей подумаетъ: какимъ бы образомъ сдѣлаться мнѣ человѣкомъ сильнымъ и поставить себя внѣ обидъ? то путь ему, какъ видно, предлежитъ такой: тотчасъ съ молодыхъ лѣтъ привыкать любить и ненавидѣть одно и то же съ властелиномъ и приготовить себя такъ, чтобы сколько можно болѣе походить на него. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Такъ ему-то удастся избѣжать обидъ и, какъ вы говорите, имѣть великую силу въ городѣ? Е.

Калл. Конечно.

Сокр. Но удастся ли ему также и не обижать? Или далеко до того, если онъ будетъ походить на правителя несправедливаго и получить у него великую силу? Вѣдь я думаю, что въ немъ напротивъ обнаружится расположеніе— сколько возможно болѣе наносить обидъ и, обижая, не подвергаться наказанію. Не правда ли? 511.

Калл. Кажется.

Сокр. Поэтому его, какъ человѣка съ душою развратною, испорченною подражаніемъ властелину и избыткомъ силы, будетъ сопровождать величайшее зло.

Калл. Не знаю, Сократъ, какъ ты всегда вертишься въ своихъ словахъ туда и сюда. Развѣ тебѣ неизвѣстно, что этотъ подражатель, если захочетъ, убьетъ того, кто не подражаетъ, и возметъ его имущество?

Сокр. Извѣстно, добрый Калликлъ, если только я не в глухъ, если могу часто слышать тебя, Полоса, и едва не всѣхъ въ городѣ. Но послушай и ты меня. Онъ конечно убьетъ, если захочетъ; но вѣдь убьетъ человѣкъ дурной человѣка хорошаго и добраго.

Калл. Такъ что жъ? это-то и досадно?

Сокр. По крайней мѣрѣ не для умнаго человѣка, какъ видно изъ моихъ словъ. Думаешь ли, что человѣкъ долженъ заботиться о томъ, какъ бы долѣе прожить и заниматься тѣми искусствами, которыя всегда избавляютъ насъ отъ опасностей, подобно тому, какъ ты велишь мнѣ заниматься риторикою, которая защищаетъ насъ въ судахъ?

Калл. Да, клянусь Зевсомъ, я совѣтовалъ тебѣ дѣльно.

Сокр. Что жъ, почтеннѣйшій? наука плавать кажется ли тебѣ достойною уваженія?

Калл. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Однакожъ и она избавляетъ людей отъ смерти, ког-

да кто находится въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ бываетъ нужна ея помощь? Впрочемъ, если эта кажется

- D. тебѣ маловажною,—я назову другую выше этой, напр. кораблевожденіе, которое, какъ и риторика, спасаетъ отъ крайнихъ опасностей—не только души, но и тѣла, и имущество. Кораблевожденіе расположено къ умѣренности и скромности: оно не величается въ блестящемъ нарядѣ, будто совершаетъ что-нибудь чрезвычайное, но, дѣлая то же, что судебная риторика, за благополучный перевозъ съ Эгины сюда беретъ, кажется, два овола, а перевезши изъ Египта, либо изъ Понта, и сохранивъ, какъ сейчасъ сказано, и самого тебя, и дѣтей, и имущество, и женщинъ, и доставивъ все это въ пристань, за такое великое благодареніе получаетъ—много какъ двѣ драхмы. И не смотря на такое свое искусство и такія дѣла, кораблеводитель, плавая по морю и ходя на кораблѣ, сохраняетъ скромную наружность; ибо умѣетъ, думаю, рассчитать, что онъ не знаетъ, кому изъ своихъ сопутниковъ принесъ пользу, не давъ имъ
512. утонуть, и кому вредъ, а знаетъ, что они сошли съ его корабля не лучшими по душѣ и тѣлу, какъ и взошли на него. Кораблеводитель размышляетъ, что кто, тѣлесно пораженный великими и неизлечимыми болѣзнями, не захлебнулся, тотъ жалокъ,—зачѣмъ онъ не умеръ, и тому не принесъ онъ пользы: да и тому, кто многія и неисцѣлимыя болѣзни нося въ душѣ, которая дороже тѣла, не долженъ жить,—и тому не принесъ бы онъ пользы, откуда бы ни исхитилъ
- B. его, изъ моря ли то, изъ судилища, или изъ какой другой бѣды. Знаетъ онъ, что человѣку развратному жить не лучше; ибо ему необходимо вести жизнь худо. Поэтому кораблеводителю, хотя онъ и спасаетъ насъ, не въ обычаѣ величаться. Да не въ обычаѣ это, любезный, и механику, который можетъ спасти не менѣе, какъ и военачальникъ, и самый кораблеводитель, и всякій другой; потому что иногда спасаетъ онъ цѣлые города. Не кажется ли тебѣ, что онъ идетъ въ сравненіе съ судебнымъ ораторомъ? И что

еще? еслибы захотѣлъ онъ говорить, что говорите вы, Калликлъ, и величаться своимъ дѣломъ; то закидалъ бы васъ словами, разсуждая и убѣждая, что надобно сдѣлать-ся механиками, и что все прочее ничтожно, — вѣдь рѣчь у него сильна. Однакожь ты тѣмъ не менѣе презираешь и его самого, и его искусство, и имя механика произносишь какбы съ пренебреженіемъ, такъ что за его сына не захотѣлъ бы выдать своей дочери, а за своего—не рѣшился бы взять его дочь. Но если ты имѣешь причины хвалить свое; то по какой справедливой причинѣ презираешь механика и тѣхъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ? — Знаю, что скажешь: ты лучше ихъ и отъ лучшихъ производишь. D. Но какъ скоро лучшее — не то, что лучшимъ называю я, какъ скоро добродѣтель состоитъ именно въ томъ, чтобы спасти себя и свое, каковъ бы кто ни былъ; то презрѣніе твое въ отношеніи къ механику, врачу и другимъ художникамъ, назначеннымъ для спасенія, становится смѣшнымъ. Смотри-ка, почтениѣйшій, нѣтъ ли тутъ чего иного—благороднаго и добраго, кромѣ желанія спасти и спастись. Вѣдь истинному-то мужу надобно оставить заботу о томъ, чтобы E. жить какъ можно долѣе: онъ не долженъ быть животолюбивъ, но, поручивъ пещись объ этомъ Богу и вѣря женщинамъ, что отъ судьбы никто не уйдетъ, обязанъ изслѣдовать, какимъ бы образомъ будущее время своей жизни провести наилучше? уподобляться ли тому обществу, въ которомъ живетъ? а тебѣ слѣдовательно не надобно ли дѣлаться сколько можно болѣе похожимъ на аѣинскій народъ, 513. если хочешь ему нравиться и имѣть великую силу въ городѣ? Но смотри, полезно ли это тебѣ и мнѣ. Знаешь, что случилось съ Фессаліянками, которыя, говорятъ, свели луну¹. Какъ бы намъ, дружище, пріобрѣтеніе этой силы въ

¹ Объ этомъ мнѣ см. Voss. ad Virg. Eclog. VIII. v. 69 sqq. Carmina vel coelo possunt deducere lunam. Поговорка «свести луну» у Грековъ обратилась въ пословицу. Svidas: ἐπὶ σαυτῶ την σελήνην καθέλκεις· αἱ τὴν σελήνην καθέλκουσαι Θεσσαλίδες λέγονται τῶν ὀφθαλμῶν καὶ τῶν ποδῶν (Zenop-

- городѣ не досталось съ потерюю благъ драгоцѣннѣйшихъ. А если думаешь, что кто-нибудь изъ людей сообщить тебѣ такое искусство, которое, и при твоёмъ несходствѣ съ обществомъ—въ хорошемъ ли то или въ худомъ,—сдѣлаетъ
- В.** тебя сильнымъ въ городѣ: то мнѣ кажется, ты невѣрно думаешь, Калликлъ; потому что надобно не подражать ему, а внутренно походить на него, когда хочешь войти въ искреннее дружество съ аѳинскимъ народомъ и даже, клянусь Зевсомъ, съ сыномъ Пириламповымъ. Итакъ, кто сдѣлаетъ тебя весьма похожимъ на нихъ, тотъ сдѣлаетъ тебя, чего самъ желаешь,—правителемъ и риторомъ: ибо каждый радъ слову, когда оно созвучно съ его наклонностию; а чуждое для ней всякому ненавистно. Развѣ скажешь что другое, любезная голова? Возразимъ ли противъ этого, Калликлъ?

Калл. Не знаю, какъ-то представляется, что ты, Сократъ, хорошо говоришь; однакожь мое чувство—на сторонѣ большинства: я не очень вѣрю тебѣ.

- Сокр.* Конечно та, запавшая въ твою душу любовь къ народу противустоить мнѣ, Калликлъ: но если мы будемъ почаще и получше разсматривать это самое,—повѣришь.
- Д.** Вспомни-ка,—мы назвали два способа попеченія какъ о тѣлѣ, такъ и о душѣ: одинъ печется объ ихъ удовольствіи, другой—объ ихъ улучшеніи, и не поблажаетъ, а противится. Не это ли тогда опредѣлили мы?

Калл. Конечно.

Сокр. Ну такъ тотъ, что для удовольствія, неблагороденъ, и есть не болѣе, какъ ласкательство. Не такъ ли?

Калл. Если хочешь, пусть и такъ.

- Е.** *Сокр.* А другой-то направляется къ тому ¹, какъ бы сдѣ-

bis leg. παιδῶν) στερήσασθαι. Εἴρηται οὖν ἡ ποροικία ἐπὶ τῶν ἑαυτοῖς κακὰ ἐπισκομένων. Платонъ этимъ миеомъ выражаетъ слѣдующую мысль: смотри, Калликлъ, какъ бы намъ, вмѣстѣ съ властію въ обществѣ, не потерпѣть того же, что потерпѣли Фессаліянки, сведши луну съ неба; то-есть, какъ бы намъ чрезъ эту самую власть не лишиться чистоты сердца, здоровья души или добродѣтели.

¹ То-есть, τοῦτο σπουδάζει, — имѣть въ виду, какъ бы сдѣлать ихъ наилучшими.

латъ ихъ наилучшими, — тѣло ли это будетъ, или душа, о чемъ мы заботимся?

Калл. Конечно.

Сокр. Но не такъ ли слѣдуетъ намъ взяться за попеченіе о городѣ и гражданахъ, чтобы сдѣлать ихъ гражданами наилучшими?—ибо безъ этого, если, то-есть, разсудокъ ихъ не будетъ добропорядоченъ, нѣтъ пользы, какъ мы прежде нашли, оказывать имъ какое-нибудь благодѣяніе,—давать много денегъ, ввѣрять надъ кѣмъ-либо власть, или облекать ихъ иною силою. Положимъ ли, что это такъ? 514.

Калл. Конечно, если тебѣ угодно.

Сокр. Пусть же теперъ мы, занимаясь публично гражданскими дѣлами, приглашаемъ другъ друга къ домостроительству, къ построенію либо стѣнъ, либо судовъ, либо храмовъ, — къ возведенію большихъ зданій. Не надлежало ли намъ сперва разсмотрѣть самихъ себя и испытать — во-первыхъ, знаемъ ли мы это строительное искусство, или не знаемъ, и у кого учились ему? Надлежало или нѣтъ? В.

Калл. Конечно.

Сокр. А во-вторыхъ слѣдующее: построили ли мы сами по себѣ когда-нибудь зданіе—либо кому изъ друзей, либо себѣ самимъ, и красиво ли то зданіе, или безобразно? Если чрезъ разсмотрѣніе откроется, что у насъ были отличные и славные учителя, что много прекрасныхъ зданій воздвигли мы вмѣстѣ съ учителями, а многія построили самостоятельно, когда уже оставили своихъ учителей; то, подъ условіемъ такого состоянія, благоразумно будетъ приступить намъ къ дѣламъ общественнымъ. А когда мы не можемъ указать ни на своихъ учителей, ни на какія-либо зданія, или, хотя и много ихъ, да они ничего не стоятъ; — благоразуміе вѣроятно уже не позволило бы намъ братья за дѣла общественныя и приглашать къ нимъ другъ друга. Справедливо ли это, скажемъ, или несправедливо? С.

Калл. Конечно.

D.

Сокр. Не такъ ли бываетъ и все прочее, какъ было бы,

когда, принимаясь, на примѣръ, за общественную практику, мы бы, по обычаю искусныхъ врачей, пригласили другъ друга и разсматривали—я тебя, а ты меня: что, ради боговъ, самъ-то Сократъ каковъ въ тѣлесномъ своемъ здоровьи? притомъ, исцѣлилъ ли онъ отъ болѣзни кого другаго,—раба или свободнаго? Подобное этому и я изслѣдовалъ бы, думаю, Е. въ отношеніи къ тебѣ. И еслибы мы нашли, что чрезъ насъ по тѣлу лучшимъ не сдѣлался никто—ни изъ иностранцевъ, ни изъ Аѳинянъ, ни мужчина, ни женщина; то, ради Зевса, Калликлъ, не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ было бы дойти людямъ до такого безумія, что прежде чѣмъ удалось намъ многое произвести какъ-нибудь частно, многое совершить съ похвалою, успѣшно занявшись искусствомъ; мы, по пословицѣ-таки, беремся устроить гончарню въ бочкѣ¹,—рѣшаемся и сами имѣть общественную практику, и другихъ приглашать къ тому же? Не кажется ли тебѣ, что безумно было бы поступать такимъ образомъ?

515. *Калл.* Кажется.

Сокр. Но теперь, такъ какъ ты, наилучшій изъ людей, едва начавъ самъ участвовать въ дѣлахъ города, уже приглашаешь меня и укоряешь, что я не участвую въ нихъ,—теперь не разсмотрѣть ли намъ другъ друга? Что, Калликлъ сдѣлалъ ли лучшимъ кого-нибудь изъ гражданъ? Есть ли такой иностранецъ или Аѳинянинъ, рабъ или свободный, кто, прежде бывъ несправедливымъ, злымъ, развратнымъ и безразсуднымъ, чрезъ Калликла сталъ прекрасенъ и добръ?

В. Положимъ, спросятъ тебя объ этомъ, Калликлъ: скажи мнѣ, что будешь отвѣчать,—кого назовешь, кто, чрезъ обращеніе съ тобою, сталъ человѣкомъ лучшимъ?—Медлишь отвѣтомъ, не знаешь, найдется ли такое дѣло въ частной твоей жизни, прежде чѣмъ взялся ты за дѣла общественныя?

Калл. Спорщикъ ты, Сократъ.

¹ Устроить гончарню въ бочкѣ. Объ этой пословицѣ см. примѣч. къ Лаксесу р. 187 В. *Erasm. Adagg.* р. 227.

Сокр. Однакожь я спрашиваю-то не по любви къ спору, а потому, что дѣйствительно хочу знать, какимъ образомъ должно быть управляемо наше общество, и приступившій къ дѣламъ города будетъ ли у насъ имѣть, какую-нибудь иную заботу, кромѣ той, какъ бы намъ, гражданамъ, сдѣлаться наилучшими. Не согласились ли мы уже нѣсколько разъ, что въ этомъ именно состоитъ долгъ политика? Согласились или нѣтъ?—Отвѣчай.—Я за тебя отвѣчаю, что согласились. — Если же мужъ добрый обязанъ этимъ услуживать своему городу, то подумай теперь и скажи: тѣ мужи, о которыхъ недавно упоминалъ ты, — Периклъ, Кимонъ, Мильтиадъ,Themistocle, — еще ли кажется тебе, были гражданами добрыми?

Калл. Мнѣ-то кажется.

Сокр. А если добрыми, то явно, что каждый изъ нихъ дѣлалъ худшихъ своихъ гражданъ лучшими. Дѣлалъ или нѣтъ?

Да.

Сокр. Когда, то-есть, Периклъ начиналъ говорить народу, Аѣиняне были хуже, чѣмъ тогда, когда онъ оканчивалъ свою рѣчь?

Калл. Можетъ быть.

Сокр. Но на основаніи допущеннаго, говори уже не *можетъ быть*, а необходимо, какъ скоро онъ былъ добрымъ-то гражданиномъ.

Калл. Такъ что жъ?

Сокр. Ничего. Скажи-ка мнѣ къ этому вотъ что: говорятъ ли, что чрезъ Перикла Аѣиняне стали лучшими, или утверждаютъ противное, — что они испорчены Перикломъ ¹?

Е.

¹ Показавъ, что ораторы не должны льстить народу и стремиться къ личной пользѣ, Сократъ естественно не могъ уже одобрить управленія Периклова; потому что съ того самаго времени, какъ началъ Периклъ управлять республикою, Аѣиняне стали болѣе и болѣе портиться нравственно, — предавались лѣности и праздности, непрестанно искали увеселеній, цѣлые дни проводили то въ театрахъ, то въ циркахъ, то въ общественныхъ собра-

Вѣдь я слышалъ, будто онъ сдѣлалъ Аѳинянъ лѣнивыми, робкими, болтливыми и жадными къ деньгамъ, потому что первый установилъ давать за службу жалованье ¹.

Калл. Ты, Сократъ, слушаешь людей съ проколотыми ушами ².

Сокр. Но я не только слышу это, —самъ ясно знаю, равно какъ и ты, что Периклъ сперва пользовался славою, и Аѳиняне, пока были хуже, не произносили никакого мнѣнія
516. къ его безчестію, а при концѣ жизни Перикла, когда чрезъ него сдѣлались прекрасными и добрыми, обвинили его въ расхищеніи казны ³ и даже едва не наказали смертію, — разумѣтся, какъ человѣка дурнаго.

Калл. Что жъ? повтому Периклъ былъ нехорошъ?

Сокр. Ну да попечитель объ ослахъ, лошадяхъ, быкахъ,

ніяхъ, любили пустословить на площадяхъ, ὡςτε εἰς οὐδὲν ἕτερον εὐχαίρουσιν, ἢ λέγειν τι καὶ ἀκροῦσιν καὶ οὐκ ἄλλο, оставили прежнюю простоту нравовъ и почитали дѣломъ моды убивать время, смотря по возрасту и наклонностямъ, либо въ игрѣ, либо въ сообществѣ съ гетерами. *Athen.* XII. 8. p. 532 D. Плутархъ замѣчаетъ (v. Periclis) что Периклъ сперва самъ причалъ народъ къ такому роду жизни, желая нравиться ему καὶ πρὸς χάριν πολιτευθῆναι, съ цѣлію одолѣть враждебныя себѣ партіи; а потомъ, когда власть его въ республикѣ утвердилась, онъ вздумалъ было стараться объ улучшеніи гражданъ, но уже не могъ измѣнить нравственнаго ихъ направленія и въ могилу сопровождаемъ былъ ропотомъ и недовольствомъ волновавшихся Аѳинянъ.

¹ По словамъ Ульпіана (ad orat. Demosth. περὶ τῶν ἄξινως), Периклъ ἔταξε μισθοφορὰν καὶ ἔδωκε τῷ δήμῳ στρατευομένοις p. 50. Ἰδέτωσ τὸν μισθὸν τῶν στρατευομένων οἱ παλαιοὶ μισθοφορὰν ἔλεγον. Но въ этомъ мѣствѣ Платонъ, повидимому, разумѣетъ вообще жалованье, или, можетъ быть, денежные награды за службу. По крайней мѣрѣ Аристотель говоритъ о Периклѣ (Polit. I. 11) τὰ δίκαστηρία μισθοφόρα κατέστησε Περικλήδης. Сравн. *Beckeri Anecdot.* T. I. p. 158. *μισθοφορῶν μισθοῦ στρατεύομαι ἢ ὑπηρετῶ.*

² Калликлъ разумѣетъ Спартанцевъ См. прим. къ Прот. p. 342 В. Надъ такими людьми смѣется Аристофанъ (Auv. v. 1281). Калликлъ этими словами хотѣлъ выразить нерасположеніе свое къ строгому спартанскому образу мыслей и къ спартанской жизни.

³ Діодоръ (XII. с. 38 p. 306 В) рассказываетъ, что Периклъ присвоилъ себѣ значительную часть капитала, составленнаго союзными республиками, и не могши дать въ немъ отчета, возбудилъ Пелопонесскую войну. Обвиняли его и въ утаеніи тѣхъ денегъ, на которыя Фидіасу положено было одѣть статую Минервы. *Diod.*

какъ попечитель, конечно показался бы нехорошимъ, если-бы, принявъ ихъ нелягающимися, небодающими и негу-сающими, довелъ до того, что они, по дикости, стали бы дѣлать все это. Развѣ не кажется тебѣ, что какой-нибудь попечитель о какомъ-нибудь животномъ—нехорошъ, когда, принявъ его хорошимъ, выставилъ болѣе дикимъ, чѣмъ ка-в. кимъ принялъ? Кажется, или нѣтъ?

Калл. Конечно,—чтобъ угодить тебѣ.

Сокр. Угоди же мнѣ отвѣтомъ и на это: принадлежитъ ли и человѣкъ къ числу животныхъ, или не принадлежитъ?

Калл. Какъ же не принадлежитъ!

Сокр. Но Периклъ не о людяхъ ли имѣлъ попеченіе?

Калл. Да.

Сокр. Что жъ? не надлежало ли имъ, какъ мы сейчасъ согласились, изъ несправедливыхъ сдѣлаться чрезъ него справедливыѣ, если только онъ, бывъ въ политическомъ отношеніи добрымъ, имѣлъ о нихъ попеченіе? С.

Калл. Конечно.

Сокр. Но справедливые-то не кротки ли, какъ сказалъ Омиръ ¹? А ты что скажешь? Не такъ?

Калл. Такъ.

Сокр. Однакоже Периклъ выставилъ ихъ болѣе дикими, чѣмъ какими принялъ,—и притомъ къ себѣ самому, чего хотѣлъ онъ всего менѣе.

Калл. Хочешь, чтобы я согласился съ тобою?

Сокр. Если только кажется тебѣ, что я говорю правду.

Калл. Пусть ужъ такъ.

Сокр. А когда болѣе дикими, то не болѣе ли также несправедливыми и худшими?

Калл. Пускай. D.

¹ Сократъ указываетъ здѣсь на 119—121 стихи въ 6-й книгѣ Одиссеи:

Горе! къ какому народу зашелъ я! Быть можетъ, здѣсь область Дикихъ, незнающихъ правды людей? Иль, можетъ быть, встрѣчу Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ.

Сокр. Но отсюда слѣдуетъ, что въ политическомъ отношеніи Периклъ не былъ добръ.

Калл. Какъ ты-то говоришь, такъ не былъ.

Сокр. Да и какъ ты, клянусь Зевсомъ, судя по допущеннымъ тобою положеніямъ. Но говори мнѣ еще и о Кимонѣ. Эти Аѳиняне, о которыхъ онъ имѣлъ попеченіе, не осудили ли его на изгнаніе, чтобы не слышать его голоса десять лѣтъ? Не то же ли самое сдѣлали они и съThemistocleомъ, наказавъ его ссылкойю? А Мильтиада мараонскаго Е. не приговорили ли бросить въ ровъ? да и бросили бы, — не вступишь только предсѣдатель Пританіона ¹. Между тѣмъ, еслибы они были, какъ ты говоришь, мужи добрые, никогда не потерпѣли бы этого. Неужели добрые-то возничіе сперва не падаютъ съ двухконной повозки, а когда уже объѣздили лошадей и сами сдѣлались лучшими возничими, — падаютъ? Такъ не бываетъ ни въ какомъ другомъ дѣлѣ. Или тебѣ кажется?

Калл. Нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно прежнее наше положеніе, какъ вид-
517. но, справедливо, что въ этомъ городѣ мы не знаемъ ни одного человѣка, который въ смыслѣ политическомъ былъ бы добръ. Да и ты согласенъ, что, нынѣ по крайней мѣрѣ, такихъ нѣтъ, а прежде, говоришь, были, и представилъ упомянутыхъ нами мужей. Но эти мужи оказались равнаго достоинства съ нынѣшними; такъ что, если они были риторами, то пользовались риторикою и не истинною, — иначе не пали бы, — и не спасительною.

Калл. Однакожъ никому изъ нынѣшнихъ, Сократъ, далеко В. не совершить такихъ дѣлъ, какія совершилъ любой изъ тѣхъ.

Сокр. Но вѣдь я порицаю ихъ, почтеннѣйшій, только какъ слугъ города, и мнѣ кажется, что нынѣшніе-то сдѣлались услужливѣе и способнѣе обогатить городъ тѣмъ, чего

¹ Предсѣдатель Пританіона, по-гречески просто $\delta \pi\rho\upsilon\tau\acute{\alpha}\nu\iota\varsigma$, коего должность состояла въ позволеніи народу подавать голоса, $\epsilon\pi\iota\psi\eta\tau\iota\zeta\epsilon\upsilon\upsilon$.

онъ желаетъ. А чтобъ ограничивать пожеланія и не позволять ихъ, убѣждая и принуждая гражданъ стремиться къ тому, отъ чего они вышли бы лучшими,—этимъ прежніе, просто сказать, нисколько не отличаются отъ нынѣшнихъ, хотя доброму гражданину свойственно это одно ¹. Вотъ что касается до построения кораблей, стѣнъ, флотовъ и многого другаго, С. то и я согласенъ съ тобою, что тѣ были успѣшнѣе этихъ.— Впрочемъ, ведя такъ разговоръ, мы—я и ты—дѣлаемъ что-то смѣшное, ибо во все время бесѣды не перестаемъ возвращаться къ одному и тому же предмету и оставаться въ невѣденіи того, что говорить каждый изъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, ты, кажется, уже нѣсколько разъ согласился и дозналъ, что дѣятельность въ отношеніи и къ тѣлу и къ душѣ бываетъ двойкая,—слѣдующихъ видовъ: одна—услужливая, можно ли, напримѣръ, когда тѣла алчутъ, доставить имъ пищу, когда жаждутъ,—питье, когда зябнутъ,—одежду, постель, обувь и все другое, чего приходится желать тѣлу. (Я нарочно объясняю тебѣ тѣми же подобіями, чтобы ты легче понялъ). Кто доставляетъ это, тотъ—либо цѣловальникъ, либо купецъ ², либо производитель которой-нибудь изъ такихъ ве-

D.

¹ Платонъ различаетъ двѣ цѣли государственнаго правленія: первую—*τὰ τῆς πόλεως* и вторую—*οὐτὴν τὴν πόλιν διοικεῖν*. Первой цѣли правитель достигаетъ тогда, когда сословія общества обогащаетъ внѣшними или материальными благами; а къ послѣдней идетъ онъ, улучшая нравственное состояніе гражданъ. Знаменитые вожди Аѳинянъ въ прежнія времена, говоритъ Платонъ, дѣйствительно многое дѣлали для тѣла—*πρὸς τὰ τῆς πόλεως*, то-есть прославили общество силою оружія, ободрили и распространили его торговлю, доставили ему разнообразныя удобства жизни: но имѣя въ виду только это и не заботясь о внутреннемъ или нравственномъ улучшеніи гражданъ,—*αὐτῆς τῆς πόλεως*, они дѣлали обществу болѣе вреда, чѣмъ пользы; потому что нравственно-худымъ людямъ богатство, внѣшняя слава и проч. служить не въ помощь, а въ погибель.

² Въ коммерческомъ сословіи аѳинскаго народа Платонъ различаетъ два рода продавцовъ. Перваго рода продавцы—*ἐμποροὶ*, по нашему, купцы, занимающиеся оптовою торговлею,—это биржевые агенты въ мірѣ коммерческомъ; они продаютъ товары, не измѣняя достоинства самыхъ товаровъ. Другой классъ продавцовъ—*καπηλοὶ*, или торговцы мелочные, которые, покупая предметы торговли оптомъ, продаютъ ихъ по частямъ, высшею цѣною, и сверхъ того смѣшиваютъ, поддѣлываютъ и, такимъ образомъ уменьшая внутреннюю

щей, напримѣръ, или хлѣбникъ, или поваръ, или ткачъ, или сапожникъ, или кожевникъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что такой человѣкъ окажется попечителемъ тѣла—и себѣ, и другому, и каждому; онъ не знаетъ, что, кромѣ всѣхъ этихъ занятій, есть искусства гимнастическое и врачебное, которыя имѣютъ истинное попеченіе о тѣлѣ, которыя должны начальствовать надъ всѣми тѣми искусствами и пользоваться ихъ дѣлами съ сознаниемъ того, что такая-то пища, 518. либо такое-то питье полезно для крѣпости тѣла, или вредно, тогда какъ тѣ другія искусства не знаютъ этого. И вотъ почему тѣ другія искусства въ своей дѣятельности касательно тѣла суть рабскія, услуживающія и несвободныя, а гимнастическое и врачебное въ отношеніи къ нимъ справедливо почитаются господствующими. То же самое и въ разсужденіи души. Да иногда ты, кажется, и понимаешь мои слова и соглашаешься, какбы зная, что я говорю; а потомъ, немного спустя, приходишь къ мысли, что въ городѣ бывали гражда- в. не прекрасные и добрые. Но когда я спрашиваю, кто они, ты указываешь мнѣ, повидимому, на такихъ же людей въ отношеніи къ дѣламъ политическимъ, какъ еслибы я спросилъ тебя о дѣлахъ гимнастическихъ, кто были, или теперъ есть попечители тѣла, а ты очень серьезно отвѣчалъ бы мнѣ: хлѣбникъ Θεоріонъ, описатель повареннаго дѣла въ Сициліи, Миоэкъ, и торговецъ Сарамвъ, говоря, что они-то дивно пеклись о тѣлахъ, — одинъ приготовлялъ чудесный хлѣбъ, дру- с. гой—кушанье, третій—вино. Можетъ быть, въ то время тебѣ стало бы досадно, еслибы я сказалъ на это: человѣкъ! ты нисколько не знаешь гимнастики, когда называешь людей, услуживающихъ и угождающихъ пожеланіямъ, въ которыхъ они не смыслятъ ничего прекраснаго и добраго. Такіе искусники, хвалимые нами, если случится, наполнивъ и начинивъ тѣла

цѣнность продаваемыхъ вещей, чрезъ то самое теряютъ уваженіе къ себѣ общества. По крайней мѣрѣ у Грековъ *κἀπηλοι* не пользовались выгоднымъ мнѣніемъ согражданъ. *Heindorf. ad h. l. ad Horat. Satyr. 1, 1, 6. къ Протаг. 372 С.*

людей, готовы истребить въ нихъ и давнюю плоть: начиненные же будутъ виновниками болѣзней и потери прежняго тѣла, по неопытности почитать не угощателей, а тѣхъ, кому придется при нихъ быть и что-нибудь совѣтовать, тогда какъ пресыщеніе, не соображенное съ здоровьемъ, повергло уже ихъ въ болѣзненное состояніе на все послѣдующее время. Этихъ стануть они обвинять, бранить и даже, если можно, причинять имъ зло, а первыхъ, дѣйствительныхъ виновниковъ зла, превозносить похвалами. Очень Е. подобное этому дѣлаешь теперь и ты, Калликлъ: хвалишь такихъ людей, которые на своихъ пирахъ угощали Аѳинянъ всѣмъ, чего имъ хотѣлось. И вотъ говорятъ, будто они сдѣлали городъ великимъ; а что этотъ городъ опухъ и что тѣ прежніе только прикрыли его раны ¹, того не замѣчаютъ. Безъ всякой разсудительности и справедливости, они наполнили его гаванями, флотами, стѣнами, пошлинами и другими подобными пустяками: а какъ наступить этотъ привалъ слабости,—стануть обвинять тогдашнихъ совѣтниковъ;Themistocle же, Кимона и Перикла — дѣйствительныхъ виновниковъ зла, будутъ превозносить похвалами. Можетъ быть, возмутъ и тебя, если не поостережешься, и друга моего Алкивиада ², когда для новыхъ пріобрѣтеній теряютъ прежнія, хотя вы — не производители зла, а развѣ помощники ихъ. Впрочемъ вижу, в. бываетъ нѣчто безразсудное и теперь, что, слышу, бывало

¹ *Опухъ—прикрыли раны.* Эту мысль Платонъ весьма мѣтко выражаетъ только двумя чрезвычайно знаменательными словами: *οἰδεῖ καὶ ὑποῦλος ἔστι.* Аѳинская республика, во времена Перикла, по внѣшнему своему состоянію, казалась сильною, цвѣтущею, богатою и, по своему тогдашнему вліянію, обширною. Но такъ какъ внутри ея развивался развратъ, кипѣли страсти, обобщались самыя низкія злоупотребленія, и пороки, растлѣвавшіе внутреннюю пружину государственной жизни, скрываясь подъ благообразными формами внѣшности, не почитались уже пороками; то внѣшнее благоденствіе аѳинской республики дѣйствительно было не иное что, какъ болѣзненная пухлость и красивая накладка на гніющихъ и смрадныхъ ранахъ общественнаго тѣла.

² Платонъ указываетъ безъ сомнѣнія на экспедицію противъ Сициліи, которую предпринять присовѣтовалъ Аѳинянамъ Алкивиадъ, и которая, какъ извѣстно, была весьма гибельна для Аѳинянъ.

съ мужами древними. Замѣтно вѣдь, что когда городъ съ кѣмъ-либо изъ политиковъ поступаетъ, какъ съ обидчикомъ, иные досаждаютъ и жалуются, что терпятъ притѣсненіе: вотъ мы, говорятъ, сдѣлали городу много добра, и однакожъ несправедливо гибнемъ отъ него. А это — совершенная ложь. Ни одинъ начальникъ никогда не гибнетъ

С. несправедливо отъ того самаго города, надъ которымъ начальствуетъ. Съ людьми, выдающими себя за политиковъ, должно быть, случается то же самое, что съ софистами. Вѣдь и софисты, сколь ни мудры впрочемъ они, въ этомъ поступаютъ бозтолково: называя себя учителями добродѣтели, эти наставники часто жалуются на своихъ учениковъ, что они обижаютъ ихъ, — не платятъ имъ денегъ, и вообще остаются неблагодарными за оказанныя имъ благодѣянія. Можетъ ли что-нибудь быть несообразнѣе этихъ рѣчей? Чтобы люди, сдѣлавшись добрыми и справедливыми, из-

Д. бавившись отъ несправедливости чрезъ своего учителя и стяжавъ справедливость, стали обижать тѣмъ, чего не имѣютъ? Не кажется ли тебѣ это безтолковымъ, другъ мой? — Не желая отвѣчать, ты, Калликлъ, уже въ самомъ дѣлѣ заставилъ меня ораторствовать.

Калл. А развѣ ты не можешь говорить, если тебѣ не отвѣчаютъ?

Сокр. Походить-таки; теперь же протянулъ такую длинную рѣчь — именно потому, что не хочешь отвѣчать. Но скажи, ради покровителя дружбы, добрый человѣкъ, не кажется ли тебѣ несообразнымъ — говорить, что такого-то сдѣлали мы добрымъ, и потомъ порицать его за то, что, бывъ чрезъ насъ и будучи добръ, онъ является злымъ?

Калл. Мнѣ кажется.

Сокр. А не слышишь ли, что такъ говорятъ люди, по слову 520. вамъ ихъ, наставляющіе другихъ въ добродѣтели?

Калл. Слышу. Но зачѣмъ упоминать о людяхъ ничтожныхъ¹?

¹ Этотъ отзывъ Калликла о софистахъ, какъ о людяхъ ничтожныхъ, въ-

Сокр. Зачѣмъ же самъ упоминаешь о тѣхъ, которые, говоря, что начальствуютъ надъ городомъ и заботятся, какъ бы быть ему наилучшимъ, при случаѣ снова обвиняютъ его, какъ общество негоднѣйшее? Послѣдніе развѣ, думаешь, отличаются отъ первыхъ? Софистъ и риторъ — одно и то же, почтенинѣйшій, по крайней мѣрѣ нѣчто близкое и сходное, какъ я говорилъ Полосу. А ты, по незнанію, первое, то-есть риторику, считаешь чѣмъ-то прекраснымъ, а другое порицаешь. На самомъ дѣлѣ, софистика даже лучше риторики, какъ законоположница лучше судебницы, гимнастика лучше медицины. Для однихъ ораторовъ и софистовъ я и считалъ непозволительнымъ порицать гражданъ за то, чему сами учатъ ихъ, что, то-есть, въ отношеніи къ своимъ учителямъ они — зло. Иначе, на этомъ же основаніи имъ слѣдовало бы порицать и самихъ себя, что они нисколько не принесли пользы тѣмъ, для кого обѣщались быть полезными. Не такъ ли?

Калл. Конечно.

С.

Сокр. Имъ-то однимъ повидимому и свойственно было благодѣтельствовать безъ награды, если они говорили правду; ибо благодѣтельствованный какъ-нибудь иначе, напримѣръ, получившій отъ педотрива способность скоро ходить, можетъ быть, имѣлъ бы еще возможность лишить его благодарности, когда бы педотривъ, преподавъ ему это искусство и сошедшись съ нимъ въ цѣнѣ, получилъ деньги не въ ту самую минуту, когда преподалъ¹: потому что люди поступаютъ несправедливо, думаю, не медленностію, а несправедливостію. Не правда ли?

D.

Калл. Да.

Сокр. Итакъ, кто уничтожаетъ это самое,—несправедли-

роятно, относится къ Протагору, Продикю и другимъ, которые называли себя учителями добродѣтели; ибо Горгіасъ, по его объявленію, былъ учитель не добродѣтели, а риторики и гражданского краснорѣчія. Меп. р. 95 С.

¹ Мысль та, что ученикъ педотрива, научившись отъ него скоро ходить, въ доказательство своихъ успѣховъ въ бѣганьи, могъ бы уйти отъ него, не заплативши денегъ.

вость, тому нечего бояться, какъ бы не поступили съ нимъ несправедливо: лишь бы только свое благодѣяніе дѣлалъ онъ навѣрное, если кто-нибудь по истинѣ можетъ дѣлать людей добрыми. Не такъ ли?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Поэтому-то, видно, за деньги подавать какіе-либо другіе совѣты, напримѣръ, касательно домостроительства и подобныхъ искусствъ, — нисколько не постыдно.

Е. *Калл.* Да, видно.

Сокр. А касательно этого-то дѣла, то-есть, какимъ бы образомъ быть человѣкомъ наилучшимъ и превосходно управлять своимъ домомъ или городомъ, признано за постыдное не совѣтовать, если не даютъ денегъ. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Вѣдь явно, что по этой-то причинѣ упомянутое благодѣяніе само возбуждаетъ въ облагодѣтельствованномъ желаніе заплатить за него; такъ что сдѣлавшій добро — если за свое благодѣяніе вознаграждается, — это уже хорошій знакъ, а когда не вознаграждается, — нехорошій. Такъ ли бываетъ?

521. *Калл.* Такъ.

Сокр. Опредѣли же мнѣ: къ какой гражданской службѣ приглашаешь меня? Къ той ли, въ которой я, какбы врачъ, долженъ бороться съ Аѳинянами, чтобы они были людьми наилучшими, или къ той, въ которой надобно прислуживаться и говорить имъ угодное? Скажи мнѣ правду, Калликлъ. Вѣдь если ужъ ты началъ говорить со мною откровенно, то по справедливости обязанъ наконецъ высказать, что думаешь. Скажи же дѣльно и искренно.

В. *Калл.* Изволь, говорю, что къ той, въ которой надобно прислуживаться.

Сокр. Стало быть, ты приглашаешь меня къ ласкательству, благороднѣйшій человѣкъ?

Калл. Когда тебѣ нравится, Сократъ, такого человѣка

называть Мидяниномъ ¹, — пускай. Но если этого-то не будешь дѣлать?

Сокр. Не говори, что говорилъ уже многократно, то-есть, меня убьетъ всякій, кто захочетъ, — чтобы и я опять не сказалъ: злой—доброга; или: у меня отнимутъ имущество, — чтобы и мнѣ снова не пришлось сказать: отнявшій не найдеть, чтò дѣлать съ отнятымъ, и какъ несправедливо у меня С. отнялъ, такъ несправедливо будетъ и пользоваться полученнымъ, — а если несправедливо, то и постыдно, если постыдно, то и дурно.

Калл. Какъ ты увѣренъ, Сократъ, кажется мнѣ, что ничего такого не случится, будто живешь далеко и не можешь быть приведенъ въ судъ, положимъ, какимъ-нибудь злонамереннымъ и дурнымъ человѣкомъ!

Сокр. Стало быть, я въ самомъ дѣлѣ глупъ, Калликъ, если не думаю, что въ этомъ городѣ могутъ быть случайности, которыя кто-нибудь испытываетъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно то, что когда я пойду въ судъ, подвергаясь D. которой-либо изъ упомянутыхъ тобою опасностей, — вводящій меня будетъ человѣкъ злой; потому что ни одинъ добрый не захочетъ ввести невиннаго. Да и не было бы ничего страннаго, еслибы я долженъ былъ умереть. Хочешь ли, скажу тебѣ, почему ожидаю этого?

Калл. И очень.

¹ Племя Мидянъ у Грековъ вошло въ пословицу, какъ низкое и презрѣнное. Пословица *Μυσῶν ὁ ἔσχατος*, часто повторяема была и другими писателями, и Платонѣмъ (*Theaet.* р. 209 В). Имя Мидянъ Грекамъ не нравилось; а ласкательства мидійскаго они, какъ видно, не чуждались, хотя никакъ не соглашались называть это ласкательствомъ. На счетъ Мидянъ у Грековъ была и другая пословица: *Μυσῶν λεία*, по объясненію Свида, *παροιμία ἐπὶ τῶν κακῶς διαρπαζομένων. Οἱ γὰρ περίοικοι κατ'ἐκείνον τὸν χρόνον τοὺς Μυσοὺς ἐληίζοντο.* Эту пословицу Корнаріи и Казавбонъ вносятъ и въ настоящій текстъ, ибо читаютъ его такъ: *εἰ μὴ σοὶ Μυσῶν γίγνεσθαι ἤδιον λείαν.* Олимпіодоръ соглашаетъ эти тексты и смыслы слѣдующимъ образомъ: *Ἡ παροιμία αὕτη ἐκ τοῦ Τηλέφου ἐστὶν Εὐριπίδου. Ἐκεῖ γὰρ ἔρωτᾷ τις περὶ τοῦ Τηλέφου, καὶ φησι τὸ Μυσὸν Τηλέφου. εἶτε δὲ Μυσὸς ἦν εἶτε ἄλλοθεν ποθέν, πῶς ὅτι ὁ Τηλέφος γυωρίζεται. οὕτω καὶ ἐνταῦθα εἶτε κόλαξα εἴλεις εἰπεῖν τὸν τοιοῦτον, εἶτε διάκονον, εἶτε ὄντιναοῦν, δεῖ, φησὶν ὁ καλλικλῆς, τοιοῦτον εἶναι περὶ τὴν πόλιν.*

Сокр. Я, съ немногими, думаю, Аеинянами, чтобъ не сказать,—одинъ изъ нынѣшнихъ Аеинянь, берусь за истинно-политическое искусство и совершенно политическія дѣла. А такъ какъ всегда высказываемыя мною мысли высказываются не въ угожденіе и не для удовольствія, а для цѣли наилучшей,—ибо я не хочу дѣлать то, что ты совѣтуешь, дѣлать этотъ высокопарный вздоръ;—то въ судѣ мнѣ и нечего будетъ отвѣчать. Придется говорить то же, что сказалъ я Полосу¹: надо мною произведенъ будетъ судъ, какъ, по обвиненію повара, дѣти производили бы судъ надъ врачомъ. Смотри самъ, что могъ бы сказать въ свое оправданіе такой человѣкъ, взятый по такому дѣлу, еслибы, то-есть, кто-нибудь обвинялъ его и говорилъ: дѣти! этотъ и вамъ самимъ надѣлалъ много зла, и портитъ юнѣйшихъ между вами; онъ и рѣжетъ, и жжетъ, и изсушаетъ, и душитъ, — не 522. знаешь, что дѣлать, — даетъ самые горькіе напитки, принуждаетъ алкать и жаждать, тогда какъ я услаждаю васъ многими и различными удовольствіями. Опутанный такимъ обвиненіемъ, что, по твоему мнѣнію, можетъ сказать врачъ? Положимъ, скажетъ онъ правду: все это дѣлалъ я, дѣти, для вашего здоровья;—сколько, думаешь, крику поднимутъ такіе судьи! Не много ли?

Калл. Можетъ быть; да и вѣдомо.

Сокр. И какъ тебѣ кажется, не будетъ ли онъ въ величайшемъ затрудненіи, что ему дѣлать?

В. *Калл.* Конечно.

Сокр. Такое именно состояніе достанется, знаю, испытать и мнѣ, когда войду въ судилище. Вѣдь я не могу исчислить тамъ доставленныхъ имъ удовольствій, которыя они называютъ благодѣяніями и пользами, да и не завидую ни тѣмъ, кто доставляетъ ихъ, ни тѣмъ, кому онѣ доставляются. И если скажутъ, что я порчу иногда младшихъ, приводя ихъ въ недоумѣніе, иногда старшихъ, заставляя ихъ частно

¹ Указывается р. 464 D. ὡστ' εἰ θεοὶ ἐν πατρὶ διαγωνίζεσθαι ὑφοπιόν τε καὶ ἰατρὸν κ. τ. λ.

и всенародно произносить горькое слово; то мнѣ не вымолвить ни истины, что все это говорю я справедливо и поступаю такъ именно для васъ, судьи,—ни чего-либо другаго, но, можетъ быть, придется терпѣть, что бы ни случилось. С.

Калл. И тебѣ кажется, Сократъ, что такое состояніе человѣка въ городѣ, такое безсиліе его помочь самому себѣ, есть дѣло хорошее?

Сокр. Да, если только въ немъ имѣется то, Калликлъ, на что ты многократно соглашался,—если, то-есть, онъ помогъ себѣ тѣмъ, что и не говорилъ и не дѣлалъ ничего несправедливаго, какъ въ отношеніи къ людямъ, такъ и въ D. отношеніи къ богамъ. Вѣдь подобная помощь уже много разъ признана нами за превосходнѣйшую. Итакъ, когда бы доказали мнѣ, что такой помощи я не могу подать ни себѣ, ни другому, то обличенный и предъ многими, и предъ немногими, и глазъ на глазъ, я стыдился бы и, случись, что чрезъ это безсиліе надлежало бы умереть, — мнѣ было бы досадно. Но если необходимость велить подвергнуться смерти по недостатку льстивой риторики, то знаю, увидишь, что смерть я перенесу равнодушно; ибо кто не во все безразсуденъ и малодушенъ, тотъ самой смерти не E. боится, а боится несправедливости. Вѣдь только душѣ, преисполненной многими неправдами, идти въ преисподнюю есть крайнее изъ всѣхъ золъ. А что это такъ, хочешь ли, передамъ тебѣ сказаніе?

Калл. Да, если другое-то кончилъ, кончи и это.

Сокр. Выслушай же прекрасное, какъ говорится, сказа- 523.
ніе ¹, которое ты сочтешь, думаю, за басню, а я называю

¹ Слѣдуетъ прекрасное, поэтически и мнѣически изложенное преданіе о судьбѣ душъ послѣ этой жизни. Подобный рассказъ предлагаетъ Платонъ въ Федонѣ р. 107 D sqq. и въ Политикѣ р. 614 sqq.; но каждый изъ этихъ рассказовъ имѣетъ свои особенности, примѣнительно къ цѣли діалога. Вне-сенное здѣсь слово *какъ говорится*, *расі*, было обыкновеннымъ, проverbsальнымъ началомъ историческаго либо баснословнаго рассказа. Tim. р. 20 D. *Сказаніе* — здѣсь *μῦθος*, сказка не сказка, а присказка. Legg. IX р. 872 D. Phaedon. р. 61 D.

сказаніемъ; потому что предположенное буду рассказывать тебѣ, какъ дѣйствительную истину. По словамъ Омира, владычество (надъ землею), принятое отъ отца, раздѣлили между собою Зевсъ, Посидонъ и Плутонъ. У Кроноса же касательно людей всегда былъ, да и теперь еще между богами есть слѣдующій законъ: человѣку, проведшему жизнь праведно и свято, когда онъ умретъ, переселяться на острова блаженныхъ и тамъ обитать во всякомъ благоденствіи, внѣ золь; а жившему неправедно и безбожно идти въ узилище истязанія и казни, называемое тартаромъ. Судьями ихъ и при Кроносѣ, да и послѣ уже, въ царствованіе Зевса, были жившіе тогда судьи живыхъ, и судили они ихъ въ тотъ самый день, въ который надлежало имъ умереть. Поэтому судъ производился худо. Тогда Плутонъ и попечители съ острововъ блаженства пришли къ Зевсу и сказали, что къ нимъ въ С. то и другое мѣсто переселяются люди не по заслугамъ. — А вотъ я прекращу это, сказалъ Зевсъ. Теперь судъ въ самомъ дѣлѣ производится нехорошо; потому что судимые, говоритъ, судятся одѣтые ¹, поколику судятся живые. Теперь многіе, примолвилъ онъ, имѣя души лукавыя, являются облеченными въ прекрасныя тѣла, въ благородное происхожденіе и богатство. Поэтому, когда настаетъ судъ, приходитъ къ нимъ множество свидѣтелей, которые свидѣтельствуютъ, что они прожили вѣкъ праведно. Судьи D. увлекаются ими—тѣмъ болѣе, что и сами производятъ судъ одѣтые, поколику душа ихъ облечена глазами, ушами и цѣлымъ тѣломъ. Это-то все,—и собственныя ихъ одежды, и облаченія судимыхъ, — мѣшаетъ имъ (видѣть истину).

¹ Подъ именемъ одежды Платонъ разумѣетъ здѣсь не только тѣло и его наружность, но еще болѣе — внѣшнія преимущества рожденія и происхожденія, также богатство и гражданскія связи. Все это нерѣдко скрываетъ отъ судей безобразіе, невѣжество, тупость и низость душъ, такъ что судьи, смотря на людей съ лица, или съ внѣшней ихъ стороны, нерѣдко худое принимаютъ за хорошее, а хорошее за худое. Счастливы тѣ прозорливцы, которыхъ зрѣніе такъ остро, что не задерживается этими внѣшними покровами!

Итакъ сперва надобно, говорить, остановить въ нихъ дѣйствіе способности предузнавать смерть; теперь вѣдь они предузнаютъ ее. Да Прометею уже и сказано, чтобы онъ остановилъ эту способность.—Потомъ должно судить ихъ, Е. обнаживъ отъ всего такого; то-есть, подвергаться суду должно имъ по смерти. Равнымъ образомъ и судѣя слѣдуетъ быть нагимъ, — умершимъ, слѣдуетъ созерцать душу душею — тотчасъ, какъ скоро человѣкъ умеръ. Чтобы судъ его былъ справедливъ, ему надобно отчуждаться отъ всѣхъ родственниковъ и оставить на землѣ всѣ тѣ убранства. Для сего, узнавъ объ этомъ прежде васъ, я сдѣлалъ судьями своихъ сыновей—двухъ изъ Азіи ¹—Миноса и Радаманта, 524. и одного изъ Европы—Эака. Послѣ своей смерти они будутъ судить въ полѣ ², на распутіи, откуда идутъ двѣ дороги: одна—на острова блаженныхъ, а другая—въ тартаръ. Азійцевъ будетъ судить Радамантъ, а Европейцевъ—Эакъ; Миносу же я дамъ власть досуживать—въ томъ случаѣ, когда кто-либо изъ тѣхъ двухъ будетъ находиться въ недоумѣніи, чтобы сужденіе о переселеніи людей было самое справедливое.

Вотъ что я слышалъ и почитаю справедливымъ, Калликъ. А изъ этого сказанія вытекаетъ, думаю, слѣдующее В. заключеніе. Смерть, мнѣ кажется, есть не иное что, какъ взаимное отрѣшеніе двухъ вещей,—души и тѣла. Но когда онъ отрѣшаются одна отъ другой, тогда каждая изъ того со-

¹ Миносъ и Радамантъ — оба были Критяне, слѣдовательно Европейцы. Почему же мнѣ поставилъ ихъ судьями надъ жителями Азіи? Это объясняютъ тѣмъ, что, по матери, они были Азійцы, ибо родились отъ Европы, сестры Кадма Финикійскаго (Eustath. in *Iliad.* p. 982). Миносъ на островѣ Критѣ почитался не туземцемъ, а пришлецомъ. Strab. X. p. 477. При томъ Критъ могъ быть въ тѣ времена причисляемъ къ Азіи. Напротивъ Эакъ, сынъ Юпитера отъ Эгины, былъ эгинскимъ царемъ и считался самымъ благочестивымъ между Греками (*Plutarch. Vit. Thea.* p. 5 A).

² *Въ поле*, или на лугу, ἐν τῷ λειμῶνι. Объ этомъ мѣстѣ, откуда идутъ дороги въ элизіумъ и въ тартаръ, см. *Virgil. Aen. VI v. 540 sqq.* О немъ упоминается также de Rep. X. p. 616 B; а въ Аксіохъ онъ называется ὁ λειμῶν τῆς δικαιοσύνης, гдѣ то-есть ψεύτασθαι ἀμίχανον. Сравни. *Ast. ad Phaedrum.* p. 305 sq.

- стоянія, въ которомъ находилась при жизни человѣка, теряетъ немногое. Именно, тѣло сохраняетъ и свою природу, и служебные признаки, и естественныя свойства, —
- С. все видимое. Если напримѣръ, либо отъ природы, либо отъ пищи, либо отъ того и другаго, чье-нибудь тѣло было велико при жизни, то оно остается великимъ и по смерти; если было тучно (у живаго), то тучно и у мертваго; такъ и все другое. Кто заботился, положимъ, о выращеніи волосъ, у того и трупъ волосать; или опять, кто при жизни получалъ побои и носилъ знаки ударовъ, — язвыны на тѣлѣ — либо отъ бичей, либо отъ ранъ, тѣло того человѣка и по смерти представляетъ то же самое; или еще, — кто, живя, имѣлъ
- Д. переломленные либо изуродованные члены, у того и у мертваго видно это же. Однимъ словомъ: въ какое состояніе поставлено было тѣло живое, въ такомъ же по всему, или по многому, нѣсколько времени оказывается оно и мертвое. Это-то самое надобно, кажется мнѣ, Калликлѣ, сказать и о душѣ. Въ душѣ все становится явнымъ, когда она обнажается отъ тѣла, — и то, что душею человѣкъ получилъ отъ природы, и тѣ свойства, которыя приобрѣлъ онъ чрезъ занятіе какимъ-либо дѣломъ. Итакъ, когда люди приходятъ къ судѣ, напримѣръ, азійскіе — къ Радаманту; тогда Рада-
- Е. мантъ ставитъ ихъ подлѣ себя и смотритъ душу cadaго. Не зная, чья извѣстная душа, а между тѣмъ нерѣдко принимая душу великаго царя, или иного государя, либо властелина, онъ не замѣчаетъ въ ней ничего здраваго, но видитъ, что она избита, что отъ вѣроломства и несправедливости она
525. покрыта язвами, которыя въ каждомъ изъ пришедшихъ напечатлѣла на ней его дѣятельность, что отъ лжи и тщеславія все въ ней криво и нѣтъ ничего прямаго, потому что она воспитана безъ истины, что отъ своеволія, роскоши, сладострастія и невоздержанія она преисполнена несоразмѣрностей и срамоты въ дѣйствіяхъ¹. Нашедши же ее такую, Рада-

¹ Это прекрасное мѣсто, изображающее *μυδικός*, какъ душа уродуется и обезображивается многоразличными страстями и пороками, каковыхъ язвъ

мантъ съ безчестіемъ отсылаетъ ее прямо подъ стражу, куда пришедши, она должна переносить заслуженныя страданія. — А всякому, находящемуся подъ наказаніемъ, кто наказывается справедливо, надлежитъ или сдѣлаться лучшимъ и усовершиться, или служить примѣромъ для другихъ, чтобы другіе, видя претерпѣваемые имъ страданія, боялись и становились лучшими. Наказываемые богами и людьми, и чрезъ то получающіе пользу суть тѣ, которые дѣлали грѣхи исцѣлимые. Мученія и страданія бываютъ полезны для нихъ и здѣсь, и въ преисподней; а иначе нельзя вѣдь избавиться отъ неправды. Напротивъ отъ тѣхъ, которые совершали с. крайнія несправедливости и чрезъ такія неправды сдѣлались неисцѣлимыми, берутъ примѣры другіе. Сами они, какъ неисцѣлимые, уже не получаютъ никакой пользы; но другіе получаютъ, поколику смотрятъ на нихъ, какъ они за свои грѣхи во все время терпятъ величайшія, тягчайшія и ужаснѣйшія мученія, вися тамъ, въ узилищѣ преисподней, просто для примѣра, и всѣмъ приходящимъ туда неправеднымъ служа зрѣлищемъ и урокомъ. Однимъ изъ нихъ будетъ, думаю, и Архелай, если Полось говоритъ правду, и всякій другой, бывшій такимъ тиранномъ. И мнѣ кажется, что подобные примѣры изъ жизни тиранновъ, царей, властелиновъ и правителей дѣлѣ въ городахъ были многочисленны; потому что, пользуясь властію, эти люди совершаютъ величайшіе и нечестивѣйшіе грѣхи, о чемъ свидѣтельствуется и Омиръ ⁴. Онъ воспѣлъ, что цари и властелины, Танталъ, Сизифъ и Титій, вѣчно наказываются въ преисподней; а Е.

однакоже, гнушаясь ими въ тѣлѣ, мы не замѣчаемъ въ душѣ, — было предметомъ подражанія для писателей послѣдующихъ. Снес. *Jacobs. ad Antholog.* VI. 1. p. 70. III. 1. p. 144. Понятіе о *несоразмѣрности* въ душѣ взято съ музыки. Какъ добродѣтель, состоящая въ нѣкоемъ музыкальномъ согласіи дѣйствій, свидѣтельствуется о гармоніи душевныхъ силъ: такъ пороки, увлекающіе дѣятельность къ односторонности — къ какой-нибудь преобладающей страсти, служатъ показателями разстройства способностей души, поколику, то-есть, однѣ изъ нихъ брошены и гложутъ, а другія слишкомъ напряжены и заглушаютъ.

⁴ Здѣсь Платонъ имѣлъ въ виду *Odyss.* λ' v. 575 sqq.

Өерситъ , да и ни одинъ лукавецъ изъ частныхъ людей не подвергается величайшимъ казнямъ , какъ человекъ неисцѣлимый , ибо не имѣлъ , думаю , силы , а потому сталъ блаженнѣе тѣхъ , которые пользовались властію . Да , Калликлъ , изъ сильныхъ-то людей и выходятъ большіе злодѣи . Впрочемъ , ничто не мѣшаетъ быть и между ними

26. мужамъ добрымъ , и они достойны всякаго удивленія , когда бываютъ такими ; потому что трудно , Калликлъ , и особенно достохвально ,—при великой власти дѣлать неправду , провести жизнь праведно . Такихъ является немного . Если прекрасные и добрые люди , въ отношеніи къ добродѣтели—справедливо вести ввѣренные имъ дѣла , бывали тамъ и

В. тутъ ; то они , думаю , будутъ и послѣ . Однимъ изъ нихъ и очень знаменитымъ , даже между всѣми Греками , должно почитать Аристиду , сына Лизимахова ; многіе же изъ властителей , почтеннѣйшія ,—обыкновенно люди злые . Итакъ когда тотъ Радамантъ , сказалъ я , беретъ кого-либо изъ подобныхъ смертныхъ , тогда не знаетъ о немъ ничего ,—ни кто онъ , ни изъ какого рода людей , а знаетъ только , что онъ золь , и , видя это , кладетъ на немъ знакъ , исцѣлимымъ ли почитаетъ его , или неисцѣлимымъ , и отсылаетъ его въ

С. тартаръ , куда пришедши , онъ терпитъ , что ему слѣдуетъ . Если же , напротивъ , судья видитъ иногда мужа , прожившаго свято и согласно съ истиною , — говорю о душѣ человека частнаго ли то , или какого другаго , а особенно философа , Калликлъ , который дѣлалъ въ жизни свое и не входилъ въ дѣла , его некасающіяся ; — то радуется и отсылаетъ его на острова блаженныхъ . Точно такъ поступаетъ и Эакъ . Оба они судятъ , съ жезломъ въ рукахъ ; а Миносъ сидитъ одинъ , держа золотой скипетръ , и наблюдаетъ , какъ го-

Д. воритъ Омировъ Одиссей: ¹ .

Я видѣлъ его , —

Держащаго скипетръ золотой и судъ рекущаго тѣнямъ .

¹ Homer. Odys. λ' v. 575 sqq.

Тагъ вотъ какому сказанію вѣрю я, Калликлъ, и смотрю, какъ бы представить судѣ самую здравую душу. Поэтому-то, распрощавшись съ честями толпы, постараюсь наблюдать дѣйствительную истину, чтобы имѣть возможность и жить, и, когда придетъ смерть, умереть человѣкомъ наилучшимъ. Къ такой жизни и къ этому подвигу, который, Е. по моему мнѣнію, стоить всѣхъ здѣшнихъ подвиговъ, я приглашаю, сколько могу, и другихъ людей, да взаимно ¹ и тебя самого, и досажую, что ты не въ состояніи будешь помочь себѣ, когда предстанешь предъ судъ и когда, какъ я сейчасъ сказалъ, стануть судить тебя, но пришедши къ судѣ, сыну Эгины, и будучи взять имъ и ведомъ, рази- 527. нешь ротъ и начнешь заикаться тамъ — ничѣмъ не менѣе, какъ я здѣсь. А, можетъ быть, кто-нибудь и ударить ³ тебя по щекѣ, будетъ безчестить и всячески издѣваться надъ тобою.

Впрочемъ все это не кажется ли тебѣ бабьею баснею и не возбуждаетъ ли въ тебѣ презрѣнія? Да и не удивительно было бы презирать подобные рассказы, еслибы мы стали искать и нашли лучшіе и болѣе справедливые. Но теперь, видишь, вы, три человѣка, мудрѣйшіе изъ современныхъ В. Грековъ, ты, Полосъ и Горгіасъ, не можете доказать, что надобно вести жизнь другую, а не ту, которая явно приноситъ пользу и тамъ. Столько было разсужденій,—и они опровергнуты: устояло только одно это положеніе, что надобно больше остерегаться дѣлать обиду, чѣмъ быть обижаемымъ, всего же болѣе заботиться о томъ, чтобы не казаться, но частно и общественно быть добрымъ ². А кто въ чемъ-нибудь золъ, тотъ долженъ подвергаться наказанію;— и это—сдѣлаться справедливымъ, очистивъ свою вину наказаніемъ, будетъ второе благо послѣ блага — быть спра-

¹ Словомъ *взаимно* указывается р. 521 А и 486 А sqq., гдѣ Калликлъ убѣждалъ Сократа заниматься общественными дѣлами.

² Извѣстный стихъ Эсхила (Septem c. Theb. v. 598) οὐ γὰρ δοκεῖν ἀριστος, ἀλλ' εἶναι εἴλεε. Между тѣмъ многіе, по ученію философа (Theaet. p. 176 В), держутся той мысли, что τὸ δοκεῖν εἶναι ἀγαθόν.

С. ведливымъ (самодѣятельно). Всякаго же ласкательства и себѣ самому и другимъ, и немногимъ и многимъ, надобно избѣгать, и риторикою, какъ и инымъ какимъ-либо дѣломъ, всегда пользоваться такъ—для правды.

Итакъ, послушайся меня и иди этимъ путемъ. Попавъ на него, ты будешь блаженствовать и въ жизни, и по смерти, какъ видно изъ твоего же слова. Пусть, кто хочетъ, презираетъ тебя, будто безумнаго, и издѣвается надъ тобою: а ты-таки, клянусь Зевсомъ, мужественно прими эту постыдную пощечину; потому что не потерпишь ничего страшнаго, если, подвизаясь въ добродѣтели, будешь истинно прекрасенъ и добръ. Потрудившись же на этомъ поприщѣ съобща, мы потомъ уже, если покажется нужнымъ, приступимъ къ дѣламъ политическимъ, или къ чему заблагодарсудится, и будемъ подавать совѣты, какъ совѣтники лучшіе, чѣмъ теперь. Такими-то, какими мы являемся въ настоящее время, стыдно вѣдь намъ ребячески хвастаться, будто мы что-нибудь значимъ, между тѣмъ какъ объ одномъ и томъ же никогда не думаемъ одного и того же,—притомъ

Е. касательно вещей весьма важныхъ. До такого дошли мы невѣжества! Воспользуемся же, какбы словомъ руководительнымъ, вытекшимъ теперь заключеніемъ, которое даетъ намъ знать, что превосходнѣйшій образъ жизни есть—жить и умереть, подвизаясь въ справедливости и прочихъ добродѣтеляхъ. Этому-то образу жизни будемъ мы слѣдовать и къ нему-то постараемся приглашать другихъ, а не къ тому, къ которому расположенъ и приглашаешь меня ты; ибо послѣдній ничего не стоитъ, Калликлъ.

